

DORJI BANZAROV BURYAT STATE UNIVERSITY
CONFUCIUS INSTITUTE
CENTER OF LEGAL SUPPORT OF COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION
ADMINISTRATION OF THE HEAD OF THE REPUBLIC OF BURYATIA AND THE GOVERN-
MENT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA
SUPREME COURT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA
ARBITRATION COURT OF THE REPUBLIC OF BURYATIA
RUSSIAN-CHINESE LEGAL CENTER
UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS OF RUSSIA

**THE STATE AND LEGAL SYSTEMS
OF THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION:
PROBLEMS OF STATE AND LEGAL COOPERATION
IN THE CONDITIONS OF CRISIS OF INTERNATIONAL LAW**

*VIII International scientific and practical
conference materials
(Ulan-Ude, June 24, 2021)*

Ulan-Ude
Buryat State University Publishing House
2021

БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ
ЦЕНТР ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СО СТРАНАМИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
АДМИНИСТРАЦИЯ ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ И ПРАВИТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
ВЕРХОВНЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
АРБИТРАЖНЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ
СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА:
ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

*Материалы
VIII Международной научно-практической конференции
(Улан-Удэ, 24 июня 2021)*

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2021

УДК 341(5-014)
ББК 67.9(58)
Г 728

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета
Протокол № 7 от 09.11.2021 г.

Научный редактор

Ю. И. Скуратов, д-р юр. наук, проф.,
заслуженный юрист РФ

Ответственный редактор

В. М. Очирова, д-р полит. наук, доц. БГУ им. Д. Банзарова

Редакционная коллегия

Э. Л. Раднаева, канд. юр. наук, доц.; **Ю. Г. Хамнуев**, канд. юр. наук, доц.; **Ю. В. Хармаев**, канд. юр. наук, доц.; **О. В. Хышиктуев**, канд. юр. наук, доц.; **С. Ж. Дугарова**, д-р ист. наук, доц.; **С. В. Доржиева**, канд. юр. наук, доц.; **А. Т. Тумурова**, д-р юр. наук, доц.; **Ю. П. Гармаев**, д-р юр. наук, проф.; **С. В. Дагангаров**, ст. преп.

Сборник размещен в системе РИНЦ на платформе
Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Текст печатается в авторской редакции

- Г 728 **Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: проблемы государственно-правового сотрудничества в условиях кризиса международного права:** материалы VIII Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 24 июня 2021 г.) / науч. ред. Ю. И. Скуратов; отв. ред. В. М. Очирова. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2021. — 148 с. ISBN 978-5-9793-1659-8

В сборнике представлены материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной актуальным проблемам функционирования государственных и правовых систем стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а также вопросам правового обеспечения сотрудничества этих стран с Российской Федерацией. Содержатся статьи ученых и практиков из России, Китая и других государств, исследующих различные аспекты законодательства стран Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте современных тенденций развития международного права и сравнительного правоведения.

Сборник предназначен для ученых, преподавателей вузов, аспирантов и студентов, а также для специалистов в области международного права и сравнительного правоведения.

The state and legal systems of the countries of the Asia-Pacific region: problems of state and legal cooperation in the conditions of crisis of international law: VIII International scientific and practical conference materials (Ulan-Ude, June 24, 2021) / sci. ed. Y. I. Skuratov; resp. ed. V. M. Ochirova. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2021. — 148 p. ISBN 978-5-9793-1659-8

The collection of articles contains materials from the VIII International scientific and practical conference on topical issues of the functioning of state and legal systems of the countries in the Asia-Pacific region, as well as issues of legal support for cooperation of these countries with the Russian Federation. It contains the articles of scholars and practitioners from Russia, China and other states exploring various aspects of the legislation of the countries in the Asia-Pacific region in the context of current trends in the development of international law and comparative law.

The collection of articles is intended for scientists, university lecturers, graduate students and students, as well as for specialists in the field of international law and comparative law.

УДК 341(5-014)
ББК 67.9(58)

ISBN 978-5-9793-1659-8

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ТРАДИЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА НАРОДОВ ЕВРАЗИИ	
Абдипатгаев Т. М., Бердимуратов Ч. М. Соприкосновение трех границ в Ферганской долине	10
Аракелян А. А., Марон М. М., Фоменков А. А., Шарова Ю. В. Не совсем «Terra Incognita»: об отечественном опыте изучения Гонконга.....	15
Клочкова Н. В., Сорокин К. А. Сближение Российской Федерации и Китайской Республики в начале 1990-х годов: к вопросу о причинах	20
Мадаев Е. О. Доктрина как политико-правовой документ в Китае и России.....	24
Очирова В. М. Политическая динамика российского государства как фактор международных отношений	32
Пахомова Е. А., Рзаев Э. Э., Тюкалова А. О. «Русская вера» в Китае: опыт изучения истории и современности православия в Поднебесной.....	48
II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАЦИИ	
Дамдинова Э. Б. Мягкое право Китая.....	52
Зайкова С. Н. Административно-правовые институты обеспечения транспортной безопасности в государствах Евразийского Экономического Союза.....	56
Зеленукин Р. В. Проблемы реализации конституционно-правовой ответственности.....	59
Трошинский П. В. К вопросу о юридическом статусе Председателя КНР.....	65
Федорова Е. М., Хышиктуев О. В. Правовые основы «Экономического пояса Шелкового пути».....	70
Хобраков Д. Ц. Формы публично-властного контроля за законностью муниципальных нормативных правовых актов.....	75
Чжан Юепин Разграничение законодательных полномочий в Китае: теория и практика.....	80
III. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА	
Антонова Е. Ю. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления по законодательству Коста-Рики.....	86
Гнеушева Т. Б. Институт медиации в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительно-правовой аспект.....	91
Михина Е. Г. Применение упрощенных форм судопроизводства в уголовном процессе стран Евразийского Экономического Союза: сравнительный анализ и перспективы развития	95
Пастушенко А. А. Уголовно-правовая охрана бюджетных средств, предназначенных для решения задач в условиях чрезвычайных обстоятельств (на примере отдельных стран Азиатско-Тихоокеанского региона)	101
Потапов С. А. Криминалистическое значение неотложных следственных действий в раскрытии и расследовании преступлений.....	106
Репецкая А. Л., Родивилин И. П. Противодействие преступлениям в сфере обращения охраняемой законом информации.....	111
Серебренникова А. В. Организованная преступность: проблемы противодействия.....	116
Содномова Э. Д. Противодействие киберугрозам в банковском секторе Сингапура.....	121
Программа конференции.....	127
Сведения об участниках конференции.....	140

CONTENT

Preface	7
I. HISTORICAL EXPERIENCE AND TRADITIONS OF THE STATE AND THE RIGHTS OF THE PEOPLES OF EURASIA	
Abdipattaev T. V., Berdimuratov Ch. M. Contact of three borders in the Fergana valley....	10
Arakelyan A. A., Maron M. M., Fomenkov A. A., Sharova Y. V. Not quite "Terra Incognita": about the domestic experience of studying Hong Kong.....	15
Klochkova N.V., Sorokin K. A. Convergence of the Russian Federation and the Republic of China in the early 1990s: on the issue of causes.....	20
Madaev E. O. The doctrine as a politico-legal document.....	24
Ochirova V. M. The political dynamics of the Russian state as a factor of international relations.....	32
Pakhomova E. A., Rzaev E. E., Tyukalova A. O. "Russian faith" in China: experience of studying the history and modernity of orthodoxy in China.....	48
II. INTERNATIONAL LAW AND CONSTITUTIONAL LEGAL INSTITUTIONS: GLOBAL DIMENSION AND LOCAL VARIATIONS	
Damdinova E. B. China's soft law.....	52
Zajkova S. N. Administrative and legal institutions for ensuring transport security in the states of the Eurasian Economic Union.....	56
Zelepukin R. V. Problems of implementation of constitutional and legal responsibility.....	59
Troshchinskiy P. V. The legal status of the state chairman of the PRC.....	65
Fedorova E. M., Khyshiktuev O. V. Legal foundations of the «Economic Silk Road Belt»	70
Khobrakov D. Ts. Forms of public-governmental control over the legality of municipal regulatory legal acts.....	75
Zhang Yueping Delimitation of legislative powers in China: theory and practice.....	80
III. CRIMINAL AND PRIVATE LAW MECHANISMS FOR REGULATING PUBLIC RELATIONS IN THE COUNTRIES OF THE ASIAN-PACIFIC REGION	
Antonova E. Y. Criminal liability of legal entities for corruption offenses under the laws of Costa Rica.....	86
Gneusheva T. B. Institute of mediation in the Russian Federation and the People's Republic of China: a comparative legal aspect.....	91
Mikhina E. G. Application of simplified forms in the criminal proceedings of the countries of the Eurasian Economic Union: comparative analysis and development prospects.....	95
Pastushenko A. A. Criminal protection of budgetary funds, intended for solving problems under emergency circumstances (on the example of separate countries of the Asian-Pacific region).....	101
Potapov S. A. The forensic significance of urgent investigative actions in the detection and investigation of crimes.....	106
Repetskaya A. L., Rodivilin I. P. Countering crimes in the sphere of information protected by law.....	111
Serebrennikova A. V. Organized crime: counteraction problems.....	116
Sodnomova E. D. Cyber attack's contradiction in Singapore banking system	121
Conference program	127
Information about conference participants	140

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник научных статей подготовлен по материалам VIII Международной научно-практической конференции «Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: проблемы государственно-правового сотрудничества в условиях кризиса международного права». Конференция, ставшая уже традиционной, проведена на базе юридического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова 24 июня 2021 года Центром правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» в сотрудничестве с Ассоциацией сравнительного правоведения Китая, Ассоциацией юристов Монголии, Союзом криминалистов и криминологов.

Конференция прошла в дистанционном формате на платформе Zoom, что позволило значительно расширить географию ее участников. В работе приняли участие около 100 исследователей из университетов Китая, Монголии, Кыргызстана, г. Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Хабаровска, Нижнего Новгорода, Саратова, Тамбова, Иркутска и других ведущих вузов и научных центров, а также органов государственной власти и правоохранительных служб.

С приветственным словом к участникам конференции обратился **Хахинов Вячеслав Викторович**, доктор химических наук, доцент, проректор по научно-исследовательской работе Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, **Ван Чжи Хуа**, доктор юридических наук, профессор Политико-юридического университета Китайской Народной Республики, Генеральный секретарь ассоциации сравнительного правоведения Китая, **Кириллова Альбина Александровна**, кандидат юридических наук, доцент, Председатель Верховного Суда Республики Бурятия, Заслуженный юрист Республики Бурятия, **Б. Онмунх**, Президент Ассоциации юристов Монголии.

В рамках пленарного и секционных заседаний конференции выступили ведущие ученые, тематика докладов которых раскрывала различные аспекты развития в современных условиях правовых систем государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Открыл пленарную часть конференции **Скуратов Юрий Ильич**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона с докладом «*Евразийские основы международно-правовой политики Российской Федерации*». Доклад известного ученого, проф. Скуратова Ю.И. стал своеобразной презентацией его фундаментальной монографии «Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития», изданной в 2021 году в издательстве «Проспект».

Гость конференции — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук **Бабурин Сергей Николаевич** — выступил с докладом на тему «*Азиатско-европейский дух государства Российского: динамика ценностей конституционализма в условиях паралича международного права*».

С докладами, также вызвавшими огромный интерес и обсуждение участников конференции, выступили доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист РФ, Лауреат Национальной премии по литературе в области права **Лопашенко Наталья Александровна** «*Новые реальности (цифровизация, искусственный интеллект, клонирование) и их влияние на преступность и уголовно-правовые реакции*» (г. Саратов); кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской Академии Наук (ИДВ РАН) **Трощинский Павел Владимирович** «*Конституционное развитие нового Китая: история и современность (к 100-летию КПК)*» (г. Москва); доктор юридических наук, доцент юридического института Хэйлунцзянского университета, заместитель начальника Центра по изучению российского права Хэйлунцзянского университета **Гун Нань** «*Новые тенденции и особенности развития системы гражданского процессуального права КНР*» (г. Харбин); доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова **Серебрянникова Анна Валерьевна** «*Организованная преступность: проблемы противодействия*» (г. Москва); доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации **Степанов Олег Анатольевич** «*О противодействии кибертерроризму в современных условиях*» (г. Москва); кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета **Сыченко Елена Вячеславовна** «*Рекомендации международных органов о государственной политике в период пандемии*» (г. Санкт-Петербург); кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации **Степанов Михаил Михайлович** «*Защита прав личности в уголовном процессе России через призму отечественного исторического опыта*» (г. Москва); кандидат юридических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» **Зелепукин Роман Валерьевич** «*Проблемы реализации конституционно-правовой ответственности*» (г. Тамбов); преподаватель юридического факультета Хэйлунцзянского университета **Чжан Юэпин** «*Разграничение законодательных полномочий в Китае: теория и практика*» (Китай, г. Харбин) и другие участники конференции.

В целом, работа конференции состоялась по четырем секционным направлениям:

1. Исторический опыт и традиции государства и права народов Евразии;
2. Международное право и конституционно-правовые институты: глобальное измерение и локальные вариации;
3. Частноправовые институты в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: общее и особенное;
4. Уголовно-правовые механизмы регулирования общественных отношений в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Произошедший обмен опытом в исследовании наиболее актуальных проблем государственного и правового развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволил выйти на новый уровень понимания направлений дальнейшего совершенствования как отечественного, так и зарубежного законодательства и юридической практики.

На заключительном пленарном заседании директор Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона **Скуратов Юрий Ильич** и декан юридического факультета **Раднаева Эльвира Львовна** подвели итоги конференции, отметили высокий уровень докладов выступающих, выразили надежду на продолжение сотрудничества и очное участие коллег в последующих конференциях, организуемых юридическим факультетом Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. По результатам работы конференции доклады участников были рекомендованы оргкомитетом к публикации в сборнике материалов, который и представлен читателю. Предлагаемый сборник содержит публикации как известных ученых — представителей ведущих юридических вузов России и стран АТР, так и практических работников, что позволяет более объемно рассмотреть заявленную в названии конференции проблематику.

Оргкомитет конференции во главе с его председателем, руководителем Бюро Союза криминалистов и криминологов проф. Ю.И. Скуратовым выражает благодарность всем участникам конференции, в особенности докладчикам, поделившимся своими актуальными научными изысканиями в сфере сравнительного правоведения.

***Раднаева Эльвира Львовна,**
декан юридического факультета,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова,
кандидат юридических наук, доцент*

I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ТРАДИЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

УДК 34.341

DOI 10.18101/978-5-9793-1659-8-10-14

СОПРИКОСНОВЕНИЕ ТРЕХ ГРАНИЦ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

© **Абдипаттаев Тимурлан Маматибраимович**

старший преподаватель
кафедры конституционного и муниципального права,
Ошский государственный юридический институт
Кыргызская Республика, г. Ош
mr.abdipattaev@mail.ru

© **Бердимуратов Чынгызбек Муртазакулович**

кандидат юридических наук, доцент
кафедры административного и финансового права,
Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина
Кыргызская Республика, г. Бишкек
berdimuratov1988@mail.ru

Статья посвящена проблемам, актуальным не только для Кыргызской Республики, но и для всех стран, имеющих территорию в Ферганской долине Центральной Азии. В качестве таких проблем авторы рассматривают разработку мер по недопущению возможных столкновений на границах братских народов в регионе, выработку программы по дальнейшей борьбе с предотвращением конфликтов между жителями приграничных районов и вооруженными силами сопредельных государств. В статье в хронологическом и географическом порядке анализируется появление и развитие спорных территориальных вопросов в Ферганской долине. Также авторы выдвигают свои предложения по их разрешению. Известно, что территориальные споры не исчезают сами собой, повторение конфликтных ситуаций на границах между соседними государствами Ферганской долины приведет к дестабилизации всего региона. Для развития и интеграции данной долины необходима выработка единой программы действий, способной разрешить существующие на данной территории проблемы.

Ключевые слова: СССР, Центральная Азия, Ферганская долина, граница, геополитика, экономика, делимитация, территориальные споры

Для понимания вопроса, необходимо обратиться к истории Центральной Азии. В древности таких отдельных стран как Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан в Ферганской долине не существовало. Народ этой местности либо зависел от какого-либо государства или же был под его непосредственным гнетом.

Примером может быть период пребывания этой территории в составе Советского Союза ССР или же нахождение ее под управлением Кокандского ханства. Во времена СССР если и существовали какие-то границы, они носили внутренний характер. Люди могли спокойно пересекать их, в любое время — когда была на то необходимость, например, по семейным обстоятельствам или иным подобным причинам. Однако, как только эти республики обрели независимость в 90-ые годы, границы стали государственными. Это случилось не по воле проживав-

ших там граждан. Это было решение, навязанное им извне. А учитывая, что люди в этом регионе жили бок о бок столетиями и все у них было взаимосвязано, то эти изменения очень осложнили им быт, перемещение между населенными пунктами стало довольно проблематичным. Особенно пострадали этнические меньшинства, которые проживают вдоль линии новых государственных границ. У властей образованных после распада Советского союза новых государств тоже возникла масса проблем, связанных например, с обеспечением ирригации, полива сельскохозяйственных угодий, транспортного сообщения и контактов населения, экономических связей. Образ жизни людей в Ферганской долине не был предназначен для проживания в составе нескольких независимых государств — настолько там между народами все тесно переплетено [1].

Еще до установления советской власти в регионе естественным образом сформировалась единая экономическая система. И образование внутри этого единства международных границ создало для людей огромные проблемы. Главы же вновь образованных государств вместо того, чтобы понять это и сотрудничать, создавать общую экономическую зону, начали укреплять свои границы, тем самым разделяя народ.

Если обратить внимание на заявления президентов этих республик сразу же после обретения независимости (Аскара Акаева, Ислама Каримова и др.) — они были примерно одинаковыми. Все они подчеркивали, что между странами никогда не будет границ, не будут делиться народы, которые веками жили бок о бок друг с другом, пили воду из одного ручья, выдавали своих дочерей замуж за соседей, имели один язык и менталитет...

Но постепенно, к примеру, Кыргызстан и Узбекистан, стали все больше различаться, выбирая каждый свою макроэкономическую модель, систему государственного устройства. Так, Ташкент установил авторитарное управление, склоняясь к сильной руке государства в вопросах экономики, тогда как Бишкек выбрал свободу рыночной экономики. И в итоге, несмотря на заявления глав двух республик, за границами теперь уже следили довольно строго.

Каждая страна региона настроилась на самостоятельное формирование своей экономической системы. Тут, наверное, будет правильным сказать, что политическая воля оказалась здесь не столь важной, как расхождение в политических приоритетах. Лидеры государств, пытаясь показать себя защитниками рубежей, временами стали скатываться в национализм. И если поначалу такая обособленность объяснялась какими-то личными мотивами, то позже вернуться к изначальным намерениям не хватило политической воли. В последнее время инициативу об укреплении сотрудничества в регионе стал проявлять лидер Узбекистана Шавкат Мирзиёев. Но пока это проявляется лишь в виде намерения, обещаний на будущее, и для претворения их в жизнь должно быть еще сделано очень много.

Делимитация межгосударственных границ — очень сложный вопрос. В мире достаточно примеров, когда граничащие друг с другом страны постоянно спорят из-за того, что не могут определить рубежи. Например, США и Канада уже три столетия не могут делимитировать границу между своими странами. Этот процесс начался, когда их территории еще находились в прямом подчинении Великобритании.[2]

Всем известно из международной практики, насколько тяжело идет процесс определения границ. Но мы не видим, чтобы власти стран Ферганской долины пытались найти какое-то решение в интересах проживающих в регионе людей.

Мы очень надеемся, что в будущем там будут созданы условия, когда люди смогут свободно передвигаться и перемещаться без каких-либо ограничений.

Отсутствие у властей этих стран политической воли говорит о том, что они не понимают повседневных забот жителей приграничных территорий, не знают истории, традиций и судьбы этих народов. Не хочется приводить примеры споров в приграничных районах, возникающих в последние годы, они и так уже больно бьют по хрупким отношениям братских народов.

В XIX веке приграничные споры между Германией и Данией дважды приводили к войнам. Регион Шлезвиг-Гольштейн постоянно переходил к победившей стороне, и там каждый раз сменялась власть. И там так же, как в Ферганской долине, веками жили представители разных народностей. И в период процветания националистических идей в Европе XIX века проживавшие там люди примыкали то к Дании, то к Германии, и каждый раз проливалась кровь...

Все эти конфликты, столкновения прекратились лишь после Второй мировой войны, когда власти Дании и Западной Германии разрешили немцам и датчанам из этой местности и вокруг говорить на своем родном языке, получать на нем образование в школах и университетах, ходить в свои церкви и работать в той из стран, где они пожелают [3].

Поэтому власти стран Ферганской долины могли бы изучить этот опыт, и если бы главы Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана договорились, что представители этнических меньшинств и все остальные жители их стран могут свободно выезжать куда хотят, учиться и работать там, где им удобно, то жизнь людей стала бы намного лучше. Мы думаем, что если руководители этих трех стран подписали бы единое соглашение о том, что права всех этносов, проживающих в Ферганской долине, будут защищены, то многие вопросы решились бы в обозримом будущем.

Да, это стало бы важным шагом. У границ есть правовые функции. Там должны проверяться те, кто переходит через линию, чтобы пресечь какие-то незаконные деяния, например, торговлю людьми или наркотическими средствами. Конечно, власти должны этим заниматься в общих интересах. Но применять оружие против живущих в приграничье людей нельзя. Облечение режима перемещения через границу позволило бы серьезно улучшить сложившуюся ситуацию.

Конечно, на все это накладываются и геополитические проблемы. Как у члена ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, СНГ у Кыргызстана имеются свои обязательства по охране границ. Германия и Дания являются членами НАТО, между ними геополитических проблем нет. Отсутствие у руководителей стран Центральной Азии единства в решении геополитических вопросов влияет на то, что приграничные и другие проблемы в регионе не решаются.

23 апреля в Центральной Азии провели встречу, аналогов которой, по всей видимости, никогда прежде не было. Глава Ферганской области Узбекистана встретился с руководителями приграничных областей Таджикистана и Кыргызстана для переговоров об экономическом сотрудничестве. На встречу, организованную Хайрулло Бозоровым в Фергане, приехали глава Согдийской области Таджикистана Раджаббой Ахмадзода и глава Баткенской области Кыргызстана Омурбек Суваналиев.

Это была первая встреча глав соседних областей за минувшие три десятилетия после обретения тремя государствами независимости. Все три области расположены в густонаселенной аграрной Ферганской долине, которая преврати-

лась в основной маршрут контрабанды и столкнулась за последние 30 лет с вспышками смертоносного насилия вдоль своих границ — более значительными, чем в любой другой точке Центральной Азии. И один из интересных аспектов бизнес-форума, официально названного «Интеграция границ — ключ к развитию», заключался в том, что он был посвящен исключительно торговым и культурным отношениям, а не демаркации границ.

Бизнес-форум в Фергане продвинул этот новый дух сотрудничества на шаг вперед, собрав вместе представителей трех стран, которые разделяют плодородную Ферганскую долину [4].

Форум не привел к подписанию крупных контрактов, но сама встреча уже является большим достижением. Несмотря на некоторый прогресс в демаркации и обозначении границ в регионе и трудные переговоры, вопрос границ, вероятно, будет оставаться проблематичным в предстоящие годы — из-за обмена территориями, затрагивающего интересы людей и их собственность. Но пока переговоры о границе продолжаются, нет никаких причин, по которым три вовлеченные в переговоры области не должны продвигаться в деле улучшения экономических связей. Ферганский бизнес-форум стал первым шагом. А улучшение экономической ситуации на местном уровне должно сподвигнуть все три государства к дальнейшему компромиссу в их будущих переговорах по границе. За последние 30 лет добиться дружелюбных отношений между тремя разделяющими Ферганскую долину государствами — Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном — было сложным делом, но недавняя встреча глав трех приграничных областей стала небольшим и в то же время знаменательным шагом вперед.

Литература

1. Иванов С.Г. Влияние глобализационных процессов на развитие Кыргызской Республики. Бишкек: КРСУ, 2006. 357 с.
2. Иманалиев М.М. Очерки о внешней политике Кыргызстана. Бишкек: Сабыр, 202. 160 с.
3. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на 2013-2017 гг. [Электронный ресурс] <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61542> (дата обращения: 12.05.2021)
4. Омаров Н. М. Международные отношения в эпоху глобального развития. Бишкек: Наука и образование, 2003. 278 с.
5. Токтомушев К. А. Внешняя политика независимого Кыргызстана. Бишкек: Сабыр, 2001. 192 с.
6. Сатылганова Н.А. Территориально-пограничные проблемы независимого Кыргызстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бишкек: Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, 2019. 25 с.

CONTACT OF THREE BORDERS IN THE FERGANA VALLEY

Timurlan V. Abdipattaev

Senior lecturer of the Department of Constitutional and Municipal Law

Osh State Law Institute

Kyrgyz Republic, Osh

mr.abdipattaev@mail.ru

Chingizbek M. Berdimuratov

Cand. Jur. Sciences, Associate Professor of the Department
of Administrative and Financial Law
Kyrgyz-Russian Slavic University
Kyrgyz Republic, Bishkek
berdimuratov1988@mail.ru

This article is devoted to topical issues of the day not only for the Kyrgyz Republic and for countries with a territory in the Fergana Valley of Central Asia. Such as the development of measures to prevent the following clashes on the borders of fraternal peoples in the region, the development of a program for further combating the prevention of clashes between residents in the border areas and the armed forces of these states. The author reveals, in chronological and geographical order, the emergence and development of problems that are in dire need of their solution. The author also points out the ways of solving these problems in the region. Everyone knows that this problem in the region will not disappear by itself. The repetition of similar problems on the borders between neighboring states in the Fergana Valley will destabilize the region. For the development and integration of this valley, it is necessary to clearly set priority issues and ways to solve them.

Keywords: USSR, Central Asia, border, geopolitics, economics, delimitation.

УДК 94(510.2)
DOI 10.18101/978-5-9793-1659-8-15-19

**НЕ СОВСЕМ «TERRA INCOGNITA»:
ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОПЫТЕ ИЗУЧЕНИЯ ГОНКОНГА**

© **Аракелян Артём Артурович**

преподаватель,
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Россия, г. Нижний Новгород
arakelyan10@bk.ru

© **Марон Милена Михайловна**

студент переводческого факультета,
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова,
Россия, г. Нижний Новгород
mileena.m14@icloud.com

© **Фоменков Артём Александрович**

доктор исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова,
Россия, г. Нижний Новгород
artjom2310@inbox.ru

© **Шарова Юлия Владимировна**

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель декана юридического факультета,
Нижегородский институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Нижний Новгород
yu.gulyaeva@niu.ganepa.ru

Настоящая статья посвящена анализу работ, тематикой которых были различные аспекты истории и современного развития Гонконга. Выявлены наиболее значимые отечественные авторы, занимавшиеся изучением экономики, права и политической системы Гонконга. Из советских исследователей справедливо выделен А.Г. Куколевский. Указано, что в СССР именно представители экономической науки чаще обращались к изучению гонконгских реалий. Среди постсоветских отечественных авторов, занимавшихся изучением Гонконга, обозначены А.И. Салицкий, Е.А. Жоров, П.В. Троцинский. Определены наиболее важные достижения этих, а также и некоторых других, менее известных, российских исследователей. Отмечено, что в постсоветский период активное изучение Гонконга связано со специалистами в области политологических и правовых исследований. Труды анализируемых нами авторов в целом дают вполне достоверное представление о степени изученности гонконгских реалий в нашей стране.

Ключевые слова: Россия, СССР, Гонконг, исследования, экономика, история, политика, право, работы, изученность.

Гонконг являлся в прошлом де-юре британским владением и азиатским тигром де-факто, в настоящее время представляет собой часть КНР, пусть и облада-

ющую особым статусом. Периодически Гонконг притягивает к себе внимание едва ли не всей мировой общественности — имеются в виду массовые акции протеста против отдельных шагов китайской администрации. Однако нельзя не отметить, что Гонконг — это нечто большее, чем просто район КНР, где есть недовольство центральной властью или же бывшее британское владение. Гонконг по праву является одним из мировых финансовых центров, он обладает крайне интересным опытом борьбы с коррупцией. С известной долей уверенности можно утверждать, что Гонконг является настоящей Евразией, если под последней понимать именно гармоничное соединение восточных и западных черт в политике, экономике, культуре и т. д.

Следует признать, что сравнительно со многими другими государствами и регионами земного шара Гонконг изучен в нашей стране слабее. Тем не менее, уже есть немало работ, посвящённых финансово-экономическим, историческим, политическим, правовым аспектам развития Гонконга.

В советский период крупнейшим отечественным «гонконговедом» был А.Г. Куколевский. Именно он являлся автором монографии [8], посвящённой не только экономическому развитию Гонконга, но прежде всего включённости гонконгской экономики в международные экономические связи. Многие аспекты подъёма этого «азиатского тигра» были описаны А.Г. Куколевским на страницах его монографии, причём порою даже без излишней идеологической зашоренности.

Ещё один советский экономист (на момент написания своей работы он трудился научным сотрудником ИМЭМО АН СССР) — И.Р. Томберг — анализировал в своём диссертационном исследовании [15] проблемы сближения Гонконга и КНР (такое стало особенно заметным в начале 1980-х годов), в основном акцентируя внимание на месте и роли Гонконга во внешнеполитических и внешнеэкономических связях Китая. Укажем, что в 1980-х годах сближение гонконгской и китайской экономик шло весьма интенсивно — особенно начиная с 1984 года [17, р. 5]. То есть, труд И.Р. Томберга обладал весьма большой актуальностью, причём не только сугубо теоретической.

Вопросы, связанные с развитием финансов и экономики Гонконга, изучались отечественными авторами и в постсоветский период. В частности, особенности Гонконга как современного международного финансового анализировались в работе М.Ю. Стасенко [14]. Специфику валютно-финансовой системы Гонконга (в первую очередь в виду вхождения этой территории в состав КНР) разобрал в своей статье В.Н. Коваленко [6]. Отдельные значимые аспекты развития международных экономических отношений с участием современного Гонконга были проанализированы О.Е. Рассоловой [12].

Относительно широкого перечня экономических проблем, связанных с Гонконгом, укажем прежде всего, что в постсоветский период был написан фундаментальный труд под наименованием «КНР и Гонконг: Экономические связи в послевоенный период» [13]. Автором его являлся сотрудник Института востоковедения РАН А.И. Салицкий. Во многом в этой работе были продолжены изыскания уже упоминавшихся выше А.Г. Куколевского и И.Р. Томберга. При этом же нельзя не отметить, что в фундаментальном труде А.И. Салицкого были проанализированы весьма важные аспекты экономических отношений Гонконга и КНР со времени окончания II Мировой войны по сути до момента вхождения бывшего британского владения в состав Поднебесной в 1997 году. Укажем также, что некоторые значимые экономические аспекты вхождения Гонконга в со-

став КНР (а, если быть точнее, в переходный период, когда британской власти уже не было де-факто, а юрисдикция КНР ещё не распространилась) также были проанализированы М.А. Потаповым [11].

Не только политические, но также и иные проблемы, актуальные для Гонконга и его жителей в период перехода от британской юрисдикции к китайской исследовались Е.А. Жоровым [4]. Важно указать, что ни Е.А. Жоров, ни другие авторы не считали Гонконг, несмотря на неоднозначные его статус, «failed state» (критерии отнесения государства к «несостоявшемуся» содержатся, например, в данной статье [10]).

Правовая система Гонконга также не была обойдена вниманием отечественных исследователей. Наиболее полно различные аспекты гонконгского права были проанализированы сотрудником Института Дальнего Востока РАН П.В. Трощинским [16]. Конституционно-правовые аспекты гонконгского права были проанализированы в статье Г.Б. Балгабаевой и О.В. Новаковой [1]. Я.А. Другов изучил крайне важный — причём отнюдь не только с теоретической точки зрения — вопрос о действии законов КНР на территории современного Гонконга [2].

Применительно к изучению проблем политического развития Гонконга, по нашему мнению, уместно в первую очередь упомянуть статью Н.В. Мохова [9]. В ней рассмотрен ряд вопросов, но едва ли не самый значимый из них был связан с построением демократии в нынешнем Гонконге.

И, наконец, нельзя не упомянуть, что массовые выступления жителей Гонконга, имевшие место в последние годы, также уже стали объектом пристального внимания российских специалистов в области политических исследований. Н.В. Енченкова анализировала гонконгские протесты прежде всего в контексте отношений Пекина и Тайбэя [3]. О.Г. Карпович в своей статье выявил факты, позволяющие однозначно причислить выступления в Гонконге — так называемую «революцию зонтиков» — к «цветным революциям» [5]. А.А. Кузицына выявила немало сходств в «революции зонтиков» и киевском Майданом [7].

Разумеется, в нашей стране имеются ещё авторы, в той или иной мере затрагивающие в своих исследованиях гонконгские реалии — причём таковые есть не только среди гуманитариев. Мы же укажем, что уходить за пределы гуманитарного знания в рамках данной статьи не стремились изначально, равно как и не пытались анализировать, например, сугубо лингвистические проблемы Гонконга, изучавшиеся отечественными лингвистами. Тем не менее, даже перечисленные нами выше авторы и труды в целом дают вполне верное представление о степени изученности гонконгских реалий в нашей стране.

Литература

1. Балгабаева Г. Б., Новакова О. В. Конституционно-правовой статус Гонконга и Макао после присоединения к КНР // Азия и Африка сегодня. 2018. № 10 (735). С. 26–31.

2. Другов Я. А. Действие законов Китайской Народной Республики (КНР) на территории Гонконга и Макао // RESONANCES SCIENCE: Proceedings of articles the international scientific conference. Czech Republic, Karlovy Vary — Russia, Moscow, 11–12 February 2016 [Electronic resource] / Editors prof. V.I.Pishhik, N.G.Poteshkina, Ju. A. Medvedev. Electron. txt. d. (1 file 3,3 MB). Czech Republic, Karlovy Vary: Skleněný Můstek — Russia, Kirov: MCNIP, 2016 С. 141–147.

3. Енченкова Н. В. Гонконг и Тайвань: Влияние "революции зонтиков" на отношения КНР и Тайваня // Судьбы национальных культур в условиях глобализации материалы III

международной научной конференции / ответственный редактор и составитель М. Г. Смирнов. 2015. С. 77–78.

4. Жоров Е. А. Долгое расставание: Гонконг под властью Великобритании (1982–1997 гг.) // *Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* 2013. Т. 8. № 4. С. 192–204.

5. Карпович О. Г. "Революция зонтиков" в Гонконге: Признаки цветной революции // *Политика и общество.* 2015. № 4 (124). С. 543–548.

6. Коваленко В. Н. Формирование современной валютно-финансовой системы Гонконга // *Проблемы современной экономики.* 2009. № 3(31). С. 266–170.

7. Кузицына А. А. Беспорядки в Гонконге и события на Украине — сходства и различия (Политологический анализ проблемы) // *Экономика и управление: проблемы, решения.* 2015. Т. 1, № 1. С. 153–162.

8. Куколевский А. Г. Гонконг в системе мировых экономических связей / под ред. А. И. Медового. Москва: Международные отношения, 1972. 136 с.

9. Мохов Н. В. Гонконг на пути к политическому плюрализму // *Азия и Африка сегодня.* 2010. № 5 (634). С. 28–31.

10. Пахомова Е. А. Failed state и "серые зоны" мировой политики: Порождение современности или пережитки прошлого // *Вестник Омской юридической академии.* 2017. Т. 14. № 1. С. 10-14/

11. Потапов М. А. Воссоединение Китая и Гонконга: Экономический фактор // *Проблемы Дальнего Востока.* 1996. № 6. С. 81–87.

12. Рассолова О. Е. Исчисление таможенных платежей при ввозе товаров из Гонконга // *Налоговая политика и практика.* 2009. № 5. С. 29–35.

13. Салицкий А. И. КНР и Гонконг: Экономические связи в послевоенный период. Москва: ИВ РАН, 1998. 115 с.

14. Стасенко М.Ю. Международный финансовый центр в Гонконге // *Строительные материалы, оборудование, технологии XXI века.* 2008. № 5 (112). С. 84–88.

15. Томберг И. Р. Гонконг в системе внешнеполитических связей КНР: 80-е годы: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. М., 1990. 20 с.

16. Трощинский П. В. Современная правовая система Гонконга // *Труды Института государства и права Российской академии наук.* 2016. № 2. С. 175–198.

17. Chiu S., Lui T. Hong Kong: Restructuring under Unorganized Industrialism // Paper presented at the Conference on Industrial Restructuring and Regional Adjustment in the Asian NIEs, East-West Center, Honolulu.

NOT QUITE "TERRA INCOGNITA":
ABOUT THE DOMESTIC EXPERIENCE OF STUDYING HONG KONG

Artyom A. Arakelyan

lecturer,

Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod,

Russia, Nizhny Novgorod

arakelyan10@bk.ru

Milena M. Maron

student, Linguistics University of Nizhny Novgorod,

Russia, Nizhny Novgorod

mileena.m14@icloud.com

Artyom A. Fomenkov

Doctor. Histor. Sciences, Associate Professor,

Senior Researcher of the International interdisciplinary research laboratory

"Study of World and Regional Socio-Political Processes",

Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Russia, Nizhny Novgorod
artjom2310@inbox.ru

Yulia V. Sharova

Cand. Jur. Sciences, Associate Professor,
Deputy Dean of the Faculty of Law,
Nizhny Novgorod Institute of Management-branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Russia, Nizhny Novgorod
yu.gulyaeva@niu.ranepa.ru

This article is devoted to the analysis of works that focused on various aspects of the history and modern development of Hong Kong. The most significant domestic authors who studied the economy, law and political system of Hong Kong are identified. A. G. Kukolevsky is fairly singled out from the Soviet researchers. It is indicated that in the USSR, representatives of economic science often turned to the study of Hong Kong realities. Among the post-Soviet domestic authors who studied Hong Kong are A. I. Salitsky, E. A. Zhorov, and P. V. Troshchinsky. The most important achievements of these and some other less well-known Russian researchers are identified. It is noted that in the post-Soviet period, active study of Hong Kong is associated with specialists in the field of political science and legal research. The works of the authors analyzed by us generally give a fairly reliable idea of the degree of study of Hong Kong realities in our country.

Keywords: Russia, the USSR, Hong Kong, research, Economics, history, politics, law, work, study.

**СБЛИЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В НАЧАЛЕ 1990-х ГОДОВ:
К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ**

© **Клочкова Наталия Валерьевна**
кандидат педагогических наук, преподаватель,
Нижегородский губернский колледж
Россия, г. Нижний Новгород
n-rada@mail.ru

© **Сорокин Кирилл Александрович**
студент, Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
Россия, г. Нижний Новгород
kirill.sorokin.014@gmail.com

Настоящая статья посвящена внешнеполитическому сближению Российской Федерации и Китайской Республики в начале 1990-х годов. Указаны важные вехи данного сближения. Авторами выдвинута гипотеза о наличии не только экономических, но и политических причин для сближения. Сделан вывод, согласно которому сближение с официальным Тайбэем являлось частью внешнеполитического курса, строившегося прежде всего на отказе от мышления времён «холодной войны». Кроме того подчеркнуто, что Китайская Народная Республика после событий 1989 года на площади Тяньаньмэнь не считалась российским демократическим истеблишментом партнёром, с которым возможен стратегический союз. Сделано также предположение, почему именно Российская Федерация не пошла на официальное признание Китайской Республики.

Ключевые слова: Российская Федерация, Китайская Республика, сближение, отношения, визиты.

Проблема непризнанных и частично признанных государств и контактов с таковыми является весьма значимой в современных международных отношениях. Пожалуй, самым экономически развитым частично признанным государством в современном мире является Китайская Республика (Тайвань) [2, с. 156]. Данное государство в настоящее время официально признает 17 государств, включая даже одно европейское — Град Ватикан. Нельзя также не отметить, что Китайская Республика не обладает характеристиками, присущими так называемым «несостоявшимся государствам» («failed state») (см. подробнее о таковых: [3]).

Нельзя не упомянуть, что отношения между СССР и Китайской Республикой были напряжёнными. Несмотря на наличие давних контактов с Гомиьнданом и Чан Кайши СССР разорвал в 1949 году отношения с Китайской Республикой и признал коммунистический Китай, а затем более 20 лет боролся за лишение представительства Тайбэя в Совете безопасности ООН, да и в Организации Объединённых Наций в целом (борьба эта в итоге завершилась успехом в 1971 году). Любые контакты с КР были сведены у Советского Союза к минимуму — включая даже совершенно «невинные» в спортивной сфере (упомянем, что радикальное ухудшение отношений с КНР в 1960-е годы на советскую позицию по тайванскому вопросу никак не повлияло).

В период перестройки в виду политики «нового политического мышления» ситуация стала меняться. Важно подчеркнуть, что налаживание контактов с Советским Союзом осуществлялось благодаря активной поддержке таковых со стороны тогдашнего главы КР Ли Дэньхуея. Упор китайской стороной делался на экономическом сотрудничестве. Следует упомянуть, что «в феврале 1990 г. Китайская Республика сняла ограничения на прямую торговлю с СССР. Чтобы заполнить образовавшийся за несколько десятилетий вакуум в отношениях между двумя странами и содействовать их развитию, Тайвань и Россия создали каналы двусторонних связей, прежде всего в области экономики и куль туры» [4, с. 71–72].

Важной вехой в истории советско-тайванского сотрудничества стало 27 октября 1990 г. Именно тогда Тайбэй посетил тогдашний мэр Москвы Г.Х. Попов, который стал первым за 40 лет официальным советским должностным лицом, посетившим Китайскую Республику. «Он был принят министром иностранных дел Китайской Республики Цянь Фу, встречался с заместителем министра иностранных дел Чжан Сяоянем и мэром Тайбэя Зуан Дачжоу. На состоявшемся в Тайбэе семинаре с участием представителей деловых кругов Тайваня мэр Москвы пригласил их активно включиться в освоение российского рынка» [4, с. 72].

Следует упомянуть, что Г.Х. Попов был не единственным представителем демократических сил в СССР, ратовавшим за налаживание активного сотрудничества с Китайской Республикой. Стараниями государственных деятелей означенной политической ориентации в мае 1991 года в Москве было открыто представительство полуправительственной тайваньской организации — Китайской ассоциации внешней торговли (Taipei World Trade Centre), представительство Совета по развитию внешней торговли Китая CETRA (ныне TAITRA, Taiwan External Trade Development Council). Оно должно было содействовать углублению контактов между тайванским и нарождавшимся в то время советским бизнесом.

Упомянем также, что в 1990-м и 1991-м годах шло ослабление общесоюзных структур. Республиканские же институты, наоборот усиливались, причём зачастую «явочным» порядком. Тем самым появлялись возможности для установления прямых контактов между РСФСР и КР. В отдельных случаях контакты устанавливались вообще на уровне регионов — так собственно, и было в случае с визитом Г.Х. Попова. Представить сейчас российского губернатора, осуществляющего визит в государство, с которым у Российской Федерации нет дипломатических отношений и высказывающегося по вопросам если не внешней политики, то даже и внешнеэкономических связей, вряд ли возможно.

В самом начале существования независимой Российской Федерации у части её истеблишмента имелось весьма положительное отношение к КР. Подчеркнём, что отсутствие официальных дипломатических отношений не помешало Москве и Тайбэю начать торгово-экономическое, культурное и гуманитарное сотрудничество.

Укажем также, что «в 1992 году тогдашний заместитель министра иностранных дел Тайваня Джон Чанг дважды возглавлял неофициальные делегации в России для оказания помощи. В этих условиях был подписан протокол «Об учреждении Тайбэйско-Московской координационной комиссии и Московско-Тайбэйской координационной комиссии». В 1993 году Московско-Тайбэйская координационная комиссия по экономическому и культурному сотрудничеству

была открыта в Москве, а Тайбэйско-Московский координационный комитет по экономике и культуре официально начал свою деятельность в Тайбэе в 1996 году» [1, с. 22]. Именно упомянутые выше структуры и стали главными проводниками российско-тайванского экономического сотрудничества.

Ряд российских государственных деятелей посетил в начале 1990-х годов Тайбэй. Так, в апреле 1992 года Китайскую Республику посетили председатель Госкомитета РФ по хлебопродуктам Л. С. Чешинский и председатель Госкомитета РФ по материальным ресурсам и торговле А. Ф. Хлыстов. В сентябре того же года Тайбэй посетил видный государственный деятель первой половины 1990-х годов, соратник Б. Н. Ельцина О. И. Лобов. В целом уместно признать, что в первой половине 1990-х годов сотрудничество между Российской Федерацией и Китайской Республикой укреплялось, причём в различных сферах (прежде всего в экономической и культурной).

Итак, каковы же были главные причины сближения между Российской Федерацией и Китайской Республикой в начале 1990-х годов? По нашему мнению, сыграл свою роль экономический фактор — Россия нуждалась в торговом партнёрстве с высокоразвитым государством из АТР. КР также нуждалась в минеральных ресурсах, которые могли быть поставлены именно из России. Однако, как нам представляется, эта причина была не единственной. Вполне допустимо, что большую роль играл и сугубо политические причины для сближения. В самом деле, российская дипломатия выстраивала внешнюю политику Российской Федерации «от противного». Иначе говоря, противники СССР в годы «холодной войны» виделись почти что союзниками, в то время как некоторые государства, с которыми СССР находился в дружеских отношениях, доверием не пользовались — ярким примером тому может служить Куба. Как следствие, сближение к Китайской Республикой вполне виделась руководству страны и дипломатического корпуса не просто правильным шагом, но и преодолением неправильной с их точки зрения наследия «холодной войны». То есть, сближение с КР мало чем отличалось по логике российских дипломатов от сближения с Израилем или от нормализации отношений с Чили.

Кроме того, нельзя не упомянуть, что отношение к КНР после событий 1989 года на площади Тяньаньмэнь у российских демократов было негативным (собственно, те события негативно воспринял даже М. С. Горбачёв, не говоря уже о его оппонентах из демократического лагеря!). В результате к стратегическому союзу с КНР в российском МИДе в начале 1990-х годов не стремились. Как следствие, желание в тех реалиях сотрудничать с Тайванем было вполне объяснимым. Впрочем, установление дипломатических отношений с Тайбэем казалось слишком радикальным шагом даже для российской дипломатии периода главенствования в МИДе А. В. Козырева. Опять же не следует забывать, что в начале 1990-х годов активно развивалась приграничная торговля с КНР (пресловутые «челноки» ездили едва ли не в первую очередь именно в эту страну!), а признание КР могло сказаться на ней крайне негативно и подорвать в конечном итоге электоральную базу Б.Н. Ельцина и его сторонников.

Литература

1. Кэн Ч. Юн. Ретроспектива и векторы дальнейшего развития российско-тайваньских отношений сквозь призму современных цивилизационных процессов // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период

1999–2019 годы: материалы IX Международной научно-практической конференции: в 2-х ч. 2019. С. 21–23.

2. Лычагин А. И. Тайвань и частично признанные субъекты международного права в контексте современных международных отношений // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики сборник статей. сост. и гл. ред. А. А. Корнилов, отв. ред. А. А. Сорокин. Нижний Новгород, 2019. С. 155–161.

3. Пахомова Е. А. Failed state и "серые зоны" мировой политики: Порождение современности или пережитки прошлого // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 1. С. 10–14.

4. Чжицун В. От жесткого противостояния к первым шагам сотрудничества (Москва — Тайбэй, вторая половина XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 4 (58). С. 64–73.

CONVERGENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF CHINA IN THE EARLY 1990S: ON THE ISSUE OF CAUSES

Natalia V. Klochkova

Cand. Pedagogic. Sciences, lecturer
Nizhny Novgorod Provincial College,
Russia, Nizhny Novgorod
n-rada@mail.ru

Kirill A. Sorokin

student, Linguistics University of Nizhny Novgorod
Russia, Nizhny Novgorod
kirill.sorokin.014@gmail.com

This article is devoted to the foreign policy rapprochement between the Russian Federation and the Republic of China in the early 1990s. Important milestones of this convergence are indicated. The authors hypothesize that there are not only economic, but also political reasons for convergence. It is concluded that the rapprochement with official Taipei was part of the foreign policy course, which was based primarily on the rejection of thinking during the "cold war". In addition, it was emphasized that the people's Republic of China after the events of 1989 in Tiananmen square was not considered by the Russian democratic establishment as a partner with which a strategic Alliance is possible. It is also suggested why the Russian Federation did not accept the official recognition of the Republic of China.

Keywords: Russian Federation, Republic of China, rapprochement, relations, visits.

ДОКТРИНА КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТ В КИТАЕ И РОССИИ

© **Мадаев Евгений Олегович**

кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
madaeo@mail.ru

Доктрина как политико-правовой документ является важной составной частью законодательной системы Российской Федерации и Китайской Народной Республики определяя в настоящее время не только основы государственной политики, но и стратегию, и тактику правового регулирования общественных отношений в различных сферах.

Практика создания доктрин как политико-правовых документов может быть признана полезной и даже необходимой, поскольку: 1) эти документы масштабны, имеют всеотраслевой охват, стратегический и перспективный характер, создают общий согласованный план политических действий и правового регулирования; 2) они осуществляют смычку политической и правовой сфер, формулируют задачи правового регулирования применительно к конкретной историко-политической, экономической, экологической и пр. ситуации, могут корректироваться при ее смене при неизбежности общих универсальных принципов права и основ правового регулирования; 3) эти документы имеют научные основания и в то же время юридическую форму, то есть они являются важным средством легитимизации политической, политико-правовой и собственно правовой доктрины как элемента правовой системы государства.

Отрицательным фактом является то, что при всей полезности и необходимости доктрины как политико-правового документа ее правовой статус, место и роль в законодательной системе России и Китая не определены.

Ключевые слова: доктрина, политико-правовой документ, нормативно-правовой акт.

Прежде всего, не следует забывать о 70-летнем советском периоде, многие доктринальные схемы которого, при общем отрицании общественно-экономического строя были восприняты новой Россией. Поэтому сначала нами будет кратко охарактеризована марксистская политико-правовая доктрина в СССР и ее социалистической интерпретации на примере Китайской Народной Республики.

Закрепление в Конституции СССР в 1977 г. положения о том, что «вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма» (ст. 6), свидетельствовало об официальном признании марксистской доктрины [1].

Разумеется, отдельные положения марксистской доктрины сегодня требуют уточнения. Однако было бы неправильным отрицать ее значение в развитии общественной мысли, пытаться замалчивать ее научную значимость. В XX столетии марксизм-ленинизм превратился в одну из самых влиятельных политических

доктрин в мире. После Второй мировой войны на третьей части мира развернулось строительство социалистических государств на основе марксистско-ленинской доктрины.

«Социалистическая правовая система с китайской спецификой» официально сформулированное руководством КНР, об особом содержании исследуемой темы, подтверждает взятый Китаем курс на построение социалистического правового государства (13-я Поправка к Конституции КНР, принятая 15.03.1999 на 2-м заседании Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва, которая закрепляет необходимость «построения социалистического правового государства» с учетом собственных национальных особенностей. Жэньминь жибао. 17.03.1999 (на кит.яз)) [10]. Правовая система Китая сохранила на себе не только национальные особенности, но и характерные черты социалистического права [22, с. 42]. Исследование права современного Китая не возможно в отрыве от понимания основ марксистско-ленинской идеологии и происходящих в государстве политических процессов. Одной из главных особенностей правовой системы КНР является определяющее влияние Коммунистической партии Китая на формирование принимаемого в государстве законодательства. Современный Китай представляет собой партократическое государство, в котором присутствует фактическая принадлежность власти центральным и местным органам правящей партии. Решения КПК определяют вектор развития китайского права, закладывают основу правового строительства в КНР. Деятельность партии в сфере правового регулирования общественных отношений носит характер прямого вмешательства в юридическую сферу под лозунгом «руководства» и «направления» законодательного развития страны. Со времени образования в 1949 г. КНР была принята трансформация политических решений КПК в законодательные акты. Профессор Л.М. Гудошников свидетельствует: «что касается КПК, то эта партия еще со времен установления е власти в освобожденных районах издавала и продолжает издавать директивные акты, непосредственно регулирующие деятельность государственных органов, практикуется и издание совместных партийно-государственных постановлений. ... Более того, в течение многих лет не только в освобожденных районах, но и в КНР обычной практикой было вынесение судебных решений после получения указаний партийных комитетов» [12, с. 580]. Российский ученый Е. В. Куманин констатирует: «проблематика соотношения права и политики важна для понимания китайского права. В силу исторических и национальных особенностей в Китайской Народной Республике политические меры воздействия длительное время вытесняли правовые формы организации общественных отношений. Поэтому для исследования китайского права требуется детальное выявление каналов взаимодействия политики и права» [17, с. 13].

К приверженцам марксистской доктрины причисляют себя не только традиционные социалистические государства, но и некоторые традиционные капиталистические государства, например Португалия, в Конституции которой, наряду с другими целями Учредительного собрания, «одобrivшего и узаконившего» ее 2 апреля 1976 г., ставится цель «открыть пути к социалистическому обществу» [16, с. 521].

Как справедливо отмечал известный компаративист Р. Давид, «разница в существе доктрин и их применении в России по сравнению со странами романо-германского права заключалась ... лишь в том, что в советский период в России в качестве юридически значимых доктрин выступали не только правовые, но и

политические доктрины (решения съездов КПСС, партийных пленумов и др.), тогда как в западноевропейских странах подобной практики не было и нет» [13, с. 189–190].

Итак, одним из важных источников права в материальном смысле в СССР была политическая доктрина, основанная на учении марксизма-ленинизма и выраженная в документах политико-правового характера, т. е. отчасти приобретающая и значение источника права в формально-юридическом смысле. Этой доктриной провозглашалось построение коммунистического общества в качестве конечной цели общественного развития и как его элемента, и одновременно как средства правового регулирования. А решения партийных съездов, подводящие итоги предшествующего строительства и намечающие дальнейшие перспективы на ближайшие годы, являлись своего рода задачами для достижения этой цели и были, по сути, тоже источниками права своего рода «вторичного» характера.

Аналогичная ситуация сохраняется и в Китайской Народной Республике, где государственная воля находит свое выражение в политико-правовых документах, носящих программный характер, принимаемых партийными или правительственными органами КНР.

В качестве примера можно привести: План 12-ой пятилетки (с 2011г. по 2015г.); Программа 863 (Государственный план развития исследований в области высоких технологий); Программа 973 (Государственный план развития основных фундаментальных исследований); Государственная программа среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006–2020 гг. Несмотря на отсутствие прямых указаний на меры юридической ответственности за нарушение закрепленных в них положений, государственные и/или партийные документы имеют обязательную силу для субъектов их исполнения и подлежат немедленной реализации в практической деятельности государственных органов и простых граждан Китая. При нарушении положений, например, Плана пятилетки виновное ответственное лицо лишается своей должности согласно действующему законодательству КНР. Зачастую в соответствии с государственными Программами и Планами китайский законодатель приступает к принятию необходимого для их реализации нормативного правового акта.

Несмотря на важное значение государственных программных документов для правовой системы КНР, их все же нельзя отнести к источниками права Китая. Как отмечает отечественный исследователь источников конституционного права КНР К. Н. Третьяков, "мы анализируем документы политического характера с точки зрения формы и содержания, оцениваем их связь с нормативными актами и приходим к выводу, что такие документы не относятся к формально-юридическим источникам, однако играют большую регулятивную роль и являются одной из предпосылок формирования писаных и неписаных норм конституционного характера. Иначе говоря, политическая воля Компартии КНР, будучи материальным источником права, фиксируется в форме политических документов, которые, таким образом, занимают своего рода буферное положение между материальным и формальными источниками современного китайского конституционного права" [21, с. 21].

Научный интерес и повышенное внимание к доктрине в последние годы связаны, помимо прочего, с тем обстоятельством, что за несколько истекших лет в российской политико-правовой практике доктрина приобрела устойчивый характер самостоятельного вида правового документа. Вероятно, в данном случае

можно говорить о своего рода политико-правовом феномене, имеющем одновременно и нормативно-правовой, и декларативно-политический характер.

1. Доктрина развития российской науки. Одобрена Указом Президента РФ от 13 июня 1996 г. (в ред. Указа Президента РФ от 23.02.2006 г. [5].

2. Доктрина информационной безопасности РФ. Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. [3].

3. Морская доктрина РФ. Утверждена Президентом РФ 26 июля 2015 г. [8].

4. Климатическая доктрина РФ. Утверждена распоряжением Президента РФ от 17 декабря 2009 г. [7].

5. Доктрина продовольственной безопасности РФ. Утверждена Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. [4].

6. Военная доктрина РФ. Утверждена Президентом РФ 25 декабря 2014 г. [2].

7. Экологическая доктрина РФ. Одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. [9].

В контексте нашего исследования важнейшим является вопрос, обладают ли названные документы юридической силой, содержат ли они общеобязательные правила поведения общего характера — нормы права, т. е. являются ли они источниками права.

С точки зрения юридической техники обращает на себя внимание способ введения доктрин в действие. Все они, за исключением Морской доктрины, введены в действие правовым актом субъекта правотворчества — либо Президента РФ, либо Правительства РФ. Обычно таким способом вводятся в действие нормативные правовые акты типа «положение», «правила», «порядок», «перечень» и т. п., при этом их юридическая сила напрямую зависит от места органа, утвердившего акт, во властной иерархии. Однако не может не вызвать удивления та юридикотехническая «пестрота», с которой вводились в действие вышеперечисленные доктрины: одобрена Указом Президента РФ — 1; утверждены Указом Президента РФ — 2; утверждена Президентом РФ «напрямую», без издания специального акта — 2; утверждена распоряжением Президента РФ — 1; одобрена распоряжением Правительства РФ — 1.

Таким образом, лишь две из семи действующих на федеральном уровне доктрин введены в действие одинаковым способом.

Еще большая правовая неопределенность возникает в результате изучения лемальных дефиниций и характеристик доктрин, данных в их текстах.

В Доктрине информационной безопасности для характеристики самого акта используется преамбула: «Доктрина информационной безопасности РФ представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения информационной безопасности РФ. Настоящая доктрина служит основой для: формирования государственной политики в области обеспечения информационной безопасности РФ...».

Тот же подход обнаруживается и в Доктрине продовольственной безопасности: «В настоящей Доктрине развиваются положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683, касающиеся продовольственной безопасности, учтены положения Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. N 208, и других документов стратегического планирования. ...Настоящая Доктрина является основой для разработки

нормативных правовых актов в области обеспечения продовольственной безопасности, развития сельского и рыбного хозяйства».

Таким образом, в текстах доктрин в большей степени подчеркивается их политическая, а не юридическая составляющая. Вместе с тем сами правотворческие органы признают за ними значение нормативных правовых актов, и вводятся они в действие с соблюдением той же процедуры, что и нормативные правовые акты. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что доктрины как политико-правовые документы, являясь, если исходить из процедуры их принятия, документами подзаконными (президентскими и правительственными), реализуются в последующем в федеральных законах. Авторы политико-правового анализа современной российской законодательной деятельности говорят об этом, может быть, несколько излишне категорично и резко, но в целом верно: парламенты подотчетны обществу и ответственны за принятые законы, как в фундаментальном, так и в формальном смысле. «Вместе с тем опрометчиво предполагать, что они, как институты законодательной власти, «пишут» законы. Мы настаивали бы на том факте, что парламенты функционально рассматривают и принимают законопроекты, вводят законодательство в действие. Особенная их роль состоит в определении того, кто формирует правительство, которое вносит законопроекты», однако реалии современного политического процесса и законодательной деятельности заключаются в том, что «Президент страны, а в некоторых случаях и Правительство поддерживаются мощной административной машиной бюрократии, которая и является реальным автором законов» [20, с. 11]. Помимо положений, устанавливающих цели и задачи государственной политики и правового регулирования в той или иной сфере, доктрины содержат в себе также нормы-принципы. Так, например, в Доктрине развития науки указано: «Важнейшими принципами государственной научной политики являются: а) опора на отечественный научный потенциал...».

Доктрины как политико-правовые документы, посвященные тому или иному виду безопасности, содержат, помимо прочего, перечень угроз безопасности. Для блокировки этих угроз, минимизации последствий от их действия государство наряду с другими мерами вводит в соответствующие механизмы правового регулирования сдерживающие правовые средства, или, выражаясь словами А. В. Малько, «правовые тормоза» [19, с. 61].

Не вызывает сомнений тот факт, что рассмотренные выше доктрины (в значении доктрина-документ) являются согласованным плодом научной и политической деятельности, выражают признанные политическим руководством государства научные теории и концепции, или, если смотреть под иным углом зрения, являются собой политически адаптированные научные разработки, выполненные учеными по заказу политиков.

Таким образом, в текстах доктрин как политико-правовых документов сформулированы основанные на научных теориях и имеющие юридическое содержание целеполагающие и декларативные нормы (нормы, устанавливающие задачи и направления правового регулирования), нормы-принципы. Исходя из их содержания, в дальнейшем строится вся правотворческая, в том числе законотворческая, правоинтерпретационная и правоприменительная практика в соответствующей сфере правового регулирования. Отрицательным фактом является то, что при всей полезности и необходимости доктрины как политико-правового документа ее правовой статус, место и роль в законодательной системе (иными

словами — в системе источников-форм права) России и Китая не определены. Необходимость закрепления содержательного и юридического статуса доктрины-документа подтверждается тем обстоятельством, что в последнее время подобные документы стали издаваться не только на президентском и правительственном уровне, но и другими субъектами правотворчества [6]. Вопрос о необходимости «закона о законах» активно обсуждается уже много лет. И. Ф. Казьмин и С. В. Поленина отмечают, что название «Закон о законах» употребляется в научных дискуссиях как условное. «Но для официального заголовка закона оно малопригодно, так как большинство авторов считают, что решать он должен вопросы, связанные с изданием не только законодательных, но и других (подзаконных) актов» [15, с. 4]. Интересна в этом отношении позиция Ю. Г. Арзамасова, утверждающего, что сразу же после принятия в 1993 г. Конституции РФ следовало бы принять федеральный закон «Об источниках (формах) права в РФ», который бы стал основополагающим, базовым документом, основой правового регулирования в нашем государстве. Закрепив в данном документе все виды (формы) источников права.» [11, с. 233]. Вероятно, следует присоединиться к мнению Ю. В. Егоровой и М. А. Мушинского, согласно которому, вероятно, основное место в «законе о законах» должны занять два блока норм: 1) устанавливающие иерархию источников права по юридической силе; 2) устанавливающие порядок и пределы действия нормативных правовых актов» [14].

В целом соглашаясь с таким видением, добавим от себя, в свете нашего исследования первоочередная задача — это официализация назначения и правового статуса политико-правовых документов типа «доктрина».

Литература

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Введен в действие с 7 октября 1977 года Декларацией ВС СССР от 7 октября 1977 г. № 6365-IX в порядке, установленном Законом СССР от 7 октября 1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
2. Военная доктрина РФ. Утверждена Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // СЗ РФ. 2009. № 51. Ст. 6305.
3. Доктрина информационной безопасности РФ. Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // СЗ РФ от 12 декабря 2016 г. N 50 ст. 7074.
4. Доктрина продовольственной безопасности РФ. Утверждена Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20. // Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425>
5. Доктрина развития российской науки. Одобрена Указом Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 884 (в ред. Указа Президента РФ от 23.02.2006 г. № 169) // Российская газета, N 40, 28.02.2006.
6. Доктрина среднего медицинского и фармацевтического образования в Российской Федерации. Утверждена решением коллегии Минздрава РФ от 28 декабря 1999 г. № 20.
7. Климатическая доктрина РФ. Утверждена распоряжением Президента РФ от 17 декабря 2009 г. № 861-рп. // СЗ РФ. 2009. № 51. Ст. 6305.
8. Морская доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 26 июля 2015 г.
9. Экологическая доктрина РФ. Одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р. // СЗ РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.
10. Конституция Китайской Народной Республики (Принята на 5-ой сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва, обнародована и официально

введена в действие Всекитайским собранием народных представителей 4 декабря, 1982 года, с 13-я поправкой к принятой 15.03.1999 на 2-м заседании Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва, которая закрепляет необходимость «построения социалистического правового государства». Жэньминь жибао. 17.03.1999 (на кит. яз.) // URL: <https://asia-business.ru/law/law1/pravo/constitution/> (дата обращения: 14.12. 2020)

11. Арзамасов Ю. Г. Ведомственные кодифицированные акты: ценность, виды, дефекты, проблемы повышения эффективности. // Кодификация законодательства: теория, практика, техника (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 года): материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. С. 215–234.

12. Гудошников Л. М. Эволюция политических институтов Китая во второй половине XX и начале XXI вв. // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А. Д. Воскресенского. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007.

13. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. Москва: Международные отношения, 1999. 400 с.

14. Егорова Ю. В., Мушинский М. А. Региональное законодательство в контексте единого правового пространства России / под ред. Р. А. Ромашова. Иркутск: Издательство Восточно-Сибирского института МВД России, 2007. 120 с.

15. Казьмин И. Ф., Поленина С. В. «Закон о законах»: проблемы издания и содержания // Советское государство и право. 1989. № 12. С. 3–9.

16. Конституции государств Европейского Союза / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва: НОРМА: ИНФРА-М, 1999. 802 с.

17. Куманин Е. В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики / Е. В. Куманин; отв. ред. Б. А. Страшун; АН СССР, Ин-т государства и права. Москва: Наука, 1990. 157 с.

18. Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук. Иркутск, 2012. 254 с.

19. Малько А. В. Эффективность правового регулирования // Правоведение. 1990. № 6. С. 61–67.

20. Нисневич Ю. А., Платонов В. М., Слизовский Д. Е. Законодательная деятельность: политико-правовой анализ. Москва: Аспект Пресс, 2007. 285 с.

21. Третьяков К. Н. Основные источники современного конституционного права Китайской Народной Республики: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2010. 23 с.

22. Трощинский П. В. Правовая система Китая: монография. Москва: ИДВ РАН, 2016. 472 с.

THE DOCTRINE AS A POLITICO-LEGAL DOCUMENT

Evgeniy O. Madaev

Cand. Jur. Sciences, Associate Professor

Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

madaeo@mail.ru

The doctrine as a politico-legal document is an important part of the legislative system of the Russian Federation and Peoples Republic of China defining now not only the fundamentals of the State policy, but also the strategy and tactics of legal regulation of public relations.

The practice of establishing doctrines as a politico-legal instruments can be considered useful and even necessary because: 1) these documents reveal, have branch coverage, strategic

and forward-looking, coherent plan provide the overall political action and legal regulation; 2) they realize the connections between political and legal spheres, formulate the tasks of legal regulation in relation to the specific historical and political, economic, environmental, etc. the situation may be adjusted when it is changing with the sanctity of shared universal principles of law and the pillars of legal regulation; 3) these documents have a scientific basis and at the same time, legal form, that is, they are an important means of legitimization of political, legal and political and legal doctrine as part of the legal system of the State. Negative fact is that while useful and necessary doctrine as a politico-legal document of its legal status, place and role in the legal system of Russia and China are not defined.

Keywords: doctrine, political and legal document, legal act.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© **Очирова Виктория Мункоевна**

доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации
со странами Азиатско-Тихоокеанского региона,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
ochirova.v@yandex.ru

Изучение российской элиты — одна из актуальных тем в постсоветской политической науке. Результатом «всплеска» интереса к данной социальной группе стали многочисленные труды отечественных и зарубежных авторов, а также появление отдельного научного направления, получившего название «элитология». Наряду с федеральной политической элитой изучению подвергаются и элиты региональные. Предметом исследования являются как вопросы функционирования группы, стоящей на вершине общественной иерархии, так и ее социальный портрет, особенности рекрутирования, ценностные ориентации. Последние, ввиду особой важности и малоизученности, представляют наибольший интерес. Учитывая данный факт, автор в настоящей статье раскрывает ценностные ориентации политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва, касающиеся актуальной темы — динамики политического развития постсоветской России, являющегося одним из определяющих факторов характера ее международных отношений. Одно из первых комплексных исследований республиканских политических элит осуществлено автором в 2009–2010 гг., когда в ходе анкетирования было опрошено 618 человек, представляющих исполнительные, законодательные / представительные и муниципальные органы власти республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва (проанализировано 576 анкет). Помимо анкетного опроса также были проведены экспертные интервью в трех изучаемых регионах России. Включая политический блок вопросов в анкету, и частично представляя его итоги в данной статье, автор преследует цель отобразить взгляды республиканских элит на динамику политического развития России, выявить некоторые проблемы, которые беспокоят представителей власти в регионах, а также их мнения относительно причин сложившейся ситуации. Анализируя ответы на вопросы анкеты, автор выяснил, что современное состояние политического развития России респондентов в целом удовлетворяет. В то же время, по их мнению, имеется следующий перечень наиболее проблемных направлений, которые требуют к себе пристального внимания: многопартийность, избирательная системы / выборы, система органов власти, демократия, отношения центр-регионы, межнациональные отношения, кадровый вопрос. Преследуя цель определить причины позиции анкетированных, автор, используя в качестве аргументации широкий круг источников, подверг указанные направления собственному краткому анализу и пришел к выводу обоснованности взглядов представителей республиканских политических элит.

Ключевые слова: политическая элита, республика Бурятия, республика Саха (Якутия), республика Тыва, политическое развитие России, многопартийность, демократия, органы власти, отношения «центр-регионы», избирательная система, межнациональные отношения, кадровый вопрос.

Распад СССР, одной из крупнейших и могущественных держав мира, вызвал кардинальные изменения в расстановке сил на международной арене. Российская Федерация, ставшая преемницей СССР, сталкиваясь с множеством внутриволи-

тических проблем, первоначально с трудом преодолевала вызовы переходного периода. Нестабильность и противоречивость динамики политического и социально-экономического развития постсоветской России оказывают существенное влияние на внешнюю политику Российской Федерации и характер ее международных отношений, что нашло отражение в стратегических документах нашего государства, в частности, в Концепциях внешней политики РФ. Данный аспект более подробно рассмотрен нами в предшествующих работах [7]. В настоящей статье хотелось бы остановиться на политическом развитии постсоветской России, проследить ее динамику и выявить роль политической элиты в этом процессе, что позволит глубже понять изменения во внешнеполитических ориентирах российского государства.

Постсоветский период стал временем коренных преобразований во всех социальных сферах нашей страны. Подобные изменения во многом были инициированы политической элитой, которая существенно обновилась не только в персональном отношении, но и по своим внутренним характеристикам, что выразилось в эволюции ее ценностных ориентаций. Результатом данного процесса стала смена приоритетов в социально-экономическом и политическом развитии России. Оценить предварительные итоги реформирования в сфере политики, выявить ее современное состояние поможет анализ анкетных данных автора, отражающих политические ориентации представителей элит республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва [7].

Открывая в анкете тематический блок вопросов, мы спросили у респондентов: «Удовлетворяет ли Вас современная политическая ситуация в России?» (см. табл. 1).

Таблица 1

Степень удовлетворенности современной политической ситуацией
в России (в %)
The level of satisfaction by the present political situation in Russia (in %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
полностью удовлетворяет	22,9	-	11,5	-	13,2	-	36,2	11	12,5	12,2	4,6	19,7
скорее удовлетворяет	31,5	30,3	41,1	63,9	57,4	37	27,6	35,9	57,1	34,8	54,1	39,9
полностью не удовлетворяет	17,1	41,1	11,5	8,3	11,8	-	-	14	12,5	21,6	7,2	9
скорее не удовлетворяет	15,7	28,6	35,9	22,2	17,6	37	36,2	28,1	17,9	27	24,8	27,5
затрудняюсь ответить	12,8	-	-	5,6	-	26	-	11	-	4,4	9,3	3,9

Во всех регионах большинство опрошенных выбрало дипломатичный (или осторожный) вариант ответа «скорее удовлетворяет»: 34,8% — в Бурятии, 54,1% — в Саха (Якутии), 39,9% — в Тыве. Эта же позиция в основном доминировала и среди представителей различных видов элит. Двойственность взглядов, отразившаяся в равном процентном соотношении двух вариантов ответа, была свойственна муниципальной элите Якутии («скорее удовлетворяет» и «скорее не удовлетворяет» набрали по 37%) и исполнительной элите Тывы («полностью удовлетворяет» и «скорее не удовлетворяет» — по 36,2%). Наиболее категоричным (или более честным) было мнение законодательной / представительной элиты Бурятии, 41,1% которой выбрали вариант «полностью не удовлетворяет» (заметьте, что близкий ответ «скорее не удовлетворяет» отметили 28,6% представителей данного вида элиты).

Итак, результаты показали, что современная политическая ситуация в России большинство респондентов в целом удовлетворяет. Однако довольно значительная часть опрошенных (в различных регионах от 30 до 50%) выразила неудовлетворенность сложившейся ситуацией в данной области, что, естественно, требует пояснения их точки зрения. В ходе анализа эмпирических материалов выяснилось, что представители республиканских политических элит недовольны состоянием отдельных направлений политической сферы в России. Наибольшую тревогу у них, судя по итогам количественной обработки информации, вызывают перечисленные ниже направления, которые мы с целью определения причин позиции анкетированных подвергли собственному краткому анализу. Подчеркнем ценность полученных нами данных, заключающуюся в том, что респонденты сами называли варианты ответов, а не выбирали их из числа предлагаемых в анкете.

1 место — многопартийность. Акцентировалось внимание на таких проблемах, как слабая реализация данного принципа в нашей стране, постепенный переход к однопартийной системе, нарушения в ходе партийного строительства и формирования партий, фактическая гегемония партии «Единая Россия» на политической арене, монополизм партии власти в принятии важнейших государственных решений, неэффективная деятельность существующих политических партий и др.

Многопартийность, как известно, является одним из проявлений демократии, плюрализма мнений, предполагающим наличие неограниченного количества партий, находящихся в состоянии свободной конкуренции, что в итоге позволяет преодолеть монополизм в политической жизни общества. Данный принцип был провозглашен в нашей стране на волне демократических преобразований в н. 1990-х гг. В результате принятия Федерального Закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (19 мая 1995 г.), установившего довольно простой порядок создания и регистрации объединений, произошел быстрый рост числа неконтролируемых политических партий, которые в большинстве своем не пользовались популярностью и не смогли занять достойного места на политической арене. Только в Бурятии в к. 1990-х гг., по данным Б. П. Крянева, функционировало более 60 политических партий, движений и организаций [6]. Население о деятельности образованных объединений, как правило, было мало информировано, что вызывало соответствующее отношение к ним.

В н. 2000-х гг. руководство страны предприняло решительные шаги по регулированию партийной и избирательной систем. За короткий срок были приняты федеральные законы, которые закрепляли ряд серьезных нововведений для пар-

тий: их регистрация стала возможна лишь при условии, что они имеют региональные отделения не менее чем в половине субъектов федерации и численность членов партий не менее 50 тыс. человек; установлено ограничение по выдвижению кандидатов (списков кандидатов) в депутаты и представителей иных выборных должностей в органах государственной власти только партиями; повышен до 7% проходной барьер для партий; запрещено дублировать наименования партий и их символику, называть партии именем и (или) фамилией конкретных лиц, устанавливать для людей различных полов и национальностей ограничения на членство в партиях, создавать региональные партии, а также партии по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности; ужесточился финансовый контроль над деятельностью партий; политическая партия, не принимавшая в течение семи лет подряд участия в выборах, подлежала ликвидации и др. Большинство образовавшихся в 1990-х гг. партий, естественно, не смогли выполнить данные довольно жесткие требования и вынуждены были прекратить активную политическую деятельность, либо самоликвидироваться. До недавнего времени в России были «допущены» к власти только четыре партии, не представляющие, по мнению многих исследователей, угрозу для руководства страны. Реальной силой среди них обладает только одна партия «Единая Россия», которая при помощи административного ресурса неизменно сохраняет большинство в федеральном и региональных парламентах и, тем самым, имеет возможность беспрепятственно принимать необходимые власти законы. Этот факт, в сочетании с активной социально-политической позицией: развитие независимой от местных властей партийной структуры в регионах, использование популярных среди населения идей, реализация социально значимых инициатив, работа с молодежью и пр. [8, с. 246], позволил партии занять видное место в структуре управленческой вертикали и получить первоначально поддержку у жителей нашей страны. По данным О. В. Крыштановской, партия «Единая Россия» в июле 2005 г. пользовалась определенным доверием, за нее были готовы голосовать 26,9% населения и 47,5% госслужащих [5]. Более того, подавляющая часть российской элиты вошла в ряды данной партии. Сегодня «Единая Россия» является важным инструментом президентского контроля над политическим процессом. Однако привилегированное положение партии власти, наличие у нее больших административных возможностей, ограничение деятельности других партий вызывает большое беспокойство, а в последние годы и острое неприятие у жителей страны. В современной России, как верно заметили представители республиканских политических элит, фактически осуществляется постепенный переход к однопартийной системе. Вместе с тем, согласимся с Б.П. Кряневым, что «становление многопартийности чрезвычайно сложный и многообразный процесс. Формальное объявление «свободы партий, митингов и собраний» является лишь его начальной точкой. Необходимы серьезные изменения всей структуры взаимоотношений политической и экономической систем, системы социализации <...>. С этой точки зрения многопартийность в нашей стране находится только на начальном этапе своего становления ...» [6, с. 181]. Надеемся, что указанные изменения не заставят себя ждать. Сегодня же под давлением общественности уже произошли положительные сдвиги в вопросе многопартийности. В законодательство внесены существенные коррективы: фактически снижен до 5% проходной барьер для партий на выборах (партиям, набравшим от 5 до 7% голосов избирателей, предоставляются одно либо два места в парламентах

всех уровней), уменьшилось до пятисот требуемое число членов политической партии и др. Данные новшества вызвали образование множества новых партий. Однако их роль и влияние пока не существенны. Значение и статус партии власти не изменились. Соответственно, монополизм в политической жизни нашего общества не преодолен, а значит принцип многопартийности, в истинном его понимании, не реализован.

2 место — избирательная система, выборы. Акцентировалось внимание на таких проблемах, как тревожное состояние института выборов в России, повсеместные нарушения избирательного законодательства, использование во время выборов административного ресурса, отсутствие честных справедливых выборов на всех уровнях федерации ввиду фальсификации их результатов, отмена выборов глав регионов, избрание депутатов в представительные органы власти по партийным спискам и др. Выдвигались требования прекратить превращать выборы в комедию и предоставлять гражданам реальные итоги избирательных кампаний.

В начале 2000-х гг. в России фактически наблюдалась ликвидация института выборов, шел постепенный переход к системе назначений: были отменены выборы глав регионов, депутатов Государственной Думы РФ по одномандатным округам, утвержден новый порядок избрания федеральных и региональных представительных органов власти (изменения, внесенные в избирательное законодательство, закрепили переход к пропорциональной системе на выборах в федеральный парламент, а также к пропорциональной и смешанной на региональных выборах). Данные нововведения, ограничивающие конституционные избирательные права россиян, вызвали естественную волну недовольства в стране, сопровождающуюся требованием вернуться к системе выборов. Однако власть, пойдя по необходимости на уступки (например, вернув ограниченные «президентским фильтром» выборы глав регионов), превратила процесс волеизъявления граждан в фарс путем оказания влияния на результаты избирательных кампаний. Как отмечает О. В. Крыштановская, сегодня «выборы проходят в условиях сговора политических игроков, в числе которых — не только кандидаты и их партии, но и финансово-промышленные группы, правоохранительные органы, избирательные комиссии всех уровней. Но главными действующими лицами избирательной компании становятся региональные руководители (в качестве главных агитаторов и контролеров) и председатели избиркомов (в качестве главных механиков процесса). Важную роль также играют политтехнологи, которые генерируют новые виды воздействия на избирательный процесс» [4, с. 135]. Во время выборных кампаний повсеместно применяется административный ресурс, под которым понимается «возможность манипулировать электоратом и результатами выборов, используя различные виды зависимостей политических игроков и населения от действующей власти» [4, с. 135]. В подобных условиях, как говорил И. В. Сталин: «Не важно, как проголосовали, — важно, как подсчитали»¹. Выборы превратились в механизм, который закрепил лидирующее положение политической элиты и практически перекрыл доступ в ее состав представителям других социальных групп. Вполне естественно, что применение административного ресурса привело к падению ценности института выборов. Так, если в 2003 г. 73% россиян признавали, что выборы нужны, а 20% считали их ненужными (7% за-

¹ Барыгин И. Н. 2007. Регионоведение. Москва: Аспект Пресс. С. 225

труднились с ответом), то в 2006 г. 61% опрошенных указали на необходимость выборов, 23% — на ее отсутствие (16% затруднились ответить)¹. Неуклонно растет доля россиян, отрицающих свою способность как-то повлиять на политические процессы в стране: 1995 г. — 45%, 1998 г. — 52%, 2000 г. — 50%, 2003 г. — 69%, 2005 г. — 74% [8, с. 305]. После выборов в Государственную Думу ФС РФ VI созыва 4 декабря 2011 г. пассивная констатация существующего факта сменилась активными действиями в виде массовых акций протеста против фальсификаций и нарушений законодательства во время избирательных кампаний в России. Тем самым, россияне утратили всякое доверие к власти. Вернуть его будет очень сложно, но крайне необходимо. В системе выборов нужно навести порядок, они должны быть честными и прозрачными. Если власть будет действительно заботиться о народе, а не манипулировать им и обирать его, то ей нечего бояться, за нее обязательно проголосуют. Пока же доверия ни с той, ни с другой стороны не наблюдается, власть действует наверняка, что справедливо выносит проблематику избирательной системы и выборов на вторую позицию в нашем списке.

3 место — система органов власти. Акцентировалось внимание на таких проблемах, как высокий уровень бюрократизации власти (наличие искусственных преград, долговременность выполнения отдельных работ, необходимость прохождения множества инстанций и т. п.), неоправданно многочисленный государственный аппарат, закрытость власти, низкий уровень доверия граждан к местным и центральным институтам власти, неэффективная практика формирования федеральных и региональных органов законодательной / представительной власти, обуславливающая некачественную работу депутатов (особенно подчеркивалась деятельность представительных органов МСУ), отсутствие реального контроля над исполнительной властью со стороны законодательных органов, наличие негативных моментов в реализуемой органами власти государственной политике, ведущих к неустойчивости политической системы и общего управления государством и др.

Созданная в постсоветский период система органов власти на протяжении прошедших десятилетий проходила испытания на прочность и эффективность. Практика показала, что в целом система справляется со своими функциональными обязанностями. Однако, безусловно, есть и определенные проблемы, часть из которых была озвучена респондентами. Многие негативные моменты, на наш взгляд, были позаимствованы из советского периода: высокий уровень бюрократизации, обширный государственный аппарат, закрытость власти, отсутствие общественного контроля над государственными структурами, слабый диалог власти с народом и др. Наличие этих моментов в совокупности с трудностями переходного периода, спорной государственной политикой в различных областях жизни, слабостью центрального государственного аппарата, вызывали в 1990-х гг. понятное недоверие граждан к институтам власти. В январе 1996 г. Государственной Думе доверяли 14% россиян и не доверяли 60%; Совету Федерации, соответственно, 7% и 66%; Правительству — 12% и 68%; Президенту Б.Н. Ельцину — 12% и 73% [8, с. 201]. Надежды в 1990-х гг. были связаны, как правило, с руководством регионов, которое воспринималось в качестве наиболее влиятель-

¹ ФОМ. Институт выборов и электоральное поведение россиян. Опрос населения. 12.01.2006. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/elect/est_el/dd0600110 (проверено: 10.07.2018).

ной силы. Например, в 1998 г. 22,4% опрошенных жителей Бурятии указывали, что Президенту республики Л.В. Потапову «вполне доверяют», в то время как Президенту России Б.Н. Ельцину доверие выразили только 3,7% (примечательно, что 70,3% ему совсем не доверяли) [1, с. 39]. Тяготение к местному руководству не вызывает удивления, учитывая имеющийся в то время объем властных полномочий у региональных политических элит. Однако и в 2000-х гг., как ни странно, отношение к институтам власти не изменилось. Несмотря на энергичные действия органов власти (реформирование политической системы, реализацию социальных программ и пр.), представители различных социально-демографических групп, отвечая в н. 2000-х гг. на вопрос о том, кто является по-мехой успешного развития России, поставили на первые места следующие варианты: чиновники, бюрократы — 62%, некомпетентное руководство федеральных органов власти — 41%, некомпетентное руководство местных органов власти — 23% [3, с. 100]. Работа органов центральной государственной власти и Президента РФ, согласно исследованию О. В. Крыштановской сер. 2000-х гг., оценивалась россиянами следующим образом: Государственная Дума — госслужащие «удовлетворительно» (47,5%) и «плохо» (41,6%), население «плохо» (54,2%) и «удовлетворительно» (30,2%); Совет Федерации — госслужащие «удовлетворительно» (46,3%) и «плохо» (21,8%), население «удовлетворительно» (32,4%) и «плохо» (30,6%); Правительство России — госслужащие «удовлетворительно» (58,4%) и «плохо» (24,9%), население «удовлетворительно» (48,7%) и «плохо» (34,2%); Президент России — госслужащие «удовлетворительно» (45,9%) и «хорошо» (45,1%), население «удовлетворительно» (49,2%) и «хорошо» (33,3%) [5]. Фактически аналогично рассматривалась и деятельность органов региональной власти — доминировала оценка «удовлетворительно», только работа Президента РФ в глазах россиян выглядела неплохо. Причин для столь негативного отношения к институтам власти достаточно много. Исследования показывают, что россияне недовольны тем, как государство исполняет свою функциональную нагрузку (естественно, через учреждения и ведомства). Например, обеспечение функций охраны прав и свобод граждан, прав собственности и правопорядка только 4% граждан рассматривает как хорошее, 28% — удовлетворительное и 56% — плохое; обеспечение равенства всех перед законом и судом соответственно 6%, 27% и 56% [8, с. 302]. Большинство населения (52%) полагает, что финансовые средства, поступающие из регионов в виде собранных налогов, попросту разворовываются в федеральных министерствах и ведомствах, среди чиновников таковых 19,5%. Только 2,5% населения и 20,6% госслужащих полагают, что распределение налоговых поступлений ведется в соответствии с законом [5]. Как показывают результаты только приведенных нами исследований (а их очень много), органы государственной власти не пользуются популярностью среди населения, их деятельность не находит у них поддержки. Согласно исследованию ВЦИОМ 2007 г., работу Государственной Думы одобряли 26% россиян и не одобряли 51%; Совета Федерации соответственно — 27% и 32%; федерального правительства — 43% и 38%¹. Одобряют и доверяют опять же только Президенту РФ. С 2000-2007 гг. ему доверяли в среднем около 73% россиян и не до-

¹ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 698. Отношение россиян к основным общественным и государственным институтам. 25.05.2007. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8257.html> (проверено: 10.07.2018).

веряли 20%¹, в июне 2012 г., соответственно — 52% и 9%². Работу Президента России в июне 2012 г. одобряли 66,9% респондентов, не одобряли — 22,9%³. Эта противоречивость, выявленная во взглядах россиян, вполне традиционна. В нашей стране всегда было крепко убеждение, что чиновники — «кровопийцы», а глава государства просто находится в неведении о реальном положении дел в стране. Безусловно, это глубокое заблуждение. Однако абсолютно верно то, что только Президент РФ может повысить эффективность работы системы органов государственной власти, устранив в ней имеющиеся негативные моменты. Это, в свою очередь, позволит поднять уровень доверия населения к институтам власти, как и должно быть в цивилизованном государстве. Заметим, что данная тенденция уже отмечается. В марте 2012 г. деятельность Государственной Думы одобряли 38% россиян и не одобряли 42%; Совета Федерации соответственно — 36% и 30%; Правительства РФ — 55% и 32%⁴. Тем самым оценка работы отдельных органов власти постепенно перемещается к позитивному «полюсу», а значит, видимо, растет и доверие к ним.

4 место — демократия. Акцентировалось внимание на таких проблемах как отсутствие в стране реального демократического режима, несоблюдение политических прав и свобод граждан (отсутствие свободы слова, нарушение права россиян на участие в управлении делами государства), неразвитость гражданского общества, невнимание к гражданским инициативам и др.

Как известно, понятие «демократия» в переводе с греческого языка (*demos* — народ, *kratos* — власть) означает «власть народа», «народовластие». В современном обществе термин употребляется в разных смысловых значениях, однако демократия — это, прежде всего, способ правления, один из типов политико-правового режима, в котором властвование осуществляется народом, реализующим власть непосредственно или через представителей. Демократии присущ ряд признаков, среди которых: суверенитет народа, разделение власти на три ветви (судебную, исполнительную и законодательную), выборность и сменяемость центральных и местных органов государственной власти, политический и идеологический плюрализм, равноправие граждан, законность, верховенство и господство закона, существование правового государства и гражданского общества, провозглашение и обеспечение прав и свобод человека и гражданина и др. Тем самым, демократия является сложным и многогранным общественно-политическим явлением, ставшим идеалом развития большинства стран мира, в конституциях которых были закреплены основные черты демократического государства. Такие черты имеются и в Конституции Российской Федерации. Однако большинство отечественных и зарубежных исследователей считают, что демократии в нашей стране нет, констатируется авторитарное перерождение политического режима [8, с. 252-253]. То, что было создано в России, называется псевдодемократией, популистским вариантом авторитаризма, управляемой демокра-

¹ Левада-Центр. Президент. Одобрение и доверие. URL: <http://www.levada.ru/prezident.html> (проверено 10.07.2018).

² ВЦИОМ. Доверие политикам. URL: <http://wciom.ru/confidence-politicians/> (проверено 10.07.2018).

³ ВЦИОМ. Одобрение деятельности государственных институтов. URL: <http://wciom.ru/ratings-state-institutions/> (проверено 10.07.2018).

⁴ ВЦИОМ. Одобрение деятельности государственных институтов. URL: <http://wciom.ru/ratings-state-institutions/> (проверено 10.07.2018).

тией и пр. [8, с. 226]. Недовольны функционированием демократии и россияне. По данным О. В. Крыштановской (сер. 2000-х гг.), скорее или совсем не удовлетворены тем, как демократия работает в российском обществе 39,2% населения и 43,2% госслужащих. Полностью или скорее удовлетворены лишь 13,8% населения и 27,2% госслужащих. По мнению россиян, ситуация в области прав и свобод граждан, развития демократии при В.В. Путине осталась такой же, как и прежде (госслужащие — 57,2%, население — 47,4%) [5], либо ухудшилась (17%)¹. Тревогу у населения вызывает ограничение свободы слова в СМИ (госслужащие — 2,3%, население — 1,7%) [5]. Много нареканий и в отношении гражданского общества. Помимо этого, мы уже указывали на слабое развитие в нашей стране таких составляющих демократии как многопартийность, политический и идеологический плюрализм, выборность и сменяемость представителей центральных и местных органов государственной власти. Есть вопросы и в отношении построения правового государства, равноправия граждан и др. Естественно, эти аспекты заставляют задуматься, а является ли Россия демократическим государством? Примечательно, что 30,1% населения и 20,6% госслужащих в исследовании О. В. Крыштановской на этот вопрос ответили отрицательно и были отчасти правы [5]. Истинно демократических государств в современном мире фактически не существует. Отдельные элементы демократии действительно реализуются, но говорить о реальном построении правового государства, гражданского общества, господстве закона, равноправии граждан еще рано. Формирование истинно демократического государства, в том числе и в Российской Федерации не является одномоментной акцией — необходим поэтапный процесс, требующий длительного времени, который обязательно будет сопровождаться отдельными негативными моментами, которые сейчас имеют место в нашей стране. Однако ситуация в современной России действительно очень тревожит, так как наряду с естественными трудностями построения демократии в стране реализуется политический курс, явно имеющий элементы авторитаризма, что выражается в весьма непопулярных решениях власти, которые вызывают естественное неприятие у общественности и заставляют усомниться в приверженности руководства государства демократическим идеалам. Надеемся, что указанный курс является лишь временным явлением, обусловленным острой необходимостью и в дальнейшем имеющиеся противоречия исчезнут, в стране будут в полной мере реализованы демократические принципы. Необходимо помнить, что демократия — это важнейшее завоевание человечества, ибо она представляет собой выработанный и обогащенный в ходе всемирной истории такой способ решения жизненно важных вопросов той или иной общности людей, при котором все члены этой общности обладают возможностью равноправно решать эти вопросы. Таким образом, становление реальной демократии в России является делом будущего, пока же продвижение в данном направлении, начавшееся сравнительно недавно, дается с трудом, но это естественный процесс.

5 место — отношения центр-регионы. Акцентировалось внимание на таких проблемах, как централизация власти, увеличение полномочий федерального центра, практика назначения губернаторов и глав регионов, неэффективная реализация региональной политики в стране, неразвитость федеративных отношений и др.

¹ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 544. Владимир Путин: семь лет у власти. 02.10.2006. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3286.html> (проверено: 10.07.2018).

В начале 2000-х гг. произошли кардинальные перемены во взаимоотношениях федерального центра и регионов. Жесткая политика Кремля создала условия для осуществления контроля над регионами, дисциплинировала региональных лидеров, сократила их полномочия и финансовые возможности и пр. Причин для централизации власти было довольно много: усиление центробежных тенденций в регионах, потеря управляемости страной, непредсказуемость избирательных кампаний в регионах, угроза возникновения политической нестабильности, возможность оперативно решать вопросы на уровне высшей исполнительной власти, отсутствие у регионов необходимых ресурсов для осуществления проектов и др. Однако, несмотря на наличие у центра достаточно веских причин, реализация данной политики, как показали в том числе и результаты нашего опроса, вызвала у региональных политических элит определенное неприятие. Изменение системы выборов в Государственную Думу и новый порядок формирования Совета Федерации оценивается в регионах как отход от принципов демократии, ослабляющий позиции субъектов РФ и расшатывающий устои многонационального федеративного государства [2, с. 207]. Недовольство вызывает чрезмерная централизация правовой и экономической компетенций регионов, равнодушие к позитивному опыту регионального законодательства, практика вмешательства в процесс назначения / избрания глав регионов и др. Подобные настроения в регионах вполне естественны, отношения принуждения и подчинения не могут способствовать возникновению положительных эмоций. Но по констатации тувинского эксперта, «политику Кремля нужно выполнять и поддерживать, потому что мы часть России». Однако, добавляет эксперт из Якутии, «по мере укрепления федерации необходимо повернуться лицом к субъектам, нужно повышать статус региональных политических элит, иначе они уйдут в подполье». Понимая это, руководство страны после реализации мер по наведению порядка в стране и обеспечению контролируемости глав регионов постепенно идет на уступки и расширение полномочий и возможностей на местах, и это верно. Регионы должны стать равноправными участниками политического, финансового и административного процессов. Правильное распределение полномочий между федеральным центром и субъектами является залогом эффективности государственного управления.

На наш взгляд, центр во взаимоотношениях с регионами движется в правильном направлении. Чрезмерная свобода действий региональных политических элит в современных условиях весьма опасна. Однако и лишать их возможности самостоятельно принимать отдельные решения будет неправильным. Здесь важно соблюдать баланс, найти «золотую середину». Централизация же власти, несмотря на всю ее противоречивость, как нам представляется, должна сохраниться. По крайней мере, пока. Исследование под руководством М. Тарусина (2007 г.) показало, что мы не одиноки в этом мнении: 70,8% государственной элиты выступают за централизацию и усиление вертикали власти, лишь 29,2% — за децентрализацию и предоставление больших прав регионам [10, с. 125]. Скорее всего, пока это самый приемлемый вариант отношений центра и регионов в России.

6 место — межнациональные отношения. Акцентировалось внимание на таких проблемах как негативные итоги реализации национальной политики в России, рост числа межэтнических конфликтов, самоустранение государства от судьбы соотечественников за рубежом и др.

Действительно, за последние десятилетия межнациональные отношения в нашей стране существенно обострились. Условное начало этому было положено еще в к. 1980-х гг., когда ослабление центральной власти и нестабильность в ее высших эшелонах вызвали рост сепаратистских настроений, принявших во многих регионах форму организованных национальных движений, которые в конечном итоге и способствовали развалу СССР. Характерный для этого времени резкий подъем национального самосознания вызвал усиление межэтнической напряженности в регионах. К сожалению, приходится констатировать, что и в современной России далеко не все спокойно. Накал этнических противоречий, как справедливо отметили в ходе нашего анкетирования представители республиканских политических элит, не ослабевает. Более того, население страны, по данным ВЦИОМ, отмечает ухудшение ситуации в отношениях между людьми разных национальностей: в 2006 г. придерживающихся такого мнения было 32%¹, в 2011 г. — 63% (жителей г. Москвы) и 54% (жителей г. Санкт-Петербурга)². По итогам исследования 2007 г. (под руководством М. Тарусина), рост межнациональной напряженности (ксенофобии, национализма) был признан россиянами одной из главных национальных угроз России — занял третье место в соответствующем списке, набрав 18,5% [10, с. 200]. Проблема существует и с каждым годом, ввиду отсутствия внимания к ней, она все более обостряется. Поэтому на людей, осуществляющих управленческие функции, возлагается большая ответственность. Именно от их взвешенной и разумной политики зависит внутреннее спокойствие государства, объединяющего на своей территории представителей различных национальностей. Причем не просто политики, а национальной политики, которой, по единодушному мнению многих исследователей, в современной России фактически нет. Об этом говорили и наши эксперты: «Национальная политика сегодня подменена региональной, а отказ от нее — большой минус, потому что у наций есть право на самоопределение» (Якутия), «Федеральному центру данная политика не нужна. Поэтому национальным субъектам необходимо самостоятельно объединяться в организации (инициаторами должны выступить неправительственные общественные движения) и ставить вопросы о статусе своих регионов, о создании условий для сохранения национальных традиций, языков и т. п. Угроза заключается в том, что мы можем потерять национальную культуру буквально за одно поколение» (Тыва) и др. Национальная политика в России, безусловно, нужна, причем комплексная, превентивная, стратегически ориентированная, учитывающая региональную специфику. В рамках ее реализации государство должно: формулировать и культивировать общенациональные цели российского народа, способствующие его объединению; создавать адекватные социально-экономические условия для развития всех народов, проводить мониторинг межэтнических отношений и т.п. Кроме того, очень важно осуществлять воспитание подрастающего поколения в духе уважения к самобытности, истории, культуре многонационального народа России. Помочь в этом могут, например, учебные спецкурсы, посвященные культурному наследию

¹ ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 544. Владимир Путин: семь лет у власти. 02.10.2006. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3286.html> (проверено 10.07.2018).

² ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1903. Межнациональные отношения глазами москвичей и петербуржцев. 07.12.2011. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112178> (проверено 10.07.2018).

российских народов, которые обязательно должны быть в программе обучения школьников и студентов. Также государству необходимо: оказывать поддержку учреждениям и коллективам, сохраняющим и транслирующим культурную самобытность народов; содействовать средствам массовой информации, осуществляющим вещание на родных для этносов языках; укреплять национальную общеобразовательную школу как важнейший инструмент сохранения и развития этнического своеобразия населения страны; помогать национальным учреждениям культуры, развивающим традиции народов; осуществлять охрану памятников и иных объектов исторического и культурного наследия [11, с. 12–13]. Для полной реализации указанных мер, естественно, необходимо увеличить объем выделяемого финансирования. Помимо перечисленного, государству нужно обеспечить непосредственное участие народов в жизни российского общества. По справедливому замечанию В. Б. Игнатъевой, в стране практически нет ни одной структуры федеральной власти, где были бы представлены народы России, имеющие равные права и возможности в процессе принятия государственных решений, в том числе касающихся непосредственно их или территорий, на которых они компактно проживают [2, с. 207]. В формировании и реализации национальной политики считаем необходимым использование удачного опыта СССР. Указанный период в истории нашей страны, как, наверное, никакой другой, характеризовался фактически полным отсутствием явных конфликтов на национальной почве. Данный факт, заметим, признается современным российским руководством. В. В. Путин на заседании Госсовета в 2010 г. отметил: «... в Советском Союзе не было никаких проблем с межнациональными отношениями. Советской власти удалось создать обстановку межэтнического и межконфессионального мира» [9, с. 174]. Действительно, народы СССР в своей жизнедеятельности старались опираться на принципы толерантности и добрососедства. И в этом была большая заслуга советской политической элиты, которая, понимая специфику государства, придавала большое значение поддержанию межнационального спокойствия. Национальная политика СССР ориентировалась на реализацию таких важных положений как равноправие наций, выравнивание уровней жизни народов, интернационализм, дружба народов, достижение единства наций, развитие советского народа как исторической общности людей и др. [9, с. 175]. Любые проявления конфликтов на национальной почве в стране жестко подавлялись. Возвращение и реализация положений советской национальной политики, на наш взгляд, должны стать ведущими задачами для современной политической элиты России. Кроме того, ей необходимо отказаться от «розыгрыша» этнической карты, который, как метко заметил К. Поппер, является самым дешевым и надежным способом, с помощью которого может продвигаться политик, которому нечего больше предложить [12, с. 90]. Представителям элиты следует помнить, что национальный вопрос не предмет для политических игр.

7 место — кадровый вопрос. Акцентировалось внимание на таких проблемах как кадровый дефицит, отсутствие высокопрофессиональных работников в управлении, плохая подготовка кадрового состава органов власти и др.

Ликвидация советской системы рекрутирования и подготовки кадров, которая, по нашему мнению, имела множество достоинств, повлекла возникновение проблемы кадрового дефицита в современной России. Руководство страны приняло ряд действий для ее решения. Важнейшим направлением государственной кадровой политики стало формирование системы кадрового резерва. В ре-

зультате масштабного и системного поиска талантов в нем оказались наиболее достойные с точки зрения руководства страны лица. Именно им предоставляется преимущественное право на замещение вакантных должностей в органах государственной власти. Насколько удалось решить кадровый вопрос, можно судить по результатам нашего исследования — седьмое место в списке проблемных направлений политической сферы явно говорит о его актуальности. Причин для этого достаточно много: доминируют неформальные механизмы отбора в кадровый резерв; слишком мало в нем так называемых «простых» россиян (представителей интеллигенции, научной сферы, культуры и т. д.), как правило, здесь оказались люди известные, состоятельные, уже имеющие руководящие должности; талантливые и способные граждане, по-прежнему, не могут «пробиться» во власть; общественность очень слабо информируется о реализуемых кадровых программах; плохо организована система подготовки / повышения квалификации лиц, состоящих в резерве и др. Устранение данных причин, как нам представляется, может способствовать решению кадрового вопроса в России. В заключение добавим, что высокопрофессиональных работников необходимо отбирать еще со студенческой скамьи. Именно студенты и выпускники вузов по специальностям, востребованным в органах государственной / муниципальной власти, являются кадровым резервом перспективного развития.

Также в числе наиболее проблемных направлений политической сферы России представители республиканских политических элит назвали: внешнюю политику, несовершенство законодательной базы, увеличение потока мигрантов (в том числе нелегальных), политико-правовой нигилизм населения, угрожающий размах коррупции в стране и др. В то же время были и мнения, что проблем в указанной сфере не существует. Следует отметить, что многие респонденты затруднились с ответом на поставленный вопрос и предпочли оставить его без внимания (как правило, это были представители исполнительной элиты).

Выявив наиболее проблемные направления в политическом развитии России, которые не потеряли актуальность и сегодня, мы попросили респондентов определить причины трудностей в функционировании политической и иных социальных сфер. Главная причина, по мнению большинства представителей политических элит Саха (Якутии) и Тывы (соответственно 37,1% и 46,1%), заключалась в несовершенстве законодательства. Элита Бурятии, помимо указанной причины, назвала и вариант «отсутствие профессионалов в данных областях» (по 29,4%) (см. таблицу 2).

Эти же ответы лидировали фактически во всех видах элит. Исключение составила законодательная / представительная элита Бурятии, которая, наряду с перечисленными вариантами, в равной степени указала и такой — «отсутствие внимания к данным сферам со стороны государства». В качестве других причин относительно сферы политики элита Бурятии отметила коррупцию; Саха (Якутии) — отсутствие демократических выборов, узурпацию власти партией «Единая Россия», клановость на всех уровнях управления, отсутствие политической воли у руководства государства (в первую очередь, из-за высокого уровня коррупции); Тывы — неисполнение законов, закрытость власти, ее монополизм в принятии политических решений, отсутствие свободы слова, лоббирование определенными группами своих интересов, кадровый «голод», коррупцию. Итак, главными причинами трудностей в развитии российского общества являются слабая законодательная база и отсутствие профессионалов в управлении. Соче-

тание, заметим, весьма опасное. Вдобавок к этому акцентируем внимание и на коррупции, которая также вполне обоснованно находится в числе проблемных направлений в России. Тем не менее, ближе к истине, на наш взгляд, все же те анкетированные, которые выбирали все предложенные в анкете варианты, указывая на то, что трудности возникают по совокупности многих причин.

Таблица 2

Причины трудностей в развитии социальных сфер России (в %)
The reason of difficulties in the development of social sphere in Russia (%)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная / представительная	муниципальная			
несовершенство законодательства в данных областях	22,9	32,1	33,3	40,3	27,9	44,4	44,8	25	71,4	29,4	37,1	46,1
отсутствие внимания к данным сферам со стороны государства	14,3	32,1	30,1	19,4	26,5	-	-	21,9	28,6	26,5	16,5	16,8
отсутствие профессионалов в данных областях	22,9	32,1	33,3	26,4	33,8	27,8	27,6	31,3	-	29,4	29,4	20,3
другое	11,4	-	-	13,9	8,8	27,8	27,6	15,6	-	3,9	16	14,6
затрудняюсь ответить	28,5	3,7	3,3	-	3	-	-	6,2	-	10,8	1	2,2

Таким образом, динамика развития политической сферы в Российской Федерации на современном этапе характеризуется противоречивостью. Как показало наше исследование, к сожалению, не всё задуманное успешно реализуется руководством страны, имеется ряд проблемных направлений, на которые, в частности, указали представители республиканских политических элит. Краткий анализ данных направлений, проведенный нами в настоящей статье, позволяет сделать вывод об обоснованности взглядов респондентов. Представляется, что руководство государства должно предпринять определенные меры и сформулировать новую стратегию политического развития Российской Федерации, которая станет важнейшим фактором для укрепления позиций России на международной арене и, как следствие, стабилизации международных отношений.

Литература

1. Жалсанова В.Г. Политическая элита Бурятии на современном этапе. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 114 с.
2. Игнатъева В. Б. Федеративная природа Российского государства и проблемы развития народов России // Россия и Якутия: сквозь призму истории / Акад. наук РС(Я). Ин-т гуманитар. исслед.; отв. ред. В. Н. Иванов. Якутск, 2007. С. 199-210
3. Ирхин Ю. В. Политические элиты вчера, сегодня, завтра // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 82–104
4. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
5. Крыштановская О. В. Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов (аналитический доклад, подготовлен в сотрудничестве с представительством фонда им. Фридриха Эберта в РФ). Москва, 2005. URL: <http://www.isras.ru> (проверено 27.10.2021).
6. Крянев Б. П. Бурятия политическая: политические партии, общественно-политические движения, блоки и организации (1990–1999 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. 235 с.
7. Очирова В. М. Политические элиты полиэтнических регионов в условиях трансформации российского общества / науч. ред. И. И. Осинский. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. 512 с.
8. Павроз А. В. Группы интересов и трансформация политического режима в России. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 360 с.
9. Постников А. Н. Национальная политика: сущность и субъекты // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. Вып. 6. С. 173–176
10. Сумма идеологии: мировоззрение и идеология современной российской элиты / М. Тарусин, М. Боков, А. Механик, Н. Попов и др. Москва: Типография Наука, 2008. — 296 с.
11. Трофимов Е. Н. Основные направления формирования законодательной базы национальной политики // Власть. 2007. № 5. С. 3–13
12. Тощенко Ж. Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 432 с.

THE POLITICAL DYNAMICS OF THE RUSSIAN STATE AS A FACTOR OF INTERNATIONAL RELATIONS

Ochirova Victoria Munkoevna

Ph.D. in Political Science, Associate Professor,

D. Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude,

ochirova.v@yandex.ru

Annotation. Studying Russian elites is one of urgent topics in post-Soviet political science. The growth of interest to this social group resulted in appearance of numerous works of home and foreign authors as well as appearance of separate political direction named “elitology”. Side by side with federal political elite, regional elites are also studied. The subject of study are the questions of functioning of the group which stands on the top of social hierarchy, as well as its social portrait, peculiarities of recruiting, value orientations. The latest, due to its special importance and insufficient exploring, are of great interest. Taking into account this fact, the author in this article reveals value orientations of political elites of the republics of Buryatia, Sakha (Yakutia), Tyva concerning urgent topic — the dynamics of the political development of post-Soviet Russia, which is one of the determining factors of the nature of its international relations. One of the first complex research of republican political elites was conducted by the author in the years 2009–2010, when 618 people were interrogated who represented executive, legislative and municipal organs of power of the republics

of Buryatia, Sakha (Yakutia), Tyva (576 questionnaires were analyzed). Except for questionnaire interrogation, expert interview were held in three Russian regions under study. Partially presenting political block of questions and their results in this article, the author pursues the goal to reflect the viewpoints of republican elites at the dynamics of political development of Russia, reveal some problems which bother the representatives of power in regions and their opinion about reasons of the situation. When analyzing the answers to the questions of questionnaire, the author revealed that the present state of political development of Russia satisfies the respondents in general. At the same time, in their opinion, there are the following problematic directions which require special attention: multi-party system, electoral system/elections, the system of organs of power, democracy, relations between center and regions, interethnic relations, personnel question. The author uses a wide range of sources as arguments to pursue the goal to define the reasons of respondents' position. The author gives short personal analysis and comes to the conclusion that the viewpoints of the representatives of republican political elites are reasonable.

Keywords: political elite, the republic of Buryatia, the republic of Sakha (Yakutia), the republic of Tyva, political development of Russia, multi-party system, democracy, organs of power, relations between center and regions, electoral system, interethnic relations, personnel question.

**«РУССКАЯ ВЕРА» В КИТАЕ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННОСТИ ПРАВОСЛАВИЯ В ПОДНЕБЕСНОЙ**

© **Пахомова Елизавета Александровна**
кандидат исторических наук, доцент,
Волжский государственный университет водного транспорта
Россия, г. Нижний Новгород
pahomova-e@inbox.ru

© **Рзаев Эльман Эльманович**
аспирант,
Нижегородский институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, г. Нижний Новгород
elman-rz@yandex.ru

© **Тюкалова Александра Олеговна**
студент,
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
Россия, г. Нижний Новгород
tiukalova18@mail.ru

Настоящая статья посвящена анализу работ, посвящённых изучению православия на территории Китая. Выявлены наиболее значимые отечественные и китайские авторы, занимавшиеся изучением различных аспектов данной проблематики. Определены наиболее значимые их достижения. Указано, что православие до сих пор является в КНР скорее «русской» верой, получившей весьма незначительное распространение среди собственно китайского населения страны.

Ключевые слова. Православие, Россия, Китай, изучение, миссионерская деятельность, этнические русские, распространение.

Китай является самым большим по количеству населения государством в мире. Естественно, что на его территории проживают адепты самых разных конфессий, причём ввиду отмеченного нами выше обилия жителей последователей той или иной веры может быть много — во всяком случае, в абсолютных величинах. В некоторой степени это касается и православия. В настоящее время последователей православной веры насчитывается больше 10000 человек. Для сравнения — в ряде европейских государств таковых меньше, причём в разы.

Следует признать, что по истории и современности православия в Китае написано немало работ как российскими, так и китайскими исследователями. В первую очередь упомянем, что наличествуют труды, посвящённые весьма широкому кругу проблем, связанных с православием на территории Китая — авторами таковых, в частности, являются А.Н. Косых [5], Г.К. Эзри [18], Н. Яковлева [20]. Большой вклад внесён также О. И. Курто (среди её работ упомянем прежде всего следующую: [7]). Особенно следует отметить также о. Дионисия Поздняева [10], являющегося настоятелем храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Гонконге.

Имеется также немало работ, посвященных истории распространения православия в Китае. Среди авторов упомянем И. П. Карезину [3], К. Е. Кузьмина [6] и особенно С. А. Шубину [17]. В их трудах содержатся ценные сведения о состоянии православной веры в Поднебесной как в докоммунистический, так и в коммунистический периоды.

Отдельно следует выделить авторов, изучающих состояние православной веры среди этнических русских, проживавших и проживающих в Китае. Среди таковых отметим прежде всего декана историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета Е. В. Дроботушенко (по означенной проблематике им написано несколько трудов — прежде всего следующая работа: [1]). Кроме него сходной проблематикой занимаются В. Л. Кляус [4], И. В. Ставров [11], Н. В. Эйльбарт [19]. Крайне интересная информация о современном состоянии православия в Китае содержится также в работе известного отечественного востоковеда А. В. Лукина [21].

Наличествуется также немало китайских авторов, хорошо знающих русский язык и опубликовавших на нём свои работы, посвящённые истории и современному состоянию православной веры на территории Китая. Прежде всего заслуживает упоминания Ч. Лян — автор нескольких работ по важным аспектам состояния как самой православной веры в Китае [9], так и степени изученности данной проблемы [8]. Важно отметить, что его выводы относительно состояния православия среди этнических русских в Поднебесье соответствуют выводам А. В. Лукина, Е. В. Дроботушенко и иных упоминавшихся нами выше российских авторов.

Х. Чен занимается изучением православия в Харбине — в том числе и миссионерской деятельностью среди китайского населения [13]. Сходные проблемы затронуты и в работе Л. Чжэ [16]. Ф. Чжан является автором работ, в которых уделено немало внимания различным аспектам изучения православия китайскими специалистами в области религиоведения [14; 15].

Можно, с нашей точки зрения, упомянуть и ещё двух китайских авторов, чьи труды внесли вклад в дело изучения православия в Китае. Ч. Фань анализирует в своей работе различные аспекты взаимодействия китайской культуры и православия [12]. Ин Ван же обратился к истории православия в Китае в прошлом столетии, выделив наиболее значимые его вехи [2].

В целом же авторы признают, что православие, несмотря на более чем трёхвековую историю, не пустило сколь-либо глубоких корней в Китае. Оно по преимуществу осталось «русской» верой, которую исповедовали либо люди, связанные генетически с Россией, либо те китайцы, которые учились в нашей стране или же вышли замуж/женились на православных. Этнических китайцев, исповедующих православие, всегда было очень мало. Возможно, что это объясняется малой миссионерской активностью Русской православной церкви. У православия есть перспективы в КНР, но связаны они прежде всего с необходимостью избавиться от статуса «русской» веры и с необходимостью активной миссионерской деятельности, включая сюда активное участие в общественной жизни страны.

Литература

1. Дроботушенко Е. В. К вопросу о развитии православия на северо-западе Китая в начале 1950-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. № 4. С. 78–84.

2. Ин Ван Эволюция православия в Китае в XX ст. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. 2009. № 1 (11). С. 31–36.
3. Карезина И. П. История образования русской православной миссии в Пекине // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 2 (18). С. 19-30.
4. Кляус В. Л. "Русское Трёхречье" Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2015. 384 с.
5. Косых А. Н. Православие в Китае // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2018. № 4–1 (4). С. 57–62.
6. Кузьмин К. Е. Православие в Китае в годы "культурной революции" // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения материалы: в 2 томах. 2017. С. 29–31.
7. Курто О. И. Православие в Китае // Мир божий. 2009. № 14. С. 94–98.
8. Лян (梁喆) Ч. Обзор исследований православия в Китае // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 1. С. 503–524.
9. Лян Ч. Православие в Китае: На примере китайских русских Трёхречья (Северная Маньчжурия) // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 7 (73). С. 160.
10. Поздняев Д. Православие в Китае // Россия и современный мир. 2001. № 1(30). С. 165–181.
11. Ставров И. В. Элосыцзу — осколок русского мира в Китае (О положении русского этнического меньшинства в КНР) // Россия и АТР. 2016. № 4 (94). С. 116–133.
12. Фань Ч. Феномен православия в духовной культуре Китая // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 4 (107). С. 136–141.
13. Чен Х. История православия и нынешняя ситуация в Харбине (Китай) // Гилея: научный вестник. 2015. № 96. С. 385–388.
14. Чжан Ф. Интерпретация православия в современном Китае китайским религиоведением: автореф. дис. ... канд. ф. наук: 09.00.14. Чита, 2015. 22 с.
15. Чжан Ф., Фомина М.Н. Китайское религиоведение о православии в современном Китае. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2015. 130 с.
16. Чжэ Л. Русская духовная миссия в годы расцвета православия в Китае (1920-1940-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. Т. 15. № 4. С. 57–65.
17. Шубина С. А. Русская православная миссия в Китае (XVIII-начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 1998. 25 с.
18. Эзри Г. К. Православие в современном Китае // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества: материалы IV международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы: Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. 2014. С. 622–626.
19. Эйльбарт Н. В. Казаки-албазинцы как уникальный культурный феномен "русских китайцев" // Вопросы культурологии. 2015. № 2. С. 16–20.
20. Яковлева Н. Православие в Китае // Дипломатическая служба. 2015. № 4. С. 33–42.
21. Lukin A. State policies towards religion and the Russian Orthodox // Church in China, Religion, State and Society. 2017. Vol., 45:1.

**"RUSSIAN FAITH" IN CHINA: EXPERIENCE OF STUDYING THE HISTORY
AND MODERNITY OF ORTHODOXY IN CHINA**

Elizaveta A. Pakhomova
Cand. Historic. Sciences, Associate Professor,
Volga State University of Water Transport
Russia, Nizhny Novgorod
pahomova-e@inbox.ru

Elman E. Rzaev

postgraduate student,

Nizhny Novgorod Institute of Management-branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Russia, Nizhny Novgorod

elman-rz@yandex.ru

Aleksandra O. Tyukalova

student,

Linguistics University of Nizhny Novgorod

Russia, Nizhny Novgorod

tiukalova18@mail.ru

This article is devoted to the analysis of works devoted to the study of Orthodoxy in China. The most significant domestic and Chinese authors who have studied various aspects of this problem have been identified. The most significant achievements were identified. It is indicated that Orthodoxy is still more of a "Russian" faith in China, which has received very little distribution among the Chinese population of the country.

Keywords: Orthodoxy, Russia, China, study, missionary activity, ethnic Russians, dissemination.

II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАЦИИ

УДК 343

DOI 10.18101/978-5-9793-1659-8-52-55

МЯГКОЕ ПРАВО КИТАЯ

© Дамдинова Эржэна Буянтуевна

юрист-переводчик,

Русско-Азиатский Союз промышленников и предпринимателей,

магистрант юридического факультета,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

dashitsyrenova.erzhena@yandex.ru

Жесткое право и мягкое право становятся двумя основными формами современного права. Хотя мягкое право существует давно и широко распространено, исследования в области мягкого права все еще остаются предметом для споров. Как посредник общественных отношений, закон должен различать сложность упорядочивания различных социальных отношений. В публикации затрагивается тема о том, что мягкое право также является законом, чтобы ослабить противоречие между академической традицией жесткого права и реальностью смешанного права. Предмет исследования: политические односторонние акты государств. Цель исследования: анализ сущности «мягкого права» в Китайской Народной Республике. Автор использует общенаучные методы познания и описательный метод. Вывод: верховенство закона требует сочетания мягкого и жесткого, «смешанного метода одного элемента и разнообразия».

Ключевые слова: мягкое право, международное право, межправительственные организации, договорные нормы.

«Мягкое право» — это закономерное, положительное явление, являющееся результатом динамичного развития современных международных отношений «Мягкое право» — это совокупность юридически необязательных международных норм, создаваемых государствами, международными межправительственными организациями и иными субъектами «мягкого права», не противоречащих общепризнанным принципам и нормам международного права и направленных на регулирование международных отношений [1, 10]. Эти нормы не содержат международно-правовых обязательств и закрепляются в актах международных межправительственных организаций рекомендательного характера, многосторонних, двусторонних и односторонних политических актах государств.

«Мягкое право» не входит в систему международного права, — это самостоятельное явление, тесно связанное с международным правом.

Основное отличие норм «мягкого права» от норм международного права состоит в том, что при создании нормы «мягкого права» волеизъявление государств касается только соглашения по поводу ее содержания, но не касается во-

проса признания за ней обязательной силы. Нормы «мягкого права» могут также затрагивать вопросы деятельности частных субъектов (транснациональные корпорации, международные неправительственные организации).

Субъектами «мягкого права» являются государства, международные межправительственные организации и межгосударственные структуры, обладающие рядом признаков международных межправительственных организаций, но не имеющие соответствующего юридического статуса (международные межправительственные форумы) [2, 15].

Основные причины распространения «мягкого права» в межгосударственных отношениях связаны с тем, что «мягкое право» обладает целым рядом полезных свойств, во-первых, у него отсутствует юридически обязательная сила. Во-вторых, акты «мягкого права» не требуют сложной процедуры принятия, внесения изменений и дополнений. В-третьих, акты «мягкого права» могут быть более удобным средством решения задач развития для государств с разными внешнеполитическими интересами, социально-культурными традициями.

И мягкое право, и жесткое право являются основными проявлениями современного права. Мягкое право играет роль, которую жесткий закон не может сыграть в построении общества с верховенством закона и всеобъемлющим верховенством права в социальном сообществе, предоставляя инструменты и пути для верховенства закона в обществе. Существование мягкого права и его роль в Китайской Народной Республике помогают продвигать и реализовывать построение страны, управляемой законом и правительством, управляемой законом и обществом, управляемой законом для всесторонней реализации верховенства закона.

Автор считает, что роль мягкого права в Китайской Народной Республике в основном отражается в следующих аспектах:

1) Построение правовой системы в современном Китае в целом рационально, и его необходимо дополнять мягким правом, чтобы улучшать построение правовой системы с китайскими особенностями.

Возникновение и установление правового рационального правления совпало с возникновением и укреплением национальных государств. Хотя хорошо организованная страна воплощает в себе достижения человеческого разума, это также лучший инструмент для широкомасштабного и единого применения закона, но он мешает людям полностью понять смысл закона и механизм его реализации. Таким образом, органическая связь с обществом и верховенство закона в условиях господства государство-центризма породили ряд недостатков.

Исследования и прорывы в области «мягкого права» сломали монополию государства на правовые ресурсы и монополию жесткого закона, и общество избавилось от тенденции государство-центризма традиционных моделей управления. Как важный инструмент и средство государственного управления и глобального управления, «мягкое право» является не только результатом этой трансформации, но и практикой этой трансформации. С постепенным открытием государственного управления и постепенным усилением участия граждан, мягкое право во внутреннем праве отражается в другой форме и на другом уровне, чем международное право [3, 21].

2) Появление мягкого права обогатило правовую форму, способствовало обновлению правового механизма и гарантировало фактическое действие закона, идущее в ногу со временем.

Изменение в понимании от «закон есть жесткий закон» к «закон — это гибрид метода жесткого и мягкого права» может отразиться здесь. В ситуации, когда в мире доминирует традиционный жесткий закон, закон является плоским, лишенным слоев, отсутствием трехмерности, фиксированной твердости и недостаточной гибкости, что также определяет ограниченную область его применения. Появление мягкого права сделало закон менее жестким, и оно больше не является слепым принуждением или угрозой принуждения.

При создании закона возник демократический законодательный механизм, отмеченный множеством законодательных актов. Ранее закрытое нисходящее законодательство с государственной монополией превратилось в социально согласованное законодательство, взаимодействующее сверху вниз; при формировании закона, при консультациях, характеризуемых единогласным принятием, появились законодательные механизмы, где мягкое право рассматривает консенсус как существенный элемент для принятия закона, вместо принятия механизма жесткого закона, когда меньшинство подчиняется большинству, чтобы принять закон. Возникновение механизмов, от национальных обязательных, социальных обязательных до необязательных, сосуществуют с обязательными требованиями и ожиданиями и сосредоточены на обеспечении соблюдения законов и сотрудничестве.

3) Теория мягкого права может эффективно объяснить правовую систему Китая.

Теория мягкого права представляет собой теоретическое резюме и объяснение китайской практики. Правовая система с китайскими особенностями, и политическая структура Китая не полностью соответствуют классической теории верховенства права на Западе. Существует много различий в структуре системы мягкого права, теория может дать убедительное объяснение. В качестве примера возьмем понимание положения и роли внутренних законов и постановлений Коммунистической партии Китая в обеспечении верховенства закона: одной из характеристик социального развития Китая и верховенства закона является долгосрочное управление Коммунистической партией Китая, что прописано в конституции. Внутрипартийные законы и постановления, изданные Коммунистической партией Китая, играют очень важную роль в национальном социальном управлении. Это включает в себя положение внутрипартийных законов и постановлений при построении страны с верховенством закона и взаимоотношений между внутрипартийными законами и национальными правовыми документами и т. д. На этот вопрос нет готового ответа, и в мире нет прецедента для построения страны, основанной на верховенстве закона. В результате в течение долгого времени некоторые люди рассматривали это как явление незаконного или даже антиправового закона, как препятствие на пути реализации верховенства закона. Появление теории мягкого права может привести к этой уникальной китайской политической системе и политическим явлениям в русле верховенства закона. С одной стороны, он устраняет разрыв между концепцией верховенства закона и реальной системой; с другой стороны, он обеспечивает стандарты верховенства закона для очистки и регулирования существующих норм.

Таким образом, в долгосрочной перспективе теория мягкого права может эффективно объяснить правовую систему Китая и верховенства закона, ослабить напряженность между китайской системой и концепцией верховенства закона, исходящей от Запада, способствовать построению социалистической правовой

системы с китайскими особенностями и обогащать концепцию верховенства закона.

Литература

1. Ло Хаоцай, Сун Гундэ. Мягкое право — это закон: государственное управление требует мягкого права. — Пекин: Юридическое печатное издание, 2019. 343 с.

2. Хэ Жань. Исследование административной власти. Чанчунь: Цзилиньское научно-техническое печатное издание, 2017. 467 с.

3. Велижанина М. Ю. Мягкое право: его сущность и роль в регулировании международных отношений: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Москва: Дипломатическая Академия МИД РФ, 2017. 30 с.

4. Конституция Китайской Народной Республики 1982 г. URL: <http://www.window2china.ru/upload/iblock/51e/Konstitutsiya-KNR.pdf> (дата обращения: 03.06.2021).

CHINA'S SOFT LAW

Erzhena B. Damdinova

lawyer-translator,

Russian-Asian Union of Industrialists and Entrepreneurs,

master student of Law Faculty,

Banzarov Buryat State University,

Russia, Ulan-Ude

dashitsyrenova.erzhena@yandex.ru

Hard law and soft law are becoming the two main forms of modern law. Although soft law has been around for a long time and is widespread, research on soft law is still a subject of controversy. As a mediator of social relations, the law must distinguish between the complexity of the ordering of various social relations. The publication touches on the theme that soft law is also law in order to ease the tension between the academic tradition of hard law and the reality of mixed law. Subject of research: political unilateral acts of states. Purpose of the research: analysis of the essence of "soft law" in China. The author uses general scientific methods of cognition and a descriptive method. Conclusion: the rule of law requires a combination of soft and hard, "a mixed method of one element and variety."

Keywords: soft law, international law, People's Republic of China, intergovernmental organizations, treaty norms

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ
ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

© **Зайкова Светлана Николаевна**

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры административного и муниципального права
Саратовская государственная юридическая академия
Россия, г. Саратов
snzaikova@rambler.ru

Цель работы: определение уровня разработанности законодательства в области обеспечения транспортной безопасности в государствах Евразийского Экономического Союза, выработка предложений по его унификации. Методология: методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специальных юридических методов познания. Формально-правовой и сравнительно-правовой методы дали возможность проанализировать национальное законодательство на предмет его соответствия международным договоренностям, выявить ряд недостатков и сформулировать предложения по их устранению. Результаты и область их применения: результаты настоящего исследования имеют возможность практического применения при внесении изменений в законодательство, регулирующее рассматриваемую область правоотношений. Выводы: не всеми государствами Евразийского Экономического Союза приняты специализированные законы о транспортной безопасности. Требуется унификация национального и международного законодательства, обеспечивающая координацию деятельности государств в области транспортной безопасности.

Ключевые слова: система транспортной безопасности, национальная безопасность, международно-правовые основания.

Актуальность обеспечения транспортной безопасности с 30-х годов XIX века привела к созданию в странах национального законодательства и к разработке международных правовых актов, регулирующих вопросы межгосударственного сотрудничества в рассматриваемой области.

Анализ законодательства по обеспечению транспортной безопасности государств Евразийского Экономического Союза, показал, что до сих пор имеются не исполненные до конца международные договоренности и правовые пробелы в национальном правовом регулировании.

В настоящее время среди стран отсутствует единое понимание термина «транспортная безопасность» [1, с. 24]. Например, в Армении отсутствует его легальное определение указанного термина, однако в республиканских законах перечислены обязательные требования, которым должно соответствовать транспортное средство.

В законодательстве Республики Казахстан транспортная безопасность понимается как составная часть экономической безопасности. При этом, защищенность транспортной отрасли экономики от возможных угроз должна обеспечивать не только функционирование, но и развитие транспортного комплекса: обеспечивать создание условий для удовлетворения ежедневных потребностей бизнеса и населения в услугах по перевозке различными видами транспорта, со-

вершенствование транспортной инфраструктуры и обеспечение конкурентоспособности транзитного потенциала республики.

Однако, как отмечают исследователи [2, с. 142], несмотря на законодательно урегулированный понятийный аппарат, в законодательстве Республики Казахстан имеется недостаточная регламентация отдельных составляющих системы безопасности.

В стадии формирования находится аналогичное законодательство в Белоруссии [3, с. 141]. Под безопасностью транспортной деятельности понимается такое ее состояние, при котором обеспечена минимальная вероятность возникновения опасности для жизни и здоровья граждан, в том числе иностранных и без гражданства, для имущества республиканского и частного, для республики и ее административно-территориальных единиц, иностранных государств, окружающей среды.

Также не имеется специализированного закона о транспортной безопасности в Республике Киргизия. Действующий закон о транспорте содержит лишь одну правовую норму о том, что транспортные средства должны соответствовать требованиям безопасности.

Имеются отличия и в организационно-правовых средства обеспечения транспортной безопасности, применяется техническое регулирование, стандартизация, сертификация, аккредитация сил и средств обеспечения безопасности.

В Армении установлена административная регламентация в виде лицензирования транспортной деятельности (отдельных ее видов) и подтверждения соответствия транспортных услуг (аккредитация).

В Республике Казахстан, где транспортная безопасность является составной частью экономической безопасности, законодательно закреплён контроль за использованием экономических объектов, находящихся в управлении (либо собственности) иностранных организаций и организаций с участием иностранных инвесторов.

Среди административно-правовых процедур в области обеспечения транспортной безопасности в Белоруссии следует отметить: техническую оценку, лицензирование и оценку профессиональной подготовки и состояния здоровья, проводимую в отношении работников службы безопасности транспортной деятельности. Контроль за осуществлением лицензируемых видов деятельности в области транспортной деятельности осуществляется министерством транспорта и коммуникаций Белоруссии в соответствии с законодательством о лицензировании, о контрольной деятельности.

В Киргизской республике признаны зонами повышенной опасности аэропорты и пристани, станции и автотранспортные предприятия, железнодорожные линии и водные пути, используемые для движения транспортных средств. Правила нахождения на их территории строго регламентированы республиканским правительством. Транспортным предприятиям и перевозчикам предписано предотвратить доступ посторонних лиц к транспорту, обеспечить его охрану, техническое оснащение специальными устройствами. В качестве формы контроля предусмотрены административные досмотры.

Различные подходы в нормативно-правовом регулировании вопросов обеспечения транспортной безопасности приводят к необходимости унификации национального законодательства стран с международным законодательством, коор-

динации совместных усилий, направленных на защищенность транспортной отрасли.

Подводя итоги исследованию международно-правовых оснований и условий формирования системы административно-правового обеспечения транспортной безопасности, следует отметить, что, играя в основном унифицирующую роль [4, с. 118], международное право позволяет формировать национальное законодательство с учетом международного опыта правового регулирования борьбы с терроризмом и иными незаконными актами вмешательства в деятельность транспорта.

Литература

1. Ирошников Д. В. Теоретические проблемы легального определения транспортной безопасности и смежных с ней категорий // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 17–29.
2. Ильясова Г. А. Правовые аспекты обеспечения безопасности на транспорте: сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 1–2. Ст. 140–143.
3. Полещук Л. А. Проблемы правовой регламентации безопасности транспортной деятельности в Республике Беларусь / Л. А. Полещук // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2013. № 1. С. 139–143.
4. Майстренко Г. А. Борьба с терроризмом на основе реализации положений международного и российского права // Современное право. 2018. № 9. С. 116–119.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL INSTITUTIONS FOR ENSURING TRANSPORT SECURITY IN THE STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Svetlana N. Zajkova

Cand. Jur. Sciences, Associate professor

Acting Head of the Department of Administrative and Municipal Law

Saratov State Law Academy

Russia, Saratov

snzajkova@rambler.ru

Objective: defining the elaboration level of the Eurasian Economic Union's member countries' legislation in the field of transport security, proposals for its unification. Methodology: represented by a set of general scientific and special legal inquiry methods. Formal legal and comparative legal methods made it possible to analyze national legislation for its compliance with international agreements, identify a number of shortcomings and formulate proposals for their elimination. Results and application field: the present research may be implemented if amendments are made into the legislation that regulates the stated sphere of legal relations. Conclusions: not all states of the Eurasian Economic Union have adopted specialized laws on transport security. The unification of national and international legislation is required to ensure coordination between states in the field of transport security.

Keywords: transportation security system, national security, international legal basis

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© **Зелепукин Роман Валерьевич**

кандидат юридических наук, заместитель директора по научной работе,
доцент кафедры конституционного и международного права
Института права и национальной безопасности
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
Россия, г. Тамбов
lexcomplex@yandex.ru

Предметом представленного исследования являются доктринальные подходы зарубежных и отечественных правоведов, положения нормативных правовых актов, правоприменительная практика, затрагивающие становление и развитие конституционной ответственности, ее состав и меры применения. Цель работы заключается в изучении проблем реализации конституционно-правовой ответственности, как теоретического, так и практического плана. Особое значение имело применение специальных юридических методов исследования (историко-правовой метод, формально-юридический, сравнительно-правовой). Область применения результатов составляет конституционно-правовая сфера, правоотношения, складывающиеся в рамках организации и функционирования публичной власти. В качестве выводов отмечается, что ряд особенностей конституционно-правовой ответственности: ей свойственно сочетание юридических и политических начал; конституционно-правовая ответственность имеет негативный (заключается в наступлении неблагоприятных последствий) и позитивный (заключается в наступлении мер поощрительного характера) аспекты; меры негативной конституционно-правовой ответственности могут быть применены в случае отсутствия вины.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, юридическая ответственность, конституционное правонарушение, конституционный строй, публичная власть.

Конституционно-правовая ответственность является особым видом юридической ответственности. Она не унифицирована и не обобщена как уголовная и административная ответственность, смешана с политической ответственностью, значением виновности. Ее особый характер во многом предопределен мерами государственного принуждения за совершение конституционных правонарушений, которые стали формироваться и институционализироваться во многом независимо друг от друга в ходе практики реализации конституционных норм.

Конституционная ответственность развивается во многом благодаря институтам демократических принципов.

По мнению французского правоведа М. Тропера, анализирувавшего становление конституционной ответственности в период Великой французской революции, «решающую роль в становлении ее концепции играло появление идеи правительственной функции, которая появилась в прямой связи с необходимостью

обосновать наделение исполнительной власти теми компетенциями, которые не вытекали из исполнительной функции, но которые нельзя было связать с законодательной функцией» [3, с. 196]. Новая концепция дала превосходное обоснование всем этим компетенциям и позволяла наделить исполнительную власть полномочиями, вытекающими из правительственной функции, — в первую очередь правом проводить внешнюю политику. Этот подход давал возможность обозначать в качестве правительства одновременно и властный орган, наделенный всеми юридическими функциями государства, и функцию, определяемую как система компетенций правительства в органическом смысле — система, в которой существенным элементом были внешние сношения. В связи с этим зарождается представление о конституционной ответственности — парламентское большинство, которое высказывает неодобрение по поводу способа ведения дел правительственной властью, может попытаться ее наказать путем инициации отставки [3, с. 202].

Исходя из этого, полагаем, что ключевое значение для развития и становления конституционно-правовой ответственности оказало формирование и реализация принципа разделения властей в части проявления элементов системы сдержек и противовесов.

Так, в зарубежных странах распространен институт интерpellации. Интерpellация представляет собой особую форму запроса депутата парламента правительству или отдельным министрам по определенному кругу вопросов. Например, институт интерpellации, использующийся высшим органом законодательной власти Франции с 1867 г., до сих пор широко распространен и выступает способом осуществления контроля парламентом. Как отмечает А. В. Чепус «институт интерpellации является надежнейшим и часто единственным средством в руках политического меньшинства парламента, осуществляющего парламентский контроль за действиями правительства, а также публичного выражения своего несогласия с работой того или иного министра» [4, с. 214]. При этом, «от интерpellации следует отличать простой запрос, который чаще всего является обращением к министру с целью получения необходимой информации, не затрагивающей политику, проводимую данным министерством» [4, с. 215].

Вместе с тем, следует отметить, что наибольшее распространение получили такие формы привлечения исполнительной власти к ответственности парламентариями, как вотум недоверия, отказ в доверии, а также импичмент.

Исходя из выявленных особенностей конституционно-правовой ответственности, она определяется нами как вид юридической ответственности, применяемый в сфере правоотношений, регулируемых нормами конституционного права, и содержащий в себе политические основания и последствия, а также выражающийся в негативном (наступлении неблагоприятных последствий, в том числе при отсутствии вины) и позитивном (применении поощрительных мер в результате исполнения конституционных прав и обязанностей, в том числе установленных полномочий) аспектах.

Следует подчеркнуть, что во многом конституционная ответственность регулируется целым комплексом норм разнообразных нормативных актов, включая положения Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов. Нередко мы можем встретить такую ситуацию, когда диспозиция или гипотеза и диспозиция нормы закреплена в одном акте, а ее санкция — другом.

Например, положениями Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», но не вступившими в силу до его одобрения на общероссийском голосовании, вводится запрет открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации для ряда лиц, занимающих государственные должности, и иным должностным лицам — Президент Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации (сенаторы Российской Федерации), Председатель Правительства Российской Федерации, заместители Председателя Правительства Российской Федерации, федеральные министры, высшее должностное лица субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), руководитель федерального государственного органа, Уполномоченный по правам человека, судьи, прокуроры.

Положения о наличии указанного запрета можно квалифицировать в качестве диспозиции конституционной нормы. Порядок установления этого запрета будет установлен отдельным федеральным законом, что будет составлять гипотезу нормы. Полагаем, что в этом же федеральном законе должна быть закреплена и санкция — досрочное прекращение полномочий лица, замещающего государственную должность, или иного должностного лица, в отношении которого положениями Конституции Российской Федерации установлен указанный запрет.

Рассматривая проблемы реализации конституционной ответственности, следует отметить усложненную процедуру реализации отдельных мер конституционной ответственности. Например, отрешение от должности Президента Российской Федерации. Как отмечено выше, процедура отрешения требует не только выдвижения обвинения и его утверждения, но и подготовки специального заключения Государственной Думы, заключений Верховного и Конституционного судов Российской Федерации. Также эта процедура ограничена специально установленным сроком.

Однако такие усложнения в данном случае представляются нами оправданными, так как связаны с первым лицом государства и требуют особого внимания к соблюдению порядка и надлежащему выявлению и установлению оснований для применения рассматриваемой меры конституционной ответственности.

Вместе с этим, положения о конституционной ответственности не обобщены на законодательном уровне, что затрудняет их применение и соотношением между собой существующих мер рассматриваемой конституционной ответственности. В качестве решения данной проблемы может быть рассмотрено принятие специального законодательного акта, посвященного мерам конституционной ответственности, что уже предлагалось в литературе в виде либо единого «специального конституционного кодекса», либо специальных федеральных законов, посвященных конституционно-правовой ответственности в отдельных сферах, с целью «конкретизировать конституционные нормы по аналогии с тем, как это делается по отношению к другим видам юридической ответственности» [2, с. 58].

Предлагаемый законодательный акт мог бы включить в себя перечень установленных мер конституционной ответственности, общие принципы, условия и порядок привлечения к ней.

Еще одной проблемой, на наш взгляд, является воплощение восстановительной функции применения мер конституционной ответственности. Как нами отмечалось ранее, восстановительная функция является одной из основных функций конституционной ответственности. Но в виду особенностей и специфики оснований рассматриваемого вида юридической ответственности ключевое проявление имеет функция карательного характера. Как известно, суть восстановительной функции, с одной стороны, в устранении причин, послуживших основанием для применения мер конституционной ответственности, а также, с другой стороны, в восстановлении нарушенных прав, свобод и законных интересов, включая возмещение причиненного вреда (ущерба).

Устранение причин, а также последствий конституционных правонарушений можно выявить в такой процедуре как федеральное вмешательство. Нами уже отмечалось ранее, что федеральное вмешательство в Российской Федерации в отношении какого-либо субъекта Российской Федерации предусмотрены в статьях ст. 3.1, 9, 19, 26.1, 29, 29.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», а также эта мера предусмотрена и распространена в зарубежной практике (например, в Германии Бундесрат принимает необходимые меры для принуждения субъекта федерации (земли) к выполнению своих обязанностей). Меры и формы федерального вмешательства достаточно полноценно обобщены Д.Р. Балковым: «Во-первых, федеральное правительство может давать указания субъектам федерации и их органам относительно способа осуществления ими исполнительной власти (ст. 37 Основного закона ФРГ, ст. 353 Конституции Индии). Во-вторых, возможно назначение федерального уполномоченного, к которому переходит власть в субъекте федерации. Федеральные органы могут принимать на себя временную опеку над властями субъекта федерации; как правило, она не распространяется на судебные органы. Так, в Пакистане, пока осуществляется федеральное вмешательство в дела провинции, Парламент может принимать законы для провинции или любой ее части по любому вопросу, даже не отнесенному к ведению федеральной законодательной власти, а Федеральное правительство принимает на себя полномочия губернатора провинции или направляет губернатора провинции, чтобы тот принял от имени Федерального правительства все функции правительства и других исполнительных органов провинции (ст. 232 Конституции Пакистана). В-третьих, федеральное правительство в экстренных случаях может использовать войска (ст. 185 Конституции Швейцарии). В-четвертых, возможна приостановка (полностью или частично) действия отдельных конституционных положений, касающихся не только органов (должностных лиц) субъектов федерации, но также прав и свобод граждан и др. (ст. 358 и 359 Конституции Индии, ст. 232 Конституции Пакистана). Наконец, в-пятых, федеральным органам может быть предоставлено полномочие принимать необходимые меры по своему усмотрению для сохранения общественного порядка, внутренней или внешней безопасности (ст. 185 Конституции Швейцарии). Например, согласно ст. 232 Конституции Пакистана во время федерального вмешательства Федеральное правительство вправе принимать такие меры, которые сочтет необходимыми или желательными для достижения целей вмешательства» [1, с. 25–27]. Таким образом, федеральное вмешательство призвано, в первую очередь, не покарать лиц,

отрешаемых от должности, а восстановить нарушенные права и нарушенное состояние конституционного устройства на территории субъекта федерации.

В большинстве случаев, восстановление нарушенных прав допускается в рамках отдельного процесса на основании фактов, установленных и вступивших в силу, в качестве преюдиционных. Условия, порядок и последствия признания фактов, установленных в ходе привлечения тех или иных лиц к конституционной ответственности, могли быть установлены в специальном законодательном акте, регулирующем общие вопросы конституционной ответственности и применения ее мер. Полагаем данное обстоятельство достаточно важным на практике, так как в действующем законодательстве призраком преюдициальности установлен только применительно к случаям, установленным вступившими в силу судебными актами и рамках отдельных видов судопроизводства.

При этом полагаем, что практически во всех случаях, связанных с причинением вреда (ущерба) в результате конституционного правонарушения, потребуется рассмотрение самостоятельного спора в рамках либо гражданского, либо арбитражного судопроизводства. Взаимосвязь порядка привлечения и последствий конституционно-правовой ответственности с другими видами судопроизводств, рамках которых будут рассмотрены споры о возмещении вреда (ущерба) могут получить закрепление как в процессуальных кодексах, так и в специальном законе о конституционной ответственности.

В заключение следует подчеркнуть, что учитывая сложность конституционной ответственности с точки зрения ее надлежащего и целостного установления и обобщения на нормативном уровне, представляется целесообразным создание системной доктрины регулирования конституционной ответственности, что может послужить концептуальной и теоретически обоснованной концепции нормативно-правового регулирования конституционной ответственности, так как имеющаяся сегодня неопределенность в известной степени затрудняет применение мер конституционной ответственности, а также учет и реализацию ее правовых последствий, в том числе с точки зрения воплощения восстановительной функции рассматриваемого вида юридической ответственности, не только для устранения причин конституционного правонарушения, но и восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов, включая возмещение причиненного вреда (ущерба).

Литература

1. Балкавой Д. Р. Понятие и юридическая природа института федерального вмешательства // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 25–27.
2. Виноградов В. А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности // Законодательство. 2002. № 10. С. 55–64.
3. Тропер М. Конституционная ответственность и функция правления // Известия ВУЗов. Правоведение. 2014. № 4(315). С. 196–212
4. Чепус А. В. Конституционно-правовая ответственность исполнительной власти в России и странах Европы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 209–216.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL
AND LEGAL RESPONSIBILITY

Roman V. Zelepukin

Cand. Jur. Sciences, Deputy Director of Law and Nationality Security
Institute for Scientific Work, Associate Professor
of Constitutional and International Law Department
Derzhavin Tambov State University
Russia, Tambov
lexcomplex@yandex.ru

The subject of the presented research is the doctrinal approaches of foreign and domestic legal scholars, the provisions of normative legal acts, law enforcement practice, affecting the formation and development of constitutional responsibility, its composition and measures of application. The purpose of the work is to study the problems of the implementation of constitutional and legal responsibility, both theoretical and practical. Of particular importance was the use of special legal research methods (historical-legal method, formal-legal, comparative-legal). The scope of application of the results is the constitutional and legal sphere, the legal relations that develop within the framework of the organization and functioning of public power. As conclusions, it is noted that a number of features of constitutional and legal responsibility: it is characterized by a combination of legal and political principles; constitutional and legal responsibility has negative (consists in the occurrence of adverse consequences) and positive (consists in the occurrence of incentive measures) aspects; measures of negative constitutional and legal liability can be applied in the absence of guilt.

Keywords: constitutional and legal responsibility, legal responsibility, constitutional offense, constitutional system, public authority.

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР

© Трощинский Павел Владимирович

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Россия, г. Москва
troshc@mail.ru

Статья посвящена исследованию формально-юридического статуса Председателя КНР в системе высших органов государственной власти и управления. Обращается внимание на недопустимость приравнивания Председателя к главе государства. Согласно Конституции КНР главой государства выступает Всекитайское собрание народных представителей. Председатель КНР является лишь исполнительным-распорядительным органом при нем. ВСНП формирует все высшие органы власти, включая Председателя КНР, премьера Государственного совета, председателя Центрального военного совета, председателя Государственного контрольного комитета, председателя Верховного народного суда, председателя Верховной народной прокуратуры и др. ВСНП вправе сместить их с занимаемой должности.

По первой Конституции КНР 1954 г. главой государства выступал коллегиальный орган в лице ВСНП и Председателя КНР. Однако роль председателя государства в политических процессах того времени была незаметна. Конституцией КНР 1975 г. (период «культурной революции») пост Председателя был упразднен. Его не было и в Конституции 1978 г. Лишь Конституция 1982 г. восстановила Председателя КНР в системе высших органов государственной власти. Полномочия Председателя чрезвычайно ограничены, и он действует, в основном, в соответствии с решениями ВСНП. Фактически (а не юридически) государством руководит Генеральный секретарь ЦК КПК, то есть глава правящей коммунистической партии, которая определяет направления развития страны в целом. Пост Председателя КНР формален и не является важным в системе высших органов власти и управления.

Ключевые слова: КНР, глава государства, ВСНП, Председатель КНР, Конституция, право Китая

В российской юридической и синологической литературе, посвященной исследованию системы высших органов государственной власти и управления (и в иных, затрагивающих КНР работах) существует устойчивое мнение, что главой государства в Китайской Народной Республике является её Председатель. К сожалению, это ошибочное представление содержится не только в трудах далеких от знания китайского законодательства авторов, но и в ряде работ авторитетных российских ученых, изучающих Китай и его право. Часто Председателя КНР, по западному образцу, имеют Президентом, что также не верно.

Обратившись к положениям действующей Конституции КНР (принята в 1982 г., с поправками от 1988, 1993, 1999, 2004 и 2018 гг.) станет очевидным, что с формально-юридической (доктринальной) стороны главой государства выступает Всекитайское собрание народных представителей (далее: ВСНП), которое представляет собой высший орган государственной власти (ст. 57 Конституции КНР), осуществляющий законодательную власть в стране (ст. 58 Конституции КНР). Более того, все иные высшие государственные органы ответственны и

подотчетны ВСНП. А местные органы — местным собраниям народных представителей (СНП).

В КНР отсутствуют система разделения властей, система сдержек и противовесов. ВСНП — не просто высший законодательный орган Китая. Оно формирует все остальные органы, которые ему подотчетны. ВСНП является главой государства, а Председатель КНР — лишь исполнительно-распорядительным органом при нем, квазисекретарем по исполнению некоторых, весьма ограниченных поручений. Фактическим же руководителем Китая является Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Китая, то есть глава правящей партии, определяющей вектор развития всего государства в целом.

ВСНП осуществляет законодательную власть в стране, образует другие высшие государственные органы, включая Председателя КНР, отвечает за решение важнейших государственных вопросов. Подтверждением тезиса о том, что ВСНП юридически выступает в качестве главы государства являются установленные Конституцией КНР его широкие полномочия, к основным из которых относится (ст. 62 Конституции КНР): 1) внесение изменений в Конституцию КНР, осуществление контроля за ее исполнением; 2) принятие и изменение уголовного, гражданского законодательства, законодательства о государственной структуре, других «основных законов»; 3) избрание Председателя и заместителей Председателя КНР; 4) утверждение кандидатуры Премьера Государственного совета по представлению Председателя КНР; по представлению премьера Государственного совета утверждение кандидатур его заместителей, членов Госсовета, министров, председателей комитетов, главного ревизора, начальника секретариата; 5) избрание председателя Центрального военного совета и по его представлению утверждение кандидатур других членов ЦВС, включая заместителей председателя; 6) избрание председателя Государственного контрольного комитета (конституционная поправка марта 2018 г.); 7) избрание председателя Верховного народного суда КНР; 8) избрание председателя Верховной народной прокуратуры КНР; 9) рассмотрение и утверждение планов экономического и социального развития, отчетов об их выполнении; 10) рассмотрение и утверждение государственного бюджета и отчета о его исполнении; 11) изменение или отмена ненадлежащих постановлений ПК ВСНП; 12) утверждение образования провинций, автономных районов и городов центрального подчинения; 13) утверждение создания особых административных районов и их режимов; 14) решение вопросов войны и мира; 15) осуществление иных полномочий.

ВСНП вправе освободить от должности Председателя (заместителей Председателя) КНР, премьера (заместителей) Государственного совета, его членов, министров, председателей комитетов, главного ревизора, начальника секретариата, председателя и членов ЦВС, председателя Государственного контрольного комитета, председателя Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры (ст.63 Конституции КНР).

Полномочия ВСНП чрезвычайно обширны, что позволяет с определенными оговорками говорить о существовании парламентской республики в Китае. На ежегодной сессии ВСНП все высшие органы власти отчитываются перед ним о проделанной работе.

А что же Председатель? Что говорит о нем действующая Конституция КНР? Какие у него реальные права? Прежде чем обратиться к действующим конституционным нормам, скажем несколько слов об истории появления этого органа в КНР.

Должностное лицо с титулом «Председатель КНР» было введено в систему высших органов государственной власти с принятием первой Конституции страны в 1954 г. Юридически пост Председателя первоначально просуществовал 21 год — с 1954 по 1975 гг. (по второй Конституции КНР 1975 г. этот пост был ликвидирован). Фактически, после незаконного, антиконституционного смещения Лю Шаоци с этого поста в период «культурной революции» в 1968 г., всего лишь 15 лет. В третьей Конституции КНР 1978 г., также как и в предыдущей Конституции 1975 г., упоминание о Председателе КНР отсутствовало. Он был восстановлен лишь действующей Конституцией 1982 г.

По Конституции КНР 1954 г. Председатель КНР наряду с ПК ВСНП выполнял функции главы государства. Иными словами, главой государства являлся коллегиальный квазиорган в лице ВСНП и Председателя КНР. Когда принималась первая Конституция, докладчик по ее проекту — заместитель председателя Центрального народного правительства Лю Шаоци определил положение председателя КНР как часть коллегиальной главы государства, заявив: «Функции главы государства в нашей стране исполняются совместно Постоянным Комитетом Всекитайского собрания народных представителей и Председателем Китайской Народной Республики... Таким образом, глава государства в нашей стране коллегиальный» [1, с.326].

Современник происходящих в то время в Китае событий ученый Чжоу Фан писал: «Главой государства может быть либо одно лицо, либо коллегиальный орган. В Советском Союзе Президиум Верховного Совета СССР является коллегиальным главой государства... Институт главы государства в нашей стране по своему типу аналогичен советскому, но в силу практических условий нашей страны и нашего революционного опыта функции главы государства у нас осуществляются не одним Председателем Китайской Народной Республики или Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей, а совместно Председателем Китайской Народной Республики и Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей. Такая форма института коллегиальной главы государства является особенностью нашего государства» [2, с. 105].

С принятием Конституции 1975 г. начинается следующий этап, характерной чертой которого стало исключение из текста Основного закона поста Председателя КНР. Конституция 1978 г. не предусматривала возрождения этого института в системе органов государственной власти, часть полномочий Председателя КНР были переданы Председателю ПК ВСНП.

Иными словами, в первый период существования КНР её Председатель, наряду с ВСНП (ПК ВСНП), рассматривался в качестве элемента коллегиальной главы государства, однако по мере развития институтов государственной власти Председатель оставался формальной, исполнительной фигурой, все решения, относящиеся к его полномочиям, принимались в партии. Такое положение дел продолжает сохраняться и до настоящего времени.

Во время принятия Конституции КНР 1982 г. среди китайских партийных руководителей по вопросу восстановления поста Председателя КНР проходили «ожесточенные споры» [3, с. 602–603]. Предлагались следующие варианты:

- 1) восстановление должности Председателя;
- 2) отказ от восстановления указанной должности. Его функции возлагаются на председателя ПК ВСНП или премьера Государственного совета;
- 3) функции председателя возлагаются на ПК ВСНП.

Впоследствии, остановив свой выбор на первом из указанных вариантов, разработчики новой Конституции не стали законодательно закреплять за Председателем КНР статус главы государства. Фактически председатель выступает в качестве исполнительно-распорядительного органа ВСНП. Учитывая политический опыт прошлых лет, в Китае подчеркивают, что Председатель КНР поставлен законом под контроль ВСНП, а его деятельность должна вестись на основе Конституции и законов государства, принятых ВСНП и его Постоянным комитетом [4, с.164-165].

Характерно, что восстановив пост Председателя КНР 5-я сессия ВСНП пятого созыва (1982 г.) не избрала сразу это должностное лицо. Председатель КНР был избран только в следующем 1983 г. Возможно, к моменту принятия новой конституции высшее руководство КПК не определилось с кандидатурой Председателя. Возможно и другое объяснение: было решено избрать Председателя в начале его конституционного срока, который тогда, согласно Конституции, совпадал со сроком полномочий данного созыва ВСНП.

Действующая Конституция посвящает правовому статусу Председателя КНР всего лишь 6 статей. Круг его полномочий чрезвычайно ограничен. Своими приказами Председатель КНР, как и прежде, обнародует законы (при этом наложение вето на законы Конституцией не предусмотрено), подписывает указы о назначении ряда высших должностных лиц правительства, награждает орденами и присваивает почетные звания, издает указы о помиловании, о введении военного (после конституционных поправок 2004 г. — чрезвычайного) положения, объявляет о состоянии войны, издает указы о мобилизации. Председатель представляет КНР, принимает дипломатических представителей, а на основании решений ПК ВСНП направляет и отзывает полномочных представителей в иностранных государствах, ратифицирует и денонсирует договоры и важные соглашения, заключенные с иностранными государствами (в Конституции 1954 г. не упоминалось о денонсации и важных соглашениях).

Несколько по-разному в первой и действующей (до мартовских конституционных поправок 2018 г.) конституциях устанавливались возрастные цензы для высшего должностного лица государства и сроки полномочий. По Конституции 1954 г. Председателем КНР мог быть избран гражданин КНР, достигший 35 лет и обладающий активным и пассивным избирательным правом. Срок полномочий — 4 года (ст. 39). О возможности избрания или не избрания на последующие сроки в Конституции не указывалось. В Конституции 1982 г. (до мартовских конституционных поправок 2018 г.) впервые было введено ограничение на избрание председателя 2 сроками. Ч. 3 ст. 79 Конституции КНР гласила: «Срок полномочий Председателя и заместителя Председателя Китайской Народной Республики соответствует сроку полномочий Всекитайского собрания народных представителей. Председатель и заместители Председателя Китайской Народной Республики могут занимать эти должности не более чем два срока». В настоящее время, после мартовских конституционных поправок 2018 г., занятие поста председателя КНР по срокам не ограничено. *Произошел возврат к положениям первой Конституции КНР 1954 г.*

Председатель КНР по своему фактическому и юридическому статусу является не самой важной фигурой в государстве. Его положение с формально-юридической стороны определено недостаточно четко. Почти всего его полномочия, кроме представительства государства и номинации кандидатуры премьер-

ра Государственного совета, основываются на решениях ВСНП и его ПК (на практике кандидатура премьера также сначала определяется ЦК КПК и согласовывается с ВК НПКСК). Речи о том, что Председатель КНР является главой государства, быть не может.

Литература

1. Лю Шао-ци. О проекте Конституции Китайской Народной Республики // Конституция Китайской Народной Республики. Пекин, 1954. Цитата по: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник: В 4 т. Т. 4. Часть Особенная: страны Америки и Азии / отв. ред. проф. Б. А. Страшун. М.: Норма, 2001. 656 с.
2. Чжоу Фан. Государственные органы Китайской Народной Республики. Перевод с китайского Л.М.Гудошникова и Г.С.Остроумова. Под ред. и с предисловием М.А.Шафира. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 224 с.
3. 许崇德 (Сюй Чундэ). 中华人民共和国宪法史 (Чжунхуа жэньминь гунхэго Сяньфа ши) (История Конституции Китайской Народной Республики). Фуцзянь: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ, 2003. 898 с. (на кит. яз.).
4. 朱国斌 (Чжу Гобинь). 中国宪法与政治制度 (Конституция Китая и политический строй). Пекин: Фалюй чубаньшэ, 1997. 294 с. (на кит. яз.).

THE LEGAL STATUS OF THE STATE CHAIRMAN OF THE PRC

Pavel V. Troshchinskiy

Cand. Jur. Sciences, Leading Research,
Institute of Far Eastern Studies Russia Academy of Sciences
Russia, Moscow
troshc@mail.ru

The article is devoted to the study of the formal legal status of the State Chairman of the PRC in the system of higher government authorities and administration. Attention is the State Chairman is not the head of state (chief of state). According to the Constitution of the PRC, the head of state (chief of state) is the National People's Congress. The State Chairman of the PRC is only the executive and administrative organ under him. The National People's Congress to elects all the highest authorities, including the State Chairman of the PRC, the Premier of the State Council, the Chairman of the Central Military Commission, the Chairman of the National Supervisory Commission, the Chairman of the Supreme People's Court, the Chairman of the Supreme People's Procuratorate and others. The National People's Congress has the right to remove them from their posts.

According to the first Constitution of the PRC of 1954, the head of state (chief of state) was a collegial organ represented by the NPC and the State Chairman of the PRC. However, the role of the chairman of the state in political processes of that time was invisible. The Constitution of the PRC of 1975 (the period of the "cultural revolution") abolished the post of the State Chairman. He was not even in the Constitution of 1978. Only the 1982 Constitution restored the State Chairman of the PRC to the system of higher government authorities and administration. The powers of the State Chairman are extremely limited and he acts mainly in accordance with the decisions of the NPC. In fact (not legally) the head of state (chief of state) is the General Secretary of the CPC, the head of the ruling Communist Party, which determines the direction of the country's development as a whole. The post of the State Chairman of the PRC is formal and not important in the political system of China.

Keywords: PRC, head of state, NPC, State Chairman of the PRC, Constitution, Chinese law

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

© Федорова Екатерина Максимовна

студент юридического факультета,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
kloton17@gmail.com

© Хышиктуев Олег Валентинович

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой международного права,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
Olegbuyanto@yandex.ru

Статья посвящена анализу нормативно-правовых актов, лежащих в основе проекта «Экономический пояс Шелкового пути», предусмотренного в рамках инициативы «Один пояс-один путь», которая стала частью новой национальной политики КНР и со временем вышла на международный уровень, закрепившись множеством соглашений и договоров не переставая развиваться. Основной целью исследования является упорядочивание и оценка правовой основы строительства Шелкового пути нового времени, используя как общенаучные методы (анализ, обобщение, сравнение), так и частнонаучные (сравнительно-правовой, конкретно-социологический методы). На основе проведенной работы делается вывод об успешности проекта и заинтересованности в его реализации многих стран Евразийского континента, перечисляются правовые акты, являющиеся фундаментом и правовой базой реализации проекта Пути, а также выявляются достоинства самой инициативы «Один пояс-один путь».

Ключевые слова: Один пояс-один путь, Экономический пояс Шелкового пути, Евразийский экономический союз, экономическое сотрудничество, Шанхайская организация сотрудничества.

«Один пояс-один путь» — инициатива Китая по созданию широкомасштабной транспортной и инвестиционной инфраструктуры — объединяет 2 проекта — «Экономический пояс шелкового пути» и «Морской шелковый путь XXI века». Данная идея впервые была озвучена председателем КНР Си Цзиньпином во время визитов в Казахстан (выступление 7 сентября в Назарбаев-Университете) и Индонезию (сентябрьские переговоры с представителями властей Индонезии и Малайзии) в 2013 году.

Основная суть инициативы заключается в совершенствовании существующих и создании новых торговых путей, транспортных и экономических коридоров, связывающих Центральную Азию, Европу и Африку, а также в развитии торговых отношений между Китаем и странами-участницами данной международной инициативы.

Анализ всей концепции — тема не одной статьи, поэтому пока остановимся на проекте Экономического пояса шелкового пути, сокращенно ЭППП — проекте по формированию единого евроазиатского торгово-экономического пространства и трансконтинентального транспортного коридора. Название ему дано

в честь караванного маршрута, соединявшего Китай и Европу через Центральную Азию и функционировавшего со II в. до н. э. по XV в. — древнего Шелкового пути.

Основным нормативным актом, касающимся ЭПШП, является «Стратегия Экономического пояса шелкового пути» (далее Стратегия), опубликованная Госкомитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции в марте 2015 года.

В качестве главных принципов Стратегии выступают принципы и цели Устава ООН, пять принципов мирного сосуществования, принцип поддержания открытых дверей для сотрудничества, поддержки функционирования рынка и другие. Также перечислены основные маршруты ЭПШП — северный (из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (Балтийского моря)), центральный (из Китая через Центральную Азию и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря) и южный (из Китая в Юго-Восточную Азию, в Южную Азию к Индийскому океану) [6].

Как одно из основных направлений Стратегия выделяет создание трех международных коридоров экономического сотрудничества. В 2014 г. в Душанбе был подписан Меморандум «О взаимопонимании между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией о разработке программы создания экономического коридора Россия — Китай — Монголия» [2]. Данный дипломатический документ был принят с целью облегчения транзитных перевозок между сторонами, увеличения товарооборота, расширения процесса региональной экономической интеграции, реального экономического роста и совместного развития. Достичь все вышеперечисленное планировалось путем сопряжения строительства Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС) и ЭПШП, а также монгольской инициативы «Степной путь». По вопросам реализации программы создания экономического коридора Россия — Китай — Монголия (или как выразился бывший посол Монголии в РФ Лувсандандарын Хангай — Чайного пути нового тысячелетия) 5 ноября 2020 года состоялось первое заседание рабочей группы, по итогам которого был утвержден окончательный план работ и выделены 3 ключевых этапа с конечной точкой в 2040 году.

В 2015 г. по итогам российско-китайских переговоров было принято Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП [7]. Основной площадкой совместной работы по приоритетным направлениям (расширение торгово-инвестиционного взаимодействия, укрепление сотрудничества по линии различных финансовых институтов и др.) станет Шанхайская Организация Сотрудничества. Более насыщенные по содержанию соглашения были приняты в марте 2017 г. и в июне 2019 г., где среди возросшего числа приоритетных направлений реализация инициативы «Один пояс-один путь» не потеряла своей значимости [9, 8].

Не стоит забывать существенное для реализации проекта ЭПШП Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, главной целью которого является создание основы для дальнейшего развития экономических отношений между сторонами [5]. Документ был подписан в рамках Астанинского экономического форума, проведенного 17 мая 2018 года, и является важным этапом, упорядочивающим всю систему торгово-экономических отношений между государствами-членами ЕАЭС и КНР.

Также из числа двусторонних документов стоит отметить Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о развитии международных грузовых перевозок и сотрудничестве в реализации концепции строительства Экономического пояса Шелкового пути от 16 мая 2017 года [4]. Данное соглашение предусматривает обоюдное содействие развитию рассматриваемого проекта с помощью модели развития взаимовыгодного сотрудничества и улучшения различных инфраструктур, а также допускает свободное присоединение (при согласии уже участвующих сторон) к нему любого государства, участвующего в реализации концепции «Один пояс-один путь».

В следующем году между государствами был подписан Меморандум, который предлагается использовать в качестве руководства по сопряжению стратегических программ развития двух стран, по реализации пятилеток, а также по формированию перечня двусторонних проектов в рамках реализации инициативы «Один пояс-один путь», в частности, ЭПШП [3].

Подобный Меморандум был принят также с Азербайджаном. Активное сотрудничество ведется с Казахстаном (страны уже завершили несколько успешных проектов, в числе которых: база логистического сотрудничества в Ляньюньгане, сухой порт СЭЗ «Хоргос — Восточные ворота» и порт Курык) и Узбекистаном (в мае 2019 г. для соединения национальной стратегии с инициативой было учреждено бюро экономического сотрудничества с Китаем при Министерстве инвестиций и внешней торговли Узбекистана).

Косвенно реализацию проекта ЭПШП затрагивают различные договоры КНР о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве с другими странами (например, Договор между КНР и Россией 2001 г.), Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС (2010 г.), Договор о Евразийском экономическом союзе (2014 г.), а также соглашения и протоколы к нему.

И наконец, нельзя не упомянуть о намерении Китая расширить проект ЭПШП, перенеся его в цифровую среду — Председатель КНР Си Цзиньпин заявил об этом в своем выступлении во время второго Международного форума "Пояс и Путь", прошедшего в апреле 2019 года. Китай планирует развивать «цифровую экономику» и IT-технологии, создавая модель так называемого «цифрового мира» на протяжении всего маршрута современного Шелкового пути. Во времена автомобилей и поездов без водителей, 5G сетей связи, Искусственного интеллекта новый Путь не должен упираться лишь в уже известные физические способы перемещения товаров, грузов или людей, а идти в ногу со временем, улучшая процесс доставки на всех его этапах, делать его комфортнее и безопаснее [1]. Из уже осуществленных проектов на пути к достижению цифровизации ЭПШП можно выделить: создание 4G сети в Казахстане, совместные проекты Узбекистана с компанией Huawei — «Безопасный город» и «Умный город», запуск системы «BeiDou-3» в июле 2020 г., которая обеспечит надежную поддержку строительству Пути с технической стороны.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о реальной значимости рассмотренного проекта и заинтересованности в его реализации не только КНР, но и многих других государств, в том числе значительного числа стран постсоветского пространства. Экономический пояс шелкового пути — реальная возможность увеличения торгового оборота между странами-участницами инициативы «Один пояс-один путь», упрощения транзитных перевозок и ускорения доставки товаров. Кроме этого проект способствует

развитию региональных объединений, двусторонним и многосторонним интеграционным процессам на благо народов Европы и Азии.

Литература

1. Квантовые перспективы: Российская газета. Спецвыпуск № 115(7281). URL: <https://rg.ru/2017/05/29/v-kitae-zaiavili-o-namerenii-postroit-cifrovoy-shelkovyj-put.html> (дата обращения: 13.09.2021). Текст: электронный.
2. О взаимопонимании между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией о разработке программы создания экономического коридора Россия — Китай — Монголия: Меморандум от 9.07.2015. URL: <http://old.economy.gov.ru/minec/resources/ad4238a1-6792-43be-a0b0-ca2c2c0934ed/Меморандум+о+взаимопонимании.pdf> (дата обращения: 12.09.2021). Текст: электронный.
3. О Плана совместного развития Беларуси и Китая на основе сопряжения стратегических программ двух стран на средне- и долгосрочный периоды: Меморандум. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/17bn0086/> (дата обращения: 12.09.2021). Текст: электронный.
4. О развитии международных грузовых перевозок и сотрудничестве в реализации концепции строительства Экономического пояса Шелкового пути: Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики от 16.05.2017. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/17bn0086/> (дата обращения: 12.09.2021). Текст: электронный.
5. О торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и КНР, с другой стороны: Соглашение от 17.05.2017. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20русский%20%28ЕАЕУ%20alternate%29%20final.pdf (дата обращения: 12.09.2021). Текст: электронный.
6. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. URL: <http://uz.chineseembassy.org/rus/slfy/sczljjd/> (дата обращения: 12.09.2021). Текст: электронный.
7. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 12.09.2021). Текст: электронный.
8. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 12.09.2021). Текст: электронный.
9. Совместное заявление РФ и КНР о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/6167/> (дата обращения: 12.09.2021). Текст: электронный.

LEGAL FOUNDATIONS OF THE «ECONOMIC SILK ROAD BELT»

Ekaterina M. Fedorova
student of Law Faculty,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
kloton17@gmail.com

Oleg. V. Khyshiktuev
Cand. Jur. Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of International Law,
Dorzhi Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

Olegbuyanto@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of legal acts underlying the project «Silk Road Economic Belt», envisaged within the framework of The Belt and Road Initiative, which became a part of the new national policy of the People's Republic of China and eventually reached the international level, consolidated by many agreements and contracts never ceasing to develop. The main purpose of the research is to organize and evaluate the legal basis of the construction of the Silk Way of the new era, using both general scientific methods (analysis, generalization, comparison) and private scientific methods (comparative-legal, specific-sociological methods). On the basis of the work carried out, it is concluded that the project has been successful and that many countries of the Eurasian continent are interested in implementing it, the legal acts that are the foundation and legal basis for the implementation of the Road project are listed, and the merits of The Belt and Road Initiative itself are identified.

Keywords: One belt-one road, Silk Road economic belt, Eurasian Economic Union, economic cooperation, Shanghai Cooperation Organisation.

ФОРМЫ ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ЗАКОННОСТЬЮ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

© **Хобраков Дмитрий Цыбикович**
заместитель прокурора Республики Бурятия
Россия, г. Улан-Удэ
khobakov80@mail.ru

В статье рассматриваются формы контроля органов публичной власти за законностью муниципальных нормативных правовых актов и их проектов. Выделены профилактические и проверочные формы публично-властного нормоконтроля. К числу проверочных форм контроля отнесены проведение юридической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, а также правовой мониторинг муниципальной нормативной правовой базы в целях выявления юридических коллизий и иных правотворческих дефектов.

Ключевые слова: контроль, органы публичной власти, законность муниципальных нормативных правовых актов, формы контроля.

Министерством юстиции Российской Федерации осуществляется ведение федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов. По состоянию на 9 сентября 2021 года в нём содержались 377 тысяч актов, не соответствующих закону¹.

Наличие такого массива правовых актов, содержащих дефектные нормативные предписания, влечёт необходимость реагирования со стороны государственных контрольно-надзорных ведомств. Статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации позволяют рассмотреть сложившееся положение дел в динамике. Так, в 1 полугодии 2021 года прокурорами в органы местного самоуправления направлено 70 тысяч представлений, информационных писем, предложений о необходимости принятия или приведения в соответствие с изменениями федерального законодательства муниципальных нормативных правовых актов. Подобная ситуация наблюдалась и в предыдущие годы: 2020 год — 113 тысяч актов реагирования, 2019 год — 105 тысяч, 2018 год — 108 тысяч, 2017 год — 102 тысячи, 2016 год — 93 тысячи, 2015 год — 86 тысяч, 2014 год — 84 тысячи².

Контроль за законностью нормативных правовых актов (нормоконтроль) — это властная функция, которую народ может осуществлять непосредственно либо через органы публичной власти, то есть органы государственной власти и органы местного самоуправления.

¹ Интернет-портал Минюста России «Нормативные правовые акты в Российской Федерации» // URL: <http://pravo.minjust.ru> (дата обращения: 09.09.2021). Текст: электронный.

² Отчеты Генеральной прокуратуры РФ «О работе прокурора по участию в правотворческой деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» по форме НПА за 1 полугодие 2021 года, 2020, 2019, 2018, 2017, 2016, 2015, 2014 годы.

В разделении публично-властных функций между федерацией, регионами и муниципалитетами можно увидеть вертикальную систему разделения властей. Её следствием является наличие механизма взаимных связей и взаимного дополнения различных уровней публичной власти для наиболее эффективного решения общих для них задач. Общность задач детерминирована единством источника власти. Поэтому самостоятельность уровней власти одновременно предполагает функциональное единство их публично-властных функций.

С этой точки зрения контроль за законностью муниципальных нормативных правовых актов можно рассматривать как взаимосвязанную и взаимодополняющую деятельность органов публичной власти — органов государственной власти и органов местного самоуправления. Сложность и упорядоченность данной деятельности позволяет говорить о наличии системы публично-властного контроля за законностью муниципальных нормативных правовых актов.

Основными элементами упомянутой системы контроля являются: муниципальный нормоконтроль; государственная регистрация, которая включает государственную регистрацию уставов муниципальных образований и муниципальных правовых актов о внесении в них изменений, а также ведение федерального и региональных регистров муниципальных нормативных правовых актов; прокурорский надзор; судебный нормоконтроль.

Задачами публично-властного контроля за законностью муниципальных нормативных правовых актов являются предупреждение, выявление и пресечение несоответствий муниципальных нормативных правовых актов и их проектов совокупности предъявляемых к ним материально-правовых и процессуальных требований.

Решение этих задач достигается путем профилактики несоответствий названным требованиям, оценки их соблюдения, обнаружения их нарушений и принятия мер регулирующего воздействия в целях устранения вскрытых дефектов.

Итак, под публично-властным контролем за законностью муниципальных нормативных правовых актов понимается деятельность уполномоченных органов государственной власти и органов местного самоуправления, направленная на предупреждение, выявление и пресечение несоответствий муниципальных нормативных правовых актов и их проектов совокупности предъявляемых к ним материально-правовых и процессуальных требований, реализуемая посредством профилактики названных несоответствий, оценки соблюдения упомянутых требований, обнаружения их нарушений и принятия мер регулирующего воздействия в целях устранения вскрытых дефектов.

Такая деятельность органов государственного и муниципального контроля осуществляется в определенных процедурных формах.

Анализ юридической литературы позволяет выделить общность мнений о том, что понятие формы контроля отражает внешнее выражение контрольной деятельности.

Например, М. Л. Баранов определяет формы государственного контроля как способы осуществления контрольной деятельности, её практическую реализацию, осуществляемую в пределах предоставленных государственным контрольным органам полномочий, базирующуюся на соответствующих принципах и применяющуюся для достижения поставленных целей с наибольшей степенью результативности контрольной деятельности [1, с. 81].

Таким образом, под формами публично-властного контроля за законностью муниципальных нормативных правовых актов следует понимать внешнее организационно-правовое выражение, совокупность способов осуществления деятельности уполномоченных органов государственной власти и органов местного самоуправления, направленной на предупреждение, выявление и пресечение несоответствий муниципальных нормативных правовых актов и их проектов совокупности предъявляемых к ним материально-правовых и процессуальных требований, реализуемой посредством профилактики названных несоответствий, оценки соблюдения упомянутых требований, обнаружения их нарушений и принятия мер регулирующего воздействия в целях устранения вскрытых дефектов.

Как было ранее отмечено, публично-властный контроль за законностью муниципальных нормативных правовых актов направлен на предупреждение, выявление и пресечение несоответствий муниципальных нормативных правовых актов и их проектов совокупности предъявляемых к ним материально-правовых и процессуальных требований.

В связи с этим можно выделить профилактические и проверочные формы публично-властного нормоконтроля.

К профилактическим формам, которые обеспечивают предупреждение правотворческих дефектов, относятся оказание муниципалитетам методической помощи, проведение учебных семинаров, конференций, «круглых столов», иных совещаний с представителями органов местного самоуправления и т.п.

Проверочные формы публично-властного нормоконтроля охватывают оценку соблюдения материально-правовых и процессуальных требований к нормативным правовым актам и их проектам, а также обнаружение нарушений этих требований. Проверочными формами нормоконтроля являются проведение юридической (правовой) экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, а также правовой мониторинг муниципальной нормативной правовой базы в целях выявления юридических коллизий и иных правотворческих дефектов. Рассмотрим эти формы контроля подробнее.

Экспертиза — это исследование, направленное на установление конкретных обстоятельств посредством применения специальных знаний и умений. В зависимости от поставленных целей в отношении актов нормотворчества и их проектов проводятся разнообразные экспертизы. К их числу относятся юридическая, антикоррупционная, лингвистическая, финансовая экспертизы, оценка регулирующего воздействия. Этот перечень является далеко не исчерпывающим.

Юридическая экспертиза нормативного правового акта и его проекта представляет собой исследование на предмет установления их соответствия или несоответствия совокупности предъявляемых к ним материально-правовых и процессуальных требований.

Более сложной формой проверочного публично-властного нормоконтроля служит правовой мониторинг муниципальной нормативной правовой базы, направленный на обнаружение юридических коллизий и иных дефектов муниципального правотворчества.

Изучение юридической литературы позволяет сделать вывод о разнообразии трактовки термина «мониторинг», авторы выделяют «мониторинг правового пространства» [1, с. 50], «мониторинг нормативных актов» [4, с. 33], «мониторинг законодательства и правоприменительной практики» [2, с. 37], «коллизионный мониторинг» [6, с. 265].

Обобщение названных трактовок позволяет отметить единство взглядов о наличии у мониторинга функций наблюдения, анализа, оценки и прогноза. А. Ю. Сологуб обоснованно предлагает использовать понятие «правовой мониторинг», оно в отличие от других более универсально и позволяет не только единообразно толковать мониторинговую деятельность различными субъектами, но и использовать единообразную терминологию в нормативных правовых актах, которые устанавливают основы и процесс организации и проведения правового мониторинга [5, с. 12].

Выявление юридических коллизий и иных правотворческих дефектов является основанием для применения мер регулирующего воздействия, которые можно определить как способы реагирования субъектов публично-властного контроля за законностью муниципальных нормативных правовых актов на обнаруженные несоответствия.

Меры регулирующего воздействия в целях устранения вскрытых дефектов подразделяются на информационно-консультативные (рекомендательные) и императивные.

К числу информационно-консультативных (рекомендательных) мер регулирующего воздействия относятся направление информации о выявленных недостатках, внесение замечаний, предложений. В таких документах излагаются обнаруженные недостатки, предлагаются пути их устранения.

Императивный характер носят меры регулирующего воздействия, содержащие требования об устранении выявленных правотворческих дефектов либо непосредственно ликвидирующие такие дефекты. Например, наложение отлагательного вето, принесение протеста на правовой акт, направление в суд административного искового заявления, отмена муниципального нормативного правового акта, внесение в него изменений, признание нормативного правового акта недействующим и т.п.

Наличие такого арсенала мер регулирующего воздействия позволяет устранять правотворческие дефекты на всех этапах «жизни» муниципального нормативного правового акта. При этом каждый из субъектов публично-властного контроля в силу своей специализации обладает ограниченными предметом контроля и инструментарием. Объединение ресурсов нормоконтрольных ведомств позволяет устранить этот недостаток. В этой связи можно говорить о коллаборации как сотрудничестве различных субъектов контроля для совместного решения задачи обеспечения законности муниципального нормотворчества.

Возможность такого сотрудничества апробирована при создании в ноябре 2018 года и функционировании временной межведомственной рабочей группы по проверке законности нормативных правовых актов органов местного самоуправления Кабанского района Республики Бурятия: муниципального образования «Кабанский район», городского поселения «Бабушкинское», сельских поселений «Кабанское» и «Каменское».

В состав группы включены представители прокуратуры Республики Бурятия, региональных управлений Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, Федеральной антимонопольной службы, Федеральной налоговой службы, Государственной инспекции труда в Республике Бурятия, Администрации Главы Республики Бу-

рительства и Правительства Республики Бурятия, Уполномоченный по правам человека в Республике Бурятия.

Специальные, отраслевые знания участников коллаборации позволили охватить широкий спектр вопросов. Путем применения информационно-консультативных и императивных мер регулирующего воздействия в соответствии с законом приведен 81 муниципальный нормативный правовой акт, устранены пробелы правового регулирования.

Этот положительный опыт учтен в дальнейшей деятельности. В результате функционирования временной межведомственной рабочей группы по проверке законности нормативных правовых актов органов местного самоуправления Селенгинского района Республики Бурятия (2019–2020 годы) установлена необходимость приведения в соответствие с законом 75 нормативных правовых актов, отмены 2 нормативных правовых актов, устранения правовых пробелов в 3 случаях.

Коллаборация не подменяет деятельность конкретных контрольно-надзорных ведомств. Её достоинство в возможности комплексно и эффективно решать задачи, слишком сложные и объёмные для отдельных субъектов контроля.

Литература

1. Баранов М. Л. Юридическая природа и формы государственного контроля // Административное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 80–84.
2. Варкова С. А. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. М., 2013. 183 с.
3. Жужгов И. В. Мониторинг правового пространства Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Ставрополь, 2006. 220 с.
4. Наконечный Я. Е. Мониторинг в правотворчестве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Москва, 2008. 202 с.
5. Сологуб А. Ю. Правовой мониторинг: понятие и значение // Российская юстиция. 2015. № 8. С. 11–13.
6. Стародубцева И. А. Коллизионные отношения как разновидность конституционно-правовых отношений: монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 330 с.

FORMS OF PUBLIC-GOVERNMENTAL CONTROL OVER THE LEGALITY OF MUNICIPAL REGULATORY LEGAL ACTS

Dmitry Ts. Khobrakov

Deputy Public Prosecutor of the Republic of Buryatia
Russia, Ulan-Ude
khobrakov80@mail.ru

The article considers the forms of control of public authorities over the legality of municipal regulatory legal acts and their projects. Preventive and verification forms of public– governmental compliance assessments are highlighted. The verification forms of control include conducting a legal examination of regulatory legal acts and their projects, as well as legal monitoring of the municipal regulatory legal framework in order to identify legal conflicts and other law-making defects.

Keywords: control, public authorities, legitimacy of municipal and regulatory legal acts, forms of control.

**РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В КИТАЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

© **Чжан Юэпин**

докторант, преподаватель юридического факультета,
Хэйлунцзянский университет
Китай, г. Харбин
13836128691@163.com

Данная статья посвящена теоретическим и практическим проблемам разграничения законодательных полномочий между различными уровнями государственной власти и органов государства в Китайской Народной Республике. Автором анализируются особенности функционирования законодательной системы КНР на разных уровнях и взаимоотношения центральной власти и муниципалитетов. Несмотря на то, что КНР является унитарным государством, законодательная система государства представляет собой многоуровневую систему. Благодаря реформам и изменениям последних десятилетий правовая база взаимоотношений центральной власти и местных властей претерпела существенную трансформацию. Несмотря на это существующая система разграничения полномочий законодательных органов различных уровней имеет определенные недостатки, такие как дублирование законов, отсутствие механизма разрешения споров и расплывчатость норм, определяющих компетенцию различных органов законодательства. Вышеупомянутые проблемы еще предстоит решить усилиями академических и практических кругов таким образом, чтобы это соответствовало национальным интересам и принципам правового государства.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, законодательная компетенция, разграничение полномочий, КНР, централизация власти, автономия, законотворчество.

Теоретическая основа распределения полномочий между центральной законодательной властью и местными законодательными органами Китая базируется на идеях «социализма с китайской спецификой». Развитие правового регулирования распределения законодательных полномочий между центром и регионами, в зависимости от руководящей идеологии на том или ином промежутке времени, прошло 4 этапа: 1) 1949–1954; 2) 1954–1979; 3) 1979–2015 и 4) 2015 — по настоящее время.

Первый этап характеризуется наличием широких законодательных полномочий у органов местной власти. Это было связано со многими объективными факторами — КНР как государство образовалась только в 1949 году, еще не была разработана и принята Конституция, не было учреждено Всекитайское собрание народных представителей, также отсутствовала теоретическая база, посвященная проблемам разграничения полномочий между разными уровнями власти. Следовательно, местные органы власти на разных уровнях имели право разрабатывать различные временные постановления и распоряжения, а предметы местного ведения не были законодательно разграничены [8, с. 65]. В силу неразвитости правовой базы законотворческий процесс не был строго регламентирован, что на практике приводило ко многим противоречиям и разночтению.

Главной особенностью законодательной власти в период с 1954 по 1979 г. была ее концентрация в руках центрального правительства. Еще в процессе разра-

ботки Конституции КНР 1954 г., Мао Цзэдун подчеркивал необходимость установления централизованной власти и установления монополии на принятие законодательных актов. В частности, он утверждал «все законы должны приниматься центральным правительством и местные органы власти не могут принимать законы. Центральное правительство должно иметь полномочия по изменению и отмене нормативно-правовых актов местных органов и последние обязаны подчиняться центральному правительству» [9, с. 212]. Данная позиция нашла свое отражение в ст. 22 Конституции 1954 г. — «Всекитайское собрание народных представителей является единственным органом осуществления законодательной власти государства» [4, ст. 22].

В первые годы существования КНР высокоцентрализованная политическая и экономическая система оказала глубокое влияние на взаимоотношения между центральным и местными законодательными органами, а советская законодательная система также послужила эталоном для укрепления централизации власти. Данный подход способствовал поддержанию политической и экономической стабильности в стране. Однако скоро стало очевидно, что ограничение инициативы местных органов власти, хорошо знакомых проблемами своего региона, не способствовало развитию общества и права. Осознавая данную проблему Мао предложил ее решение в виде предоставления большей автономии местным органам в принятии нормативно-правовых актов. Он писал «полномочия органов местной власти должны быть немного расширены на основе сохранения единого руководства центральной власти, с предоставлением большей независимости каждому населенному пункту с целью охвата широкого круга общественных отношений» [6, с. 651], Такая позиция Мао Цзэдуна ознаменовала постепенное начало отхода Китая от модели чрезмерной централизации власти и начало объективного осмысления состояния дел между центральным и местным уровнями в контексте национальных условий. Тем не менее последующие политические потрясения и «Культурная революция» не дали возможности в полной мере реализовать эти идеи.

Период с 1979 до 2015 г. характеризуется постепенной децентрализацией власти и наделением местных собраний народных представителей полномочиями по принятию местных законов и актов. Основными Законодательными актами в этой области были Органический «Закон о собраниях народных представителей на местном уровне и местных народных правительствах Китайской Народной Республики» от 1 июля 1979 года [7], «Закон КНР о законодательном процессе» от 15 марта 2000 года [2] и Конституция 1982 года. Так Органический «Закон о собраниях народных представителей на местном уровне и местных народных правительствах Китайской Народной Республики» в ст. 6 предусматривал, что «народные собрания провинций, автономных районов и муниципалитетов, непосредственно подчиненных центральному правительству, могут, в соответствии с конкретными условиями и практическими потребностями своих административных регионов и при условии, что они не противоречат Конституции, законам, политике, указам и постановлениям центрального правительства, формулировать и обнародовать местные законы и постановления и сообщать о них ПК ВСНП и Государственному совету» [7, ст. 6]. Конституция также обратила внимание инициативности местных органов: «Разграничение полномочий центральных и местных государственных органов проводится по принципу всемерного развития инициативы и активности на местах при едином руководстве центра» [3, ст. 3].

Поощрение полномочий региональных собраний народных представителей привело к появлению крупных городов и признанию за ними особого статуса с правом законоотрчества по местным вопросам. Данный процесс стал более актуален с резким ростом и развитием свободных экономических зон.

Руководство страны в период с 1989 по 2002 г., ядром которого был Цзян Цзэминь, также придавало большое значение развитию отношений между центральными и местными органами власти, всегда придерживалось и давало полную возможность реализации как центральных, так и местных инициатив, подчеркивая, что «общим принципом должно быть единство, отражающее общие интересы, но также гибкость, учитывающая местные интересы под единым руководством» [10, с. 468].

В октябре 2014 г. на четвертом пленуме ЦК КПК 18-го созыва было принято Решение ЦК КПК по ряду важнейших вопросов, касающихся всестороннего продвижения верховенства закона, в котором предлагалось определить пределы и объем местных законодательных полномочий и предоставить местные законодательные полномочия муниципалитетам, созданным в соответствии с законом. На этом фоне и в качестве ответа на реальное положение дел, в новой редакции Закона «О Законодательном процессе» в 2015 г. понятие «крупные муниципалитеты» было заменено на «муниципалитеты, созданные в округах», и они были наделены законодательными полномочиями, в результате чего количество муниципалитетов, наделенных законодательными полномочиями, увеличилось с 49 до 284, а муниципалитеты с округами стали самостоятельным и важным звеном в законодательной системе. Кроме того, чтобы решить проблему отсутствия конституционной основы для законодательной власти муниципалитетов, Закон о поправках к Конституции, принятый в марте 2018 г., добавил пункт в статью 100 Конституции, прямо подтверждающий конституционную основу для законодательной власти муниципалитетов, созданных в округах.

Таким образом, на протяжении всей истории становления КНР, с учетом ее многонационального характера, вопрос о разграничениях полномочий между центральными органами власти и местными собраниями являлся одним из ключевых и государство в последние годы идет по пути поощрения инициативы местных собраний народных представителей.

Несмотря на то, что КНР фактически является унитарным государством Конституция не содержит нормы, закрепляющие данный статус. В преамбуле лишь говорится, что «Китайская Народная Республика является единым многонациональным государством, совместно основанным народами всех национальностей». Некоторые ученые отмечают, что полномочия местных органов власти в Китае делегируются только центральным правительством, и поэтому в условиях унитарной системы существует только вопрос «делегирования», а не «разделения властей» [1, с.130]. Однако это лишь теоретическое понимание, и как «унитарная», так и «федеральная» системы в чисто идеальном смысле являются лишь теоретическими конструкциями. В действительности не существует ни полной унитарной системы, ни полной федеративной системы, а скорее переходное состояние между ними [5, с. 280]. Таким образом, местная децентрализация часто существует и в унитарных государствах, и способ, которым регулируются отношения между центральным и местным законодательством, варьируется от одного унитарного государства к другому. В этом контексте местную децентрализацию можно разделить на два условных типа децентрализации: децентрализация с раз-

делением и делегированная децентрализация. В первом случае, как правило, в конституции или соответствующих законах перечисляются вопросы, которыми должны заниматься центральное правительство и местные органы власти соответственно, а во втором случае, местным органам власти предоставляется определенная степень юрисдикции по некоторым вопросам, в то время как центральное правительство оставляет за собой окончательное решение.

Разграничение законодательных полномочий в КНР можно разделить по вертикали власти и по горизонтали. Вертикальное разграничение относится к разделению законодательных полномочий между центральным и местным уровнями, а также между провинциями и муниципалитетами, созданными в округах; горизонтальное же относится к разделению полномочий между партией и центральным правительством, местными народными собраниями и местными правительствами. Несмотря на то, что Конституцией КНР и законами регламентированы общие положения разграничения полномочий, законодательные полномочия центральных и местных органов власти остаются расплывчатыми, и не хватает более четких положений о том, какие именно полномочия входят в компетенцию центральных органов и местных органов власти, а также провинций и муниципалитетов, созданных в округах. Неоднозначность законодательных полномочий между провинциями и муниципалитетами привела к частым проблемам дублирования законодательства, превышения законодательных полномочий и противоречивости законодательства на практике. Проблема также состоит в разграничении полномочий между органами власти провинций и муниципалитетами. Так, согласно Закону «О законодательном процессе в КНР», муниципалитеты, созданные при округах, могут принимать нормативные акты по таким вопросам, как городское и сельское строительство и управление, охрана окружающей среды, сохранение исторических и культурных ценностей. С другой стороны, провинциальные законодательные органы также могут принимать законы по данным вопросам, что является повторением и затрудняет правовое регулирование указанных сфер.

Разграничение полномочий по горизонтали в КНР имеет свои особенности в силу руководящей роли КПК, что закреплено в тексте Конституции [11, с. 65]. Сегодня основным требованием к руководству законодательной деятельностью партии является поддержка осуществления законодательных полномочий народными собраниями всех уровней, чтобы политические установки партии могли быть возведены в закон с помощью правовых процедур и средств, а демократический и научный характер законодательства мог быть гарантирован при осуществлении руководства партией.

Необходимо отметить также проблемы разграничения полномочий между местными народными собраниями и местными органами власти, в силу размытости понятий. Так местные органы власти могут принимать постановления по «административным вопросам, относящиеся к административному региону», однако и за местными народными собраниями также закреплено право издавать постановления по «местным делам». По данному вопросу научное сообщество приходит к выводу, что из-за подотчетности и подконтрольности местных правительств местным собраниям народных представительств, первые не могут иметь законодательную власть.

На сегодняшний день, благодаря постоянной оптимизации распределения законодательной власти на местах, законодательная система Китая осуществила

важную трансформацию от высокоцентрализованной законодательной системы к единой и многоуровневой законодательной системе. Многоуровневая система подразумевает наличие иерархии субъектов законодательства, которые могут издавать законы и постановления соответствующего ранга. Такая законодательная система не только обеспечивает единство национального законодательства, но и гарантирует, что местные законы эффективно решают региональные проблемы.

Несмотря на достигнутые успехи в данном направлении в КНР, все еще имеются недостатки, способствующие к появлению преград в законотворчестве. К таким недостаткам можно отнести:

- недостаточно четкое разделение законодательной компетенции между органами власти по вертикали и горизонтали. То есть расплывчатость правовых норм приводит к превышению полномочий местных народных собраний или откровенному отказу от законотворчества во избежание законодательных коллизий;

- отсутствие механизма разрешения споров в отношении определения законодательных полномочий. Решение споров о компетенции в КНР решается путем «запросов и ответов», и нет четкого механизма разрешения возникшего спора, как например в странах запада, где решение такого рода проблем отнесены к компетенции судов;

- проблема дублирования законодательства. Из-за большого массива нормативно-правовых актов местных органов, дублирующих нормы центральных органов снижается их эффективность и израсходуются огромные средства;

Решением такого рода недостатков может служить конкретизация норм законодательства и предоставление полного права законодательной инициативы. Местные органы власти должны усвоить принцип «непротиворечия», предусмотренный Конституцией, и проявить инициативу в законотворчестве на местном уровне, принимая законы по необходимым и существенным вопросам с учетом конкретной ситуации и практических потребностей своих административных районов. Также положительным образом может послужить установление общих принципов и стандартов на центральном уровне и предоставление приоритета местному законотворчеству по детальному регулированию того или иного вопроса, так как местные законодательные органы лучше понимают реальную ситуацию в своих административных районах.

Таким образом, система местного законодательства в КНР постоянно реформируется и дополняется на основе собственного опыта путем «проб и ошибок». Рецепция правовых норм из западных стран в реалиях КНР является затруднительным из-за социалистической направленности правовой системы государства и национальных, культурных, исторических особенностей административных регионов. Тем не менее, накопленный богатый опыт обеспечивает постепенную трансформацию правовой системы и повышение эффективности законотворчества.

Литература

1. Ван Чжэньминь. Отношения между центральным правительством и специальными административными районами — анализ структуры верховенства закона. Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 2002. 134 с.

2. Закон КНР «О законодательном процессе» от 15.03.2000. URL: <http://www.china.org.cn/english/government/207420.htm> (дата обращения: 07.06.2021). Текст: электронный.

3. Конституция Китайской Народной Республики ((принята ВСНП 04.12.1982) (с учетом поправок, внесенных 11.03.2018)) // СПС Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Constitution/node_2825.htm (дата обращения: 07.06.2021). Текст: электронный.
4. Конституция Китайской Народной Республики (принята ВСНП 20.09.1954). URL: <http://www.lawinfochina.com/Display.aspx?lib=law&Cgid=52993> (дата обращения: 07.06.2021). Текст: электронный.
5. Майкл Раскин и др. Политология (9-е изд.). Пекин: Renmin University Press, 2009. 285 с.
6. Мао Цзэдун. Избранные труды Мао Цзэдуна. Пекин: Народное издательство, 1986. 729 с.
7. Органический «Закон о собраниях народных представителей на местном уровне и местных народных правительствах на местном уровне Китайской Народной Республики» от 01.07.1979 (поправки от 27.10.2004). URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/1982-12/10/content_1478474.htm (дата обращения: 07.06.2021). Текст: электронный.
8. Song Fangqing, Jiang Xiaoxian and Cheng Qingdong, A Study on the Theory and Practice of Local Legislative Power Allocation in China (Сун Фанцин, Цзян Сяосянь и Ченг Циндун, Исследование теории и практики распределения законодательной власти на местном уровне в Китае. Пекин: Law Press, 2018 г., 198 с.), Beijing, Law Press, 2018 edition, 198 p.
9. Хань Даюань, Конституция 1954 года и китайский конституционализм (2-е изд.). Ухань: Издательство Уханьского университета, 2008, С. 212–213.
10. Цзян Цзэминь: Избранные труды Цзян Цзэминя (том 1). Пекин: Народное издательство, 2006. 472 с.
11. Цюй Чжэньлун. Политическая логика современной китайской правовой системы. Чанчунь: Цзилиньский университет, 2015. 213 с.

DELIMITATION OF LEGISLATIVE POWERS IN CHINA: THEORY AND PRACTICE

Zhang Yueping
 doctoral student, lecturer of the Faculty of Law,
 Heilongjiang University,
 China, Harbin
 13836128691@163.com

This article is devoted to the theoretical and practical problems of delimiting legislative powers between different levels of government and government bodies in the People's Republic of China. The author analyzes the features of the functioning of the legislative system of the PRC at different levels and the relationship between the central government and municipalities. Despite the fact that the PRC is a unitary state, the legislative system of the state is a multi-level system. Thanks to the reforms and changes in recent decades, the legal framework for relations between the central government and local authorities has undergone a significant transformation. Despite this, the existing system of delimiting the powers of legislative bodies at various levels has certain shortcomings, such as duplication of laws, the absence of a mechanism for resolving disputes and the vagueness of the norms defining the competence of various legislative bodies. The aforementioned problems have yet to be resolved through the efforts of academic and practical circles in a way that is consistent with the national interests and principles of the rule of law.

Keywords: People's Republic of China, legislative competence; differentiation of powers; PRC, centralization of power, autonomy, lawmaking.

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

УДК 343.22; 343.352
DOI 10.18101/978-5-9793-1659-8-86-90

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КОСТА-РИКИ

© Антонова Елена Юрьевна
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии,
Хабаровский государственный университет экономики и права
Россия, г. Хабаровск
antonovy@yandex.ru

В статье анализируется институт уголовной ответственности юридических лиц за преступления коррупционной направленности, предусмотренный в законодательстве Коста-Рики. Целью исследования является выявление положительного опыта Коста-Рики в реализации уголовно-правовой политики по предупреждению коррупционных преступлений, совершаемых от имени и (или) в интересах юридического лица. Для достижения данной цели в статье рассматриваются меры уголовно-правового воздействия на юридическое лицо, от имени и (или) в интересах которого было совершено преступление коррупционной направленности. Предметом исследования являются Уголовный кодекс Коста-Рики, Закон о борьбе с коррупцией и незаконном обогащении на публичной службе и Закон «Об ответственности юридических лиц за подкуп, транснациональный подкуп и другие преступления». Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ, синтез, исторический) и частнонаучные (системного анализа, сравнительно-правового исследования) методы. Анализ нормативных правовых актов Коста-Рики позволил сделать вывод о том, что государства должны использовать не только репрессивные меры воздействия на корпоративные (коллективные) субъекты, но и меры поощрения, которые в сочетании могут дать положительный эффект по снижению коррупционных рисков.

Ключевые слова: юридическое лицо, корпоративная уголовная ответственность, коррупция; антикоррупционные меры, коррупционные риски, штраф.

Коррупция представляет угрозу национальной безопасности любого государства. В связи с этим государства разрабатывают различные механизмы по борьбе с данным социально опасным явлением. На первом месте выступают меры уголовно-правового воздействия. В частности, все большее количество стран устанавливает в своем национальном законодательстве меры уголовно-правового воздействия в отношении корпоративных образований — юридических лиц за преступления коррупционной направленности. Не исключением является и такая страна Азиатско-Тихоокеанского региона как Коста-Рика, которая по данным

исследований международной неправительственной организации Transparency International в 2020 г. заняла 45 место из 180 стран, набрав 57 баллов (в 2019 г. — 44 место, 56 баллов; в 2018 г. — 48 место, 56 баллов; в 2017 г. — 38 место, 59 баллов) [3].

Отметим, что Коста-Рика подписала Конвенцию ООН против коррупции 10 декабря 2003 г. и ратифицировала ее 9 января 2007 г. Нормы, направленные на противодействие коррупционной деятельности, содержатся, в первую очередь, в таких нормативных правовых актах Коста-Рики как Уголовный кодекс и Закон № 8422 о борьбе с коррупцией и незаконном обогащении на публичной службе.

Уголовный кодекс Коста-Рики [1] устанавливает ответственность государственных публичных должностных лиц за злоупотребление служебным положением (ст. 338, 345), пассивный и активный подкуп (ст. 347, 348, 352), хищение или неправомерное присвоение средств, совершенное публичным должностным лицом и нецелевое и неправомерное использование публичных средств и ресурсов в целях не соответствующих их назначению, для извлечения выгоды для себя или третьих лиц (ст. 361–363-бис) и др.

Закон № 8422 регламентирует уголовную ответственность за незаконное обогащение, совершенное в корыстных целях публичным должностным лицом (ст. 45, 61), пассивный и активный подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций (ст. 55), злоупотребление влиянием в корыстных целях (ст. 52) и др.

Что касается корпоративных субъектов — юридических лиц, то до 2019 г. они признавались лишь субъектами административных правонарушений и гражданско-правовых деликтов. В частности, ст. 44 Закона № 8422 предусматривала в отношении юридических лиц административное наказание в виде штрафа за коррупционные деяния, совершенные от имени или в интересах организации.

Только 26 июня 2019 г. Законодательное собрание Коста-Рики приняло Закон № 9699 «Об ответственности юридических лиц за подкуп, транснациональный подкуп и другие преступления» [2]. Данным законом была установлена уголовная ответственность юридических лиц за преступления, связанные с взяточничеством, отмыванием денег и финансированием терроризма.

Корпоративными субъектами преступлений коррупционной направленности в соответствии с данным Законом признаются частные и публичные компании Коста-Рики, в том числе государственные организации и иностранные компании, имеющие представительства или дочерние предприятия в Коста-Рике.

Анализ данного закона показывает, что юридическое лицо будет отвечать за действия сотрудников или нанятых лиц, действующих индивидуально или в качестве членов органа юридического лица, которые уполномочены принимать решения от имени юридического лица и обладающие полномочиями по организации и контролю ее деятельности. При этом условием уголовной ответственности является совершение коррупционных преступлений указанными сотрудниками от имени организации или в ее интересах. Уголовная ответственность юридического лица исключается в случаях, когда физические лица, совершили преступление в своих интересах или в пользу третьего лица. Важно и то, что корпоративная уголовная ответственность не исключает индивидуальной уголовной ответственности физического лица, допустившего нарушение от имени или в интересах корпоративного образования. Корпоративная уголовная ответственность не исключается и в случае, если по какой-либо причине уголовное дело в

отношении физического лица прекращается, а равно когда не удастся установить физическое лицо, совершившее данное преступление от имени или в интересах юридического лица.

Положительным является то обстоятельство, что в законе регулируется вопрос о корпоративной уголовной ответственности в случае трансформации (путем слияния, присоединения, разделения, выделения, преобразования) юридического лица или его роспуска. В Законе устанавливается, что ответственности будет подлежать новое юридическое лицо, а в случае разделения ответственными являются все юридические лица, участвовавшие в процессе выделения. В случае, когда юридическое лицо распустилось, но продолжает свою деятельность через новую, сохраняя своих клиентов, поставщиков, сотрудников или наиболее значимой части всех них, оно продолжает нести уголовную ответственность.

Корпоративная уголовная ответственность наступает за такие коррупционные преступления как взяточничество в пределах страны и за рубежом, а также фальсификация финансовых отчетов или иных документов с целью сокрытия неправомерной деятельности.

Основным видом наказания за данные преступления для юридических лиц является штраф. Примечательно, что законодатель Коста-Рики дифференцировал штрафные санкции в зависимости от размера организации. Так, крупные организации за совершение коррупционных преступлений подвергаются штрафу от 1 000 до 10 000 минимальных размеров оплаты труда (в 2019 г. 1 МРОТ в Коста-Рике был равен 531,88 долл. США), а малые и средние компании предусмотрены меньшие суммы штрафов. Если данные преступления совершаются в сфере государственных закупок, то наказание увеличивается: штраф назначается в размере до 10% от стоимости соответствующего контракта наряду с отстранением организации от участия в государственных закупках на десять лет.

Размер штрафа зависит от таких критериев как: количество и иерархия работников и сотрудников, причастных к преступлению; характер, размер и финансовая возможность юридического лица; серьезность противоправного деяния на национальном или международном уровне; вероятность того, что штрафы нанесут серьезный ущерб общественным интересам или предоставлению общественных услуг; наличие и эффективное внедрение программы по предупреждению преступности; количество денег или ценных бумаг, причастных к совершению преступления; размер социальных последствий.

Кроме штрафов, к юридическим лицам могут применяться такие наказания как:

- лишение государственных льгот или субсидий на срок от 3 до 10 лет;
- лишение права на получение государственных субсидий и помощи для заключения контрактов или участия в публичных конкурсах или тендерах или в любой другой деятельности, связанной с государством, на срок от 3 до 10 лет;
- лишение права пользоваться льготами, налоговыми льготами или социальным обеспечением на срок от 3 до 10 лет;
- полное или частичное аннулирование лицензий или контрактов, полученных в результате преступления (это наказание не будет применяться в том случае, если оно может привести к серьезным социальным последствиям или серьезному ущербу общественным интересам в результате его применения);
- прекращение деятельности юридического лица (это наказание не распространяется на государственные или негосударственные публичные компании или

автономные учреждения и может применяться только в том случае, если юридическое лицо было создано с единственной целью совершения преступления или если совершение преступлений является его основной деятельностью).

Дополнительной мерой является опубликование за счет юридического лица резолютивной части приговора в официальной или другой газете общегосударственного распространения.

Вместе с тем, Закон предусматривает и возможность смягчения наказания для юридического лица в том случае, если в корпорации были приняты надлежащие меры по предотвращению совершения коррупционного правонарушения. В этом случае размера штрафа уменьшается до 40%.

Антикоррупционные меры (программы по прозрачности и деловой этике, а также внутренние механизмы борьбы с коррупцией и внутреннего контроля) должны включать в себя:

- оценку коррупционных рисков (первичную и периодическую);
- принятие кодекса (правил или специальных процедур) поведения сотрудников и другие правила для предотвращения совершения преступлений коррупционной направленности;
- назначение должностных лиц или создание подразделений, ответственных за предупреждение коррупции;
- принятие внутренних актов, направленных на предотвращение преступлений при участии в государственных закупках, а также в иных случаях взаимодействия с государственным сектором;
- проведение внешнего аудита;
- проведение регулярного обучения сотрудников.

В антикоррупционные программы должны регулярно вноситься поправки.

Таким образом, можно заключить, что законодатель Коста-Рики предусматривает не только репрессивные меры воздействия на корпоративные (коллективные) субъекты, но и меры поощрения. В тех случаях, когда в организации разработаны, внедрены и эффективно действуют антикоррупционные программы (комплаенс-программы), основная цель которых заключается в снижении коррупционных действий от имени и (или) в интересах корпоративного образования, наказание может быть смягчено.

Отметим, что многие страны пошли по пути возложения обязанности принятия организациями мер по предупреждению коррупции. При этом, если в некоторых странах существующие в организации внутренние механизмы и процедуры обеспечения неподкупности, контроль и поощрение заявителей о недобросовестном поведении, эффективное применение кодексов этики и поведения расценивается как обстоятельство смягчающее ответственность юридического лица, то в других странах является основанием для освобождения таковой от ответственности [4, с. 170-172].

Такая практика представляется положительной, поскольку только комплексное использование правовых мер способно оказать сдерживающее воздействие на деятельность как индивидуальных, так коллективных субъектов.

Литература

1. Código Penal: Ley № 4573 // Уголовный кодекс: Закон № 4573. URL: https://www.oas.org/dil/esp/codigo_penal_costa_rica.pdf
2. Responsabilidad De Las Personas Jurídicas Sobre Cohechos Domésticos, Soborno Transnacional Y Otros Delitos: Decreto Legislativo № 9699 // Об ответственности юридических

лиц за подкуп, транснациональный подкуп и другие преступления: Закон № 9699. URL: https://www.imprentanacional.go.cr/pub/2019/06/11/ALCA130_11_06_2019.pdf

3. Corruption Perceptions Index 2020,19 // Transparency International. [сайт]. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl> (дата обращения: 24.03.2020).

4. Антонова Е. Ю. Комплаенс-программа как условие освобождения юридического лица от уголовной (административной) ответственности за преступления коррупционной направленности: опыт зарубежных стран // Роль права в развитии интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе: современные тенденции и вызовы: V Тихоокеанский юридический форум, посвященный празднованию 120-летия Дальневосточного федерального университета и 100-летия юридического образования на Дальнем Востоке России, 3–5 октября 2019 г.: материалы / сост. Н. Г. Присекина. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. С. 170–172.

CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES FOR CORRUPTION OFFENSES UNDER THE LAWS OF COSTA RICA

Elena Y. Antonova

Doctor. Jur. Sciences, Professor

Head of the Department of Criminal Law and Criminology,

Khabarovsk State University of Economics and Law

Russia, Khabarovsk

antonony@yandex.ru

The article analyzes the institution of criminal liability of legal entities for corruption-related crimes provided for in the legislation of Costa Rica. The aim of the study is to identify the positive experience of Costa Rica in the implementation of criminal law policy to prevent corruption crimes committed on behalf of and (or) in the interests of a legal entity. To achieve this goal, the article examines the measures of criminal law impact on the legal entity, on behalf of and (or) in whose interests the corruption crime was committed. The subject of research is the Criminal Code of Costa Rica, the Law on Combating Corruption and Illicit Enrichment in Public Service and the Law «On the liability of legal persons for the bribery, transnational bribery and other crimes». The methodological basis of the study is made up of general scientific (analysis, synthesis, historical) and specific scientific (system analysis, comparative legal research) methods. An analysis of the regulatory legal acts of Costa Rica led to the conclusion that states should use not only repressive measures of influence on corporate (collective) entities, but also incentive measures, which, in combination, can have a positive effect on reducing corruption risks.

Keywords: legal entity; corporate criminal liability; corruption; anti-corruption measures; corruption risks; fine.

**ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

© **Гнеушева Татьяна Борисовна**
старший преподаватель,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
tanyagneusheva88@mail.ru

Статья посвящена такой широко обсуждаемой проблеме, как применение института медиации в качестве альтернативного способа разрешения споров. Автор рассматривает в сравнительно-правовом аспекте данный институт в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Анализируется понятие процедуры медиации в Китае и России, требования, предъявляемые к медиатору, выделяются общие принципы, на основе которых проводится процедура медиации. Также автором выявляются преимущества медиации в обеих странах, такие как: конфиденциальность, добровольный характер процедуры и свобода выбора медиатора, минимальные затраты времени и основные проблемы применения процедуры медиации в России. В заключение автором подводится итог сравнительно-правового анализа данного института.

Ключевые слова: медиация, Китайская Народная Республика, Российская Федерация, альтернативный способ разрешения споров, урегулирование конфликтов.

Становление и развитие института медиации в Российской Федерации связано с принятием в 2011 г. Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) № 193-ФЗ [1]. Принятию данного нормативного акта способствовал ряд факторов, одним из которых является загруженность судебной системы. В России основной формой защиты нарушенных прав и интересов граждан является обращение в суд. Ежегодно количество рассматриваемых судами дел только увеличивается.

Институт медиации представляет собой новый для современной России механизм внесудебного урегулирования разногласий, конфликтов и споров. Данный институт направлен на создание, выработку взаимовыгодных и взаимоприемлемых условий разрешения споров.

В Китайской Народной Республике (далее — КНР) альтернативные способы разрешения споров применяются очень давно. Институт медиации является одним из самых распространенных способов разрешения конфликта. Граждане Поднебесной наоборот стремятся избегать обращения в суд. Законодательно медиация в Китае была закреплена после принятия Закона КНР «О медиации и арбитраже трудовых споров», который вступил в силу 1 мая 2008 года, а также Закона КНР «О народной медиации», который также как и в России применяется с 2011 года [2].

Медиация как способ урегулирования конфликтов очень важна для граждан Китая. Как отмечается в литературе «это естественное расширение конфуцианской этики, и поэтому занимает лидирующую позицию в китайской традиции» [3].

В рамках сравнительно-правового анализа медиации в РФ и КНР рассмотрим понятие данного института.

Определение процедуры медиации в РФ дает статья вторая 193-ФЗ, в соответствии с которой процедура медиации — это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [1].

Статья вторая Закона КНР «О народной медиации» дает определение народной медиации как деятельности комитетов народной медиации, осуществляемой путем убеждения, наставления и другими способами в целях содействия сторонам в заключении медиативных соглашений на основе равенства и согласия и разрешения споров среди населения [2].

Как мы видим, данная процедура и в России и в Китае предполагает разрешение спора при содействии третьей, нейтральной стороны. В Китае это комитеты народной медиации (народные примирительные комиссии), которые представляют собой созданные общественные организации в количестве 3–9 человек, занимающиеся разрешением споров среди населения. В России это медиатор — независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора.

В соответствии с российским законодательством деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. Так, в ч. 2 ст. 15 193-ФЗ сказано, что «осуществлять деятельность медиатора на непрофессиональной основе могут лица, достигшие возраста восемнадцати лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости». Согласно ч. 1 ст. 16 «осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации». Также осуществлять деятельность на профессиональной основе могут судьи в отставке [2].

В Китае народными медиаторами должны быть совершеннолетние граждане, обладающие знаниями законодательства, беспристрастные, честные и преданные делу народной медиации. Органы юстиции обязаны регулярно осуществлять профессиональную подготовку народных медиаторов.

Можно выделить в обоих государствах общие принципы, на основе которых проводится процедура медиации: добровольность участия сторон, равноправие сторон, беспристрастность, независимость медиатора, конфиденциальность информации о процедуре медиации.

Медиация в Китае распространена по всей территории, в самых дальних уголках страны. Наиболее популярна медиация при разрешении трудовых, гражданско-правовых споров, семейных конфликтов, споров в здравоохранении, уголовных конфликтов до средней тяжести.

Медиация в России развивается крайне неравномерно. Эксперты выделяют отдельные регионы, где благодаря энтузиастам, специфике местных условий, заинтересованному отношению местных государственных органов развитие медиации происходит более активно. Это, прежде всего, Москва, Санкт-Петербург, Рязань, Нижний Новгород, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Новосибирск, где активно работают локальные центры медиации.

Чаще всего посредством медиации удается разрешить споры, возникающие из брачно-семейных, земельных, наследственных, жилищных и трудовых правоотношений. Медиация не закреплена в российском уголовно-процессуальном законодательстве, УПК РФ не содержит норм о возможности использования посред-

ников для достижения примирения между сторонами, не регулирует вопросы участия государственных органов в данной деятельности.

Тем не менее, медиация в уголовном судопроизводстве является предметом оживленной дискуссии в научных кругах в качестве альтернативы традиционному уголовному преследованию.

Представляется важным обозначить преимущества процедуры медиации в РФ и КНР:

Во-первых, это конфиденциальность процедуры. Сведения, включая устную информацию, и документы, которые были использованы в ходе проведения процедуры медиации, не подлежат разглашению, если иное не установлено соглашением сторон.

Во-вторых, добровольный характер процедуры и свобода выбора медиатора. Стороны спора (конфликта) могут прибегнуть к применению процедуры медиации только при добровольном волеизъявлении о применении процедуры медиации, также стороны вправе самостоятельно выбрать медиатора, выступающего в качестве посредника.

В-третьих, минимальные затраты времени. В отличие от длительного рассмотрения спора в судебном порядке процедура медиации представляет более быстрый альтернативный способ урегулирования спора.

Таким образом, процедура медиации обладает множеством видов и способов конструктивного решения конфликтов. Все вышеперечисленные преимущества делают ее конкурентной на фоне судебных, административных и т.п. способов урегулирования конфликтов.

Говоря о слабых сторонах процедуры медиации в России, видится необходимым, выделить следующие проблемы:

Во-первых, это добровольность исполнения медиативного соглашения. В настоящее время отсутствуют какие-либо правовые последствия в случае невыполнения стороной своих обязательств по медиативному соглашению.

Во-вторых, слаборазвитая программа обучения профессиональных медиаторов. На современном этапе необходимо развитие многоступенчатой системы обучения медиации, включающей: разработку базовых программ, позволяющих получить основные знания о медиации (эти программы позволят специалистам различных сфер деятельности получить необходимые знания о медиации, связанные с возможностями медиации и ее применением на практике); разработку программ подготовки медиаторов; разработку программ обучения специалистов, которые заинтересованы в получении знаний о медиации, в целях использования их в своих профессиональных целях с учетом специфики их деятельности (судьи, судебные приставы, служащие иных госструктур).

В-третьих, несмотря на то, что в России проводится работа, направленная на формирование эффективной государственной политики в области медиации по ее широкомасштабной интеграции в различные сферы деятельности и популяризации среди населения, медиация как альтернативная процедура урегулирования споров до сих пор мало известна российской общественности.

В-четвертых, в ст. 15 Закона о медиации содержится прямой запрет на оказание медиатором какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь сторонам спора (конфликта).

Рассматривая особенности китайской медиации, следует обратить внимание на следующие положения:

Во-первых, медиация в Китае входит в систему государственной исполнительной власти. Во-вторых, деятельность медиаторов в Китае носит добровольно-принудительный (общественный) характер, но оплачивается и поощряется из государственной казны. Соответственно и плата за медиацию со спорящих не взимается. В-третьих, Китай — это единственная страна в мире, где медиация (в китайской специфике конфликтология) закреплена в Конституции (ст. 111).

Из сказанного становится очевидным, институт медиации в Российской Федерации нуждается в более четкой правовой регламентации — принятие новых нормативно-правовых актов и совершенствование уже существующих.

Также, для развития института медиации необходимо выработать понимание у населения о процедуре медиации как альтернативного способа урегулирования споров.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что институт медиации является самостоятельным правовым институтом, хоть и не до конца сформировавшимся и требующим совершенствования. Применение данной процедуры позволит сократить количество рассматриваемых дел и снизить количество исковых заявлений на небольшие суммы, значительно уменьшить нагрузку на судей, а также минимизировать издержки и расходы участников судебных процессов, сократить сроки рассмотрения дела и повысить исполнимость судебных актов. Благодаря этому повысится качество правосудия.

Литература

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 3. ст. 4162.

2. Закон КНР «О народной медиации». URL: https://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2014/02/China_Peoples_Mediation_Law_2010_Russian_translation.pdf

3. Азарнова А. Н. Медиация: искусство примирять. Технология посредничества в урегулировании конфликтов. Москва: Инфотропик Медиа, 2015. 288 с.

INSTITUTE OF MEDIATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: A COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Tatiana B. Gneusheva
Senior Lecturer,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
tanyagneusheva88@mail.ru

The article is devoted to such a widely discussed problem as the use of the institution of mediation as an alternative way of resolving disputes. The author examines in a comparative legal aspect this institution in the Russian Federation and the People's Republic of China. The concept of the mediation procedure in China and Russia is analyzed, the requirements for a mediator are highlighted, the general principles on the basis of which the mediation procedure is carried out are highlighted. The author also identifies the advantages of mediation in both countries, such as: confidentiality, the voluntary nature of the procedure and the freedom to choose a mediator, minimal time expenditures and the main problems of applying the mediation procedure in Russia. In conclusion, the author summarizes the comparative legal analysis of this institution.

Keywords: mediation, People's Republic of China, Russian Federation, alternative dispute resolution, conflict resolution.

**ПРИМЕНЕНИЕ УПРОЩЕННЫХ ФОРМ СУДОПРОИЗВОДСТВА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

© **Михина Елена Геннадьевна**

кандидат юридических наук, доцент
Института права и национальной безопасности,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
Россия, г. Тамбов
mikhina.elena2017@yandex.ru

Ускорение порядка расследования и рассмотрения уголовного дела с одновременным повышением экономичности процесса повлекли широкое использование упрощенных форм, что обуславливает актуальность изучения данной проблематики. Предметом исследования являются процедуры ускоренного производства по уголовному делу в республике Беларусь, согласительной процедуры в Казахстане, особого порядка рассмотрения уголовного дела (Россия), а также ускоренного порядка судебного разбирательства, предусмотренного в законодательстве Армении. Использование сравнительно-правового метода, в совокупности с применением системного анализа способствует достижению цели влияния процедур упрощенного производства по уголовным делам на соблюдение принципов уголовного процесса и процессуальных гарантий сторон. В статье анализируются статистическая информация, особенности законодательного регулирования, проводится сравнительное исследование существующих процедур упрощенного рассмотрения дел в странах Евразийского экономического Союза, выявляются нормы права и юридические практики, демонстрирующие наибольшую эффективность, формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования, что представляет значимость в исследовательском и практическом планах.

Ключевые слова: особый порядок, уголовный процесс, ускоренное производство, Беларусь, согласительные процедуры, Казахстан, уголовно-процессуальное законодательство Армении, доказывание, гарантии участников уголовного судопроизводства.

Стремление обеспечить оптимизацию расходов на уголовное преследование, добиться сокращения сроков судопроизводства с одновременным повышением эффективности использования ресурсов правоохранительной и судебной систем привело к введению в уголовный процесс процедур упрощенного рассмотрения некоторых категорий уголовных дел.

В настоящее время подобные процедуры имеются в уголовно-процессуальном законодательстве стран-членов Евразийского экономического Союза. За последние десятилетия они широко распространились и приобрели большую популярность.

К примеру, по официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2018 г. в особом порядке было рассмотрено 62% дел [8, с. 2], в 2020 г. — около половины от общего количества [9, с. 2].

Особый порядок рассмотрения, введенный в России в начале 2000-х годов, предусматривает как цель гуманизации законодательства, так и дает возможность рассмотреть дело без проведения многократных заседаний, публичного

изучения доказательств, вызова и допроса экспертов, свидетелей, что позволяет снизить затраты на отправление правосудия.

Обязательным условием для применения особого порядка является признание подсудимым вины и предъявленного обвинения, а также согласие потерпевшего, частного или государственного обвинителя на данную процедуру (гл. 40 УПК РФ) [с. 209,7].

Изначально статья 314 УПК РФ [7] давала право использования особого порядка только в отношении преступлений средней и небольшой тяжести, позже под действие главы 40 УПК РФ подпали также тяжкие преступления с санкциями до 10 лет лишения свободы.

Верховный Суд РФ в 2019 г. предложил отказаться от применения особого порядка по делам о тяжких преступлениях, что было сделано путем внесения законодателем соответствующих изменений.

По делу, рассматриваемому в России в особом порядке, исследование и оценка доказательств в полном объеме не проводятся, однако изучаются обстоятельства, отягчающие или смягчающие наказание, сведения о личности подсудимого [3, с. 65]. Согласие подсудимого с обвинением дает ему право на назначение наказания в размере не превышающем 2/3 от максимального, предусмотренного санкцией статьи

Следует отметить, что даже при рассмотрении дела в общем порядке суды редко назначают наказание, превышающее 2/3 от максимально возможной санкции за преступление.

Особенностью российского процесса является то, что признание вины обычно осуществляется на стадии предварительного расследования, сторона обвинения при этом не берет на себя никаких определенных обязательств в части размера и вида наказания, которые запросит в судебном процессе. Обвиняемый лишь надеется на гуманность приговора и снисхождение суда [4, с. 11] По мнению многих ученых и аналитиков реальной гуманизации наказания данные нормы не принесли.

Законодательство республики Армения во многом пошло по пути аналогичному нашему. Нормы раздела 9.1 УПК Армении «Ускоренный порядок судебного разбирательства» [11] максимальной приближены к российскому способу реализации идеи упрощенного производства.

В качестве отличий следует отметить, что до настоящего времени, в ускоренном порядке, в Армении подлежат разрешению дела о преступлениях, имеющих санкции до 10 лет лишения свободы [11].

Кроме того, если при вынесении обвинительного приговора в ускоренном порядке суд установит, что две трети от максимально строгого наказания меньше предусмотренного за преступление максимально мягкого наказания, то он назначает максимально мягкое наказание.

Уголовно-процессуальное законодательство республики Казахстан при признании подсудимым своей вины и применении в отношении него согласительных процедур дает ему конкретные процессуальные гарантии, путем заключения соглашения в форме сделки о признании вины уже на досудебной стадии [6, с. 185].

В частности, во исполнение требований ст. 616 УПК РК [13] такое соглашение содержит перечень действий, которые подозреваемый, обвиняемый обязуются совершить после заключения сделки, в тоже время в нем обозначается вид и

размер наказания, о котором будет ходатайствовать прокурор перед судом. Российское законодательство не имеет аналогов такой процедуры, в тоже время подобный подход представляется наиболее эффективным, обеспечивающим защиту прав подсудимого и реализацию законных интересов стороны обвинения.

Другой важной казахстанской новеллой является такой способ выстраивания уголовного процесса, который позволяет в случае признания лицом вины одновременно упростить и ускорить досудебную и судебную стадии рассмотрения дела о преступлении или уголовном проступке.

В силу ст. 615 УПК КР подсудимый, подозреваемый или обвиняемый, могут ходатайствовать о заключении процессуального соглашения в форме сделки о признании вины (по преступлениям небольшой, средней тяжести либо тяжким преступлениям). Поступившее от них ходатайство в течение 3-х суток направляется прокурору для решения в 7-дневный срок вопроса о заключении процессуального соглашения [13].

В случае отсутствия необходимости проведения следственных и процессуальных действий после заключения соглашения в форме сделки о признании вины досудебное расследование по делу считается оконченным, и прокурор незамедлительно направляет его в суд без обвинительного акта, о чем уведомляет потерпевшего. Сокращенное судебное разбирательство должно быть окончено в срок до 10 суток (ст. ст. 382, 625 УПК РК).

В уголовном процессе Белоруссии имеется похожий порядок рассмотрения дел — «Ускоренное производство» (гл. 47 УПК РБ) [12].

Ускоренное производство (Беларусь), согласительное производство (Казахстан), особый порядок (Россия), ускоренный порядок судебного разбирательства служат достижению одних и тех же целей: упрощение, ускорение и удешевление процедуры уголовного преследования.

В УПК Белоруссии, также как в Казахстане обеспечен более комплексный подход, по сравнению с Россией и Арменией, к решению данной задачи: процедура рассмотрения дела упрощается и на стадии следствия, и в суде.

Отличительной чертой Белорусского нормотворчества служит четкое законодательное определение процессуальных сроков как на стадии следствия (не более десяти суток до передачи прокурору дела для направления в суд — ст.453 УПК БР) [12], так и на стадии судебного разбирательства. В силу статьи 457 УПК БР [12] судье предоставлено 5 суток со дня поступления дела для назначения даты его рассмотрения.

Такой подход гарантирует оперативное рассмотрение уголовных дел, дает сторонам четкое представление о процедуре и сроках разрешения дела и прохождения каждого этапа.

В российском законодательстве в отличии от Беларуси и Казахстана нет единой ускоренной процедуры, решение об особом порядке принимается при поступлении дела в суд, оно поставлено не только в зависимость от позиции подсудимого по признанию вины и категории уголовного дела как в Белоруссии, но и от позиции потерпевшего и государственного обвинителя, которые могут заявить о своем несогласии (по любым основаниям или немотивированно).

В России процессуальные сроки более длительные, чем в Казахстане Белоруссии.

Суд общей юрисдикции[14] вправе начать рассмотрение дела не позднее 45 суток с момента поступления дела (ст. ст. 227, 233 УПК РФ). Мировой суд имеет до 14 дней со дня поступления уголовного дела (ч. 2 ст. 321 УПК РФ).

Белорусские коллеги в срок не более 5 дней успевают выполнить комплекс действий практически аналогичных тем, которые совершают российские судьи[12]. В Казахстане[13] судебная часть согласительной процедуры подлежит завершению в течение 10 дней.

В России, Армении, Казахстане прокурор должен участвовать при рассмотрении судом дела в ускоренном (особом) порядке.

В Республике Беларусь участие прокурора в ускоренном производстве не всегда обязательно. В этой стране часто используется процедура заочного принятия решений в отсутствие государственного обвинителя и сторон процесса, не имеющая аналогов в отечественной правовой системе.

При направлении в суд дела соответствующей категории, прокурор высказывает свое мнение о допустимости заочного приговора либо о рассмотрении дела без его участия [12]. При очном рассмотрении судебное следствие начинается без оглашения обвинения, предъявленного лицу, что также является нехарактерным для российского процесса.

Заочное производство дает возможность постановить приговор без судебного разбирательства и вызова сторон.

Применение упрощенных и ускоренных процедур в странах Евразийского экономического способствует быстрому и оперативному выполнению задач уголовного процесса, оправданно с позиции сокращения издержек, снижения нагрузки на прокурорский сотрудников, судебский корпус и адвокатов. Одновременно можно констатировать некоторое снижение эффективности гарантий строгого соблюдения принципов законности, презумпции невиновности [1, с. 16], судебной защиты прав и свобод человека и гражданина [2, с. 7], других основных начал уголовного процесса.

Выводы:

1) Институты согласительного и ускоренного производств, особого порядка доказали свою эффективность на практике и способствовали оптимизации уголовного процесса, минимизации затрат ресурсов участников процесса и сокращению издержек;

2) Столкнувшись с проблемой очевидной недостаточности правовых гарантий подсудимых, правовая система Казахстана нашла эффективное решение в виде заключения сделки о признании вины, создав механизм достойный максимального изучения, возможно даже заимствования для других государств-участников Евразийского экономического Союза;

3) В Российском законодательства вектор изменений уголовного процесса, направленный на усиление гарантий подсудимых и иных участников упрощенных форм, имеет нереализованную тенденцию для дальнейшего развития [5, с. 62]. В особом порядке отказ от полноценного доказывания следует уравновесить высоким уровнем защищенности. К примеру, дополнить статью 316 УК РФ требованием о проведении в судебном заседании допроса подсудимого по всем обстоятельствам предъявленного ему обвинения, чтобы минимизировать риск самоговора подсудимого либо признания вины под угрозой или в силу иных обстоятельств. Аналогичная норма, содержащаяся в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь, зарекомендовала свою обоснованность и целесооб-

разность. Так, статья 459 УПК РБ устанавливает, что подсудимому предлагается дать показания по поводу предъявленного обвинения. Затем ему могут быть заданы вопросы участниками процесса: потерпевшим, гражданским истцом, их представителями, защитником, гражданским ответчиком, его представителем.

4) Положительная практика многолетнего применения в белорусском процессе более коротких сроков судопроизводства (в ускоренном производстве), чем в России, позволяет сделать вывод о возможности успешного сокращения по делам, рассматриваемым в особом порядке, процессуальных сроков, что будет способствовать оптимизации судопроизводства.

Литература:

1. Александров А. И. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России: актуальные проблемы // Российский следователь. 2019. № 8. С. 15–18.
2. Арефинкина Е. Г., Ратьков А. Н. Реализация принципов уголовного процесса в приговорах, постановленных в особом порядке судебного разбирательства // Вестник СИМБиП. 2016. № 1. С. 2–19.
3. Беляев М. В., Качалова О. В. Судебные решения в российском уголовном процессе: актуальные теоретические и практические проблемы // Правосудие. 2020. Т.2, № 2. С. 49–66. DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.49-66
4. Качалова О.В. гарантированного права на особый порядок нет ни у одного обвиняемого//Уголовный процесс. 2020. № 9 (189). С. 9–12.
5. Корнакова С. В., Щербаков В. А. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: гарантии справедливости постановления приговора. // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 58–65.
6. Корнакова С. В., Мищенко Е. В., Мишин В. В. Применение согласительных процедур в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 176–186. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.176-186.
7. Красильников А. В. О правовой сущности особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц // Академическая мысль. 2019. № 3(8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovoy-suschnosti-osobogo-poryadka-proizvodstva-po-ugolovnym-delam-v-otnoshenii-otdelnyh-kategoriy-lits> (дата обращения: 12.05.2021).
8. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год//Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/F1-svod_vse_sudy-2019.xls (дата обращения 02.05.2021).
9. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/F1-svod_vse_sudy-2020.xls (дата обращения 28.05.2021). Текст: электронный.
10. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 28.05.2021). Текст: электронный.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.09.1998 № НО-248. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=82645> (дата обращения 28.05.2021). Текст: электронный.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1993 №295-3 — Законодательство стран СНГ — информационная система Континент. URL: http://continent-online.com/document/?doc_id=30414958#pos=3884;-61 (дата обращения: 25.05.2021). Текст: электронный.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения 25.05.2021). Текст: электронный.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в редакции от 08.12.2020) Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения 21.05.2021). Текст: электронный.

15. Хупсергенов Х. М. Институт особого порядка судебного разбирательства: проблемы правоприменения и перспективы дальнейшего развития // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 7А. С. 266-272. DOI: 10.34670/AR.2020.29.37.034

APPLICATION OF SIMPLIFIED FORMS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS
OF THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION:
COMPARATIVE ANALYSIS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Elena G. Mikhina

Cand. Jur. Sciences, Associate Professor,
Derzhavin Tambov State University
mikhina.elena2017@yandex.ru

The acceleration of the procedure of investigation and consideration of a criminal case, while increasing the cost-effectiveness of the process, led to the widespread use of simplified forms, which determines the relevance of studying this issue. The subject of the study is the procedure of accelerated criminal proceedings in the Republic of Belarus, the conciliation procedure in Kazakhstan, the special procedure for the consideration of a criminal case (Russia), as well as the accelerated procedure for judicial proceedings provided for in the legislation of Armenia. The use of the comparative legal method, together with the use of system analysis, contributes to the achievement of the goal of the influence of simplified criminal proceedings on compliance with the principles of criminal procedure and procedural guarantees of the parties. The article analyzes statistical information, features of legislative regulation, conducts a comparative study of the existing procedures for simplified consideration of cases in the countries of the Eurasian Economic Union, identifies the norms of law and legal practices that demonstrate the greatest effectiveness, and formulates proposals for improving legal regulation, which is important in research and practical terms.

Keywords: special procedure, criminal procedure, accelerated proceedings, Belarus, conciliation procedures, Kazakhstan, criminal procedure legislation of Armenia, evidence, guarantees of participants in criminal proceedings.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ,
ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ В УСЛОВИЯХ
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ (НА ПРИМЕРЕ
ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА)**

© **Пастушенко Артем Александрович**
аспирант юридического факультета,
Хабаровский государственный университет экономики и права
Россия, г. Хабаровск
Gotthard89@rambler.ru

Взятые на себя обязательства государство выполняет, используя имеющееся у него ресурсы, например денежные средства. Их правильное использование особенно актуально при наступлении непредвиденных ситуаций. В это время должен быть обеспечен необходимый уровень защиты от посягательств на такие средства.

В статье на примере отдельных стран Азиатско-Тихоокеанского региона рассмотрены способы уголовно-правовой защиты от преступных воздействий на денежные средства, предназначенные для устранения чрезвычайных обстоятельств, например природного и техногенного характера. Посредством компаративного метода проведен комплексный сравнительно-правовой анализ норм уголовного законов с целью выяснения характерных особенностей составов преступлений и установления оправданности выделения самостоятельных, специфических норм. Результатом исследования является выявление общих и специфических черт в подходе к решению вопроса уголовно-правовой охраны средств, необходимых для устранения чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: бюджетные средства, Уголовный кодекс Китая, нецелевое расходование, Уголовный кодекс Вьетнама, чрезвычайная ситуация

Поддержание уровня благосостояния и возможность его дальнейшего улучшения в современных условиях зависит от количества вовлеченных в оборот денежных средств. Государство как участник правоотношений ответственно не только за изыскание источников и привлечение необходимых ресурсов для выполнения своих функций, но и за обеспечение должного уровня юридической защиты этих ресурсов. Поскольку чистое декларирование взятых на себя обязательств без подкрепления их материальными благами приведет к полной деградации государства как системы.

Важность такого механизма защиты в значительной степени возрастает в случаях, когда речь идет о денежных средствах, используемых для решения задач в условиях возникновения неотложных, чрезвычайных обстоятельств. Достаточно отметить, что по сведениям Международного валютного фонда власти стран по всему миру затратили порядка 16 трлн. \$ на мероприятия по борьбе с пандемией COVID-19 [1].

Это пример чрезвычайного обстоятельства глобального характера. Но каждый день государства сталкиваются с ситуациями природного и техногенного характера, устранение последствий которых сопряжено с затратой большого количества средств.

Сам факт таких затрат негативно сказывается на экономической системе государства. Однако еще большие потери будут понесены если выделенные ресурсы «не найдут своего адресата». Будь то неполучение пострадавшим гражданином

соответствующей помощи или несвоевременный разбор завалов на месте происшествия. В конечном итоге негативные последствия затронут как отдельного взятого жителя такой страны, так и всю систему государственного управления.

Осознавая важность недопущения таких ситуаций отдельные страны, в частности страны, относящиеся к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, пошли по пути установления уголовной ответственности за неправомерное использование бюджетных средств, предназначенных для решения задач в условиях чрезвычайных обстоятельств.

Речь идет о Китайской Народной Республике и Социалистической Республике Вьетнам.

Уголовный кодекс КНР от 01 октября 1997 г. (далее — УК КНР) [3,4] содержит две статьи, которые прямо предусматривают ответственность за вышеуказанные нарушения — ст. 273 и ч. 3 ст. 384.

Так, ст. 273 УК КНР установлена уголовная ответственность за использование не по назначению средств и вещей, предназначенных для помощи во время стихийных бедствий, для служб оперативного реагирования, для принятия предупредительных мер против паводков, для оказания материальной помощи семьям павших героев, семьям военнослужащих, инвалидам войны, для поддержки малоимущих, переселенцев, для оказания иной помощи, при отягчающих обстоятельствах, если это причинило значительный ущерб государственным и общественным интересам.

Как видно преступным признается любое использование на иное назначение средств, которые имели строго целевой характер. При этом для квалификации действий требуется наступление последствий («если это причинило значительный ущерб государственным и общественным интересам»).

Что касается субъекта преступления, то используемая формулировка «лица, непосредственно ответственные за использование не по назначению средств и вещей» позволяет отнести их к числу специальных. При этом данная «специальность» субъекта заключается в наличии у него определенных правомочий в отношении конкретных средств и вещей, что позволяет прийти к выводу о том, что лицо не обязательно должно иметь статус должностного.

Важно отметить, что субъективная сторона этого состава преступления не обременена обязательным наличием факультативных признаков, таких как мотив и цель.

Антиподом, в части перечисленных признаков, выступает состав преступления, описанный в ч. 3 ст. 384 УК КНР.

Данной нормой установлено, что уголовно наказуемо использование в личных целях средств, предназначенных для помощи во время стихийных бедствий, для служб оперативного реагирования, для принятия предупредительных мер против паводков, для оказания материальной помощи семьям павших героев, семьям военнослужащих, инвалидам войны, для поддержки малоимущих, переселенцев, для оказания иной экстренной помощи.

Для понимания природы этого преступления необходимо учитывать, что указанная норма является квалифицированным составом преступления — «присвоение казенных средств» (ч. 1 ст. 384), наказание за которое могут понести только специальные субъекты — государственные служащие.

Также в отличие от вышеописываемой нормы, к признакам нарушения, указанного в ч. 3 ст. 384 УК КНР относится наличие личной цели для достижения

которой и используются казенные средства или цели, связанной с ведением противозаконной деятельности.

Порядок описания диспозиции позволяет прийти к выводу, что этот состав преступления относится к числу формальных, поскольку для признания деяния преступным не требуется наступления последствий.

Относительно ответственности должностных лиц, также выделим ст. 397 УК КНР (злоупотребление служебными полномочиями или халатное отношение к служебным обязанностям работников государственных органов, причинившие крупный ущерб общественной собственности или государственным и народным интересам). В рамках которой также можно было бы квалифицировать неправомерное использование бюджетных средств, предназначенных для решения задач в условиях чрезвычайных обстоятельств.

Однако в этой статье прописано, что если указанные действия подпадают под действие других статей настоящего Кодекса, то наказание определяется в соответствии с этими статьями. Иными словами специальная норма превалирует над общей.

Анализ названных законоположений будет неполным без рассмотрения санкций.

Статья 273	Часть 3 статьи 384	Статья 397
– лишение свободы на срок до 3 лет или арестом; – лишением свободы на срок от 3 до 7 лет (при особо отягчающих обстоятельствах).	наказывается более строго в пределах санкции части первой настоящей статьи (лишение свободы от 10 лет до пожизненного).	– лишением свободы на срок до 3 лет или арестом; – лишением свободы на срок от 3 до 7 лет (при особо отягчающих обстоятельствах). – лишение свободы на срок до 5 лет или арестом (наличие корыстных побуждений); – лишение свободы на срок от 5 до 10 лет (наличие корыстных побуждений и совершение при особо отягчающих обстоятельствах).

Очевидно, что наказания носят соразмерный характер и не создается впечатление о наличии привилегированных составов преступления.

Второй страной, которая представляет интерес в рамках заявленной темы, как уже было обозначено, является Социалистическая Республика Вьетнам, чей уголовный закон (далее — УК Вьетнама) [2] включает в себя ст. 231 «Умышленное нарушение правил распределения денежных средств и товаров для оказания помощи».

Объективная сторона заключается в злоупотреблении лицом своим положением или полномочиями, действующим вопреки установленных правил распределения денежных средств или товаров, предназначенных для оказания помощи, приводящем к ущербу на сумму от 100 млн. до 300 млн. донгов.

Формулировка «денежных средств и товаров, предназначенных для оказания помощи» может быть интерпретирована в том числе, как средств товаров, кото-

рые предназначались для оказания помощи, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций.

Ключевым признаком субъекта ст. 231 УК Вьетнама является наличие у него полномочий по распоряжению средствами и товарами, предназначенных для оказания помощи, что позволяет отнести его к числу специальных. При этом таковым может быть не только должностное лицо.

В части 2 характеризуемой статьи раскрыты квалифицированные признаки. Таковыми являются: совершение преступления организованной группой; совершение преступления два и более раз; причинение ущерба на сумму 300 млн. донгов и более; наступление неблагоприятных последствий для социальной защиты, порядка и безопасности.

В целях выяснения охранного потенциала нормы важно сопоставить ее с классическим злоупотреблением должностными полномочиями, которое в УК Вьетнама отражено в ст. 356.

Статья 231	Статья 356
<p>Часть 1: предупреждение; штраф от 50 млн. до 200 млн. донгов; общественные работы сроком до 2 лет.</p> <p>Часть 2: штраф от 200 млн. до 1 млрд. донгов; лишение свободы сроком от 1 года до 5 лет.</p> <p>В качестве дополнительного наказания — лишение права занимать определенные должности сроком от 1 года до 5 лет.</p>	<p>Часть 1: общественные работы сроком до 3 лет; лишение свободы сроком от 1 года до 5 лет.</p> <p>Часть 2: лишение свободы сроком от 5 до 10 лет.</p> <p>Часть 3: лишение свободы сроком от 10 до 15 лет.</p> <p>В качестве дополнительного наказания — лишение права занимать определенные должности сроком от 1 года до 5 лет или штраф от 10 млн. до 100 млн. донгов.</p>

Как видно санкция ст. 356 УК Вьетнама во всех случаях жёстче. Если действия должностного лица, описанные в ст. 231 УК Вьетнама, будут в конечном итоге квалифицированы именно по этой статье, а не по норме за злоупотребление должностными полномочиями, то такой подход законодателя и правоприменителя не оправдан и порождает в некоторой степени возможность ухода от реальных мер уголовно-правового воздействия.

При этом отметим такую особенность системы уголовных норм Социалистической Республики Вьетнам как определение случаев неправомерного использования средств, предназначенных для устранения чрезвычайных обстоятельств как квалифицированных признаков в классических составах преступления (например, растрата или присвоение).

Так в ст. 353 и 355 УК Вьетнама отягчающим обстоятельством являются случаи, когда подвергшиеся преступному воздействию средства или имущество предназначались для сокращения бедности, предоставления пособий ветеранам боевых действий, взносов в резервные фонды, оказания экстренной помощи людям в районах, пострадавших от стихийных бедствий или эпидемий, или в крайне неблагополучных районах.

В этой ситуации количественный показатель применяемых санкций возрастает в два раза (например, по ст. 355 УК Вьетнама срок лишения свободы от 1 года до 6 лет «трансформируется» в срок от 6 до 13 лет).

Подводя итог, отметим следующее:

1) Законодателем КНР и Вьетнама важна уголовно-правовая охрана средств, необходимых для решения вопросов в сфере чрезвычайных ситуаций обозначена по двум направлениям: выделение самостоятельных норм и отражение специфики в рамках отягчающих обстоятельств. Оправданность такого подхода спорна. По нашему мнению, оптимален вариант, при котором общеизвестные составы преступления, такие как присвоение и растрата, злоупотребление должностными полномочиями снабжались бы отягчающими обстоятельствами, в которых бы и выражалась соответствующая специфика;

2) Выявленный дисбаланс в санкциях УК Вьетнама не согласуется общепризнанными принципами уголовного права и должен быть устранен;

3) Общим «недугом» проанализированных законов является наличие оценочных категорий, без должного раскрытия которых у правоприменителя могут возникать проблемы (например, «значительный ущерб государственным и общественным интересам»).

Литература

1. Сетевое издание IZ.RU. URL: <https://iz.ru/1144432/2021-03-30/v-mvf-podschitali-raskhody-stran-na-borbu-s-koronavirusom> (дата обращения: 25.05.2021).

2. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. URL: http://vbpl.vn/botuphap/Pages/vbpq-toanvan.aspx?ItemID=96122&Keyword=#Phan_nh%E1%BA%A5t_Chuong_I (дата обращения: 28.05.2021). Текст: электронный.

3. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 01 октября 1997 г. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/201802/t20180206_364975.shtml (дата обращения: 26.05.2021). Текст: электронный.

4. Уголовный кодекс Китая: Сборник документов / под ред. А. И. Коробеев. Москва: Контракт, НИЦ ИНФРА-М, 2017. 256 с.

CRIMINAL PROTECTION OF BUDGETARY FUNDS, INTENDED FOR SOLVING PROBLEMS UNDER EMERGENCY CIRCUMSTANCES, ON THE EXAMPLE OF SEPARATE COUNTRIES OF THE ASIAN-PACIFIC REGION

Artyom A. Pastushenko

postgraduate student of the Faculty of Law

Khabarovsk State University of Economics and Law Russia, Khabarovsk

Gotthard89@rambler.ru

The state fulfills its obligations using the resources it has, for example, money. Their correct use is especially important when unforeseen situations occur. Especially at this time, the necessary level of protection against encroachments on such funds must be provided.

Using the example of individual countries of the Asia-Pacific region, the article examines methods of criminal legal protection against criminal influences on funds intended to eliminate emergency circumstances, for example, natural and man-made. By means of the comparative method, a comprehensive comparative legal analysis of the norms of criminal laws was carried out in order to clarify the characteristic features of the corpus delicti and establish the justification for identifying independent, specific norms. The result of the study is to identify common and specific features in the approach to solving the issue of criminal law protection of the means necessary to eliminate emergency situations.

Keywords: budget funds, the Criminal Code of China, misappropriation, the Criminal Code of Vietnam, emergency

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РАСКРЫТИИ
И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

© **Потапов Сергей Александрович**

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
Россия, г. Тамбов
potapov.1995@yandex.ru

Актуальность статьи обусловлена комплексным исследованием криминалистического значения неотложных следственных действий в раскрытии и расследовании преступлений. Цель статьи — проанализировать криминалистическое значение неотложных следственных действий, через взаимоотношения органа дознания и предварительного следствия, возникающих при раскрытии и расследовании преступлений. Реализация поставленной цели достигается использованием законов диалектики, формальной логики и применением общенаучных и частнонаучных методов исследования. В статье исследуются основные схемы раскрытия и расследования соответственно, неочевидных и латентных преступлений, имеющих условное название «от преступления к лицу» и «от лица к преступлению», в которых происходят взаимоотношения органа дознания и предварительного следствия. Рассматриваются неотложные следственные действия осуществляемые органом дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, через схему «от лица к преступлению». Определяется их цель в раскрытии и расследовании преступлений — обнаружение и фиксация следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. Определяются проблемы в их взаимоотношениях.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, орган дознания, предварительное следствие, взаимоотношения органа дознания и предварительного следствия, раскрытие и расследование преступлений.

Институт неотложных следственных действий имеет важное значение в раскрытии и расследовании преступлений. В своем историческом развитии он претерпел серьезные изменения, однако и современное его состояние вызывает определенные споры среди ученых.

Уголовно процессуальный закон в п.19 ст.5 УПК РФ дает следующее понятие неотложным следственным действиям: «действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования» [1].

В ст. 40 УПК РФ, в которой, в частности, определяются полномочия органов дознания, также подтверждается, что именно на них возлагается выполнение действий обозначенных в п.19 ст.5 УПК РФ. При этом порядок их проведения определяется ст.157 УПК РФ, в которой, в частности отмечается, что орган дознания возбуждает уголовное дело, производит по нему неотложные следственные действия и направляет его не позднее 10 суток, руководителю следственного органа.

При этом рассматриваемый институт имеет для раскрытия и расследования не только процессуальное, но и криминалистическое значение. Например, Н.П. Яблоков в своих работах указывал, что понятие неотложные следственные действия носят и криминалистический, и уголовно-процессуальный характер. Так неотложными с точки зрения криминалистики являются такие следственные действия, которые проводятся на начальном этапе расследования преступления и направлены на выявление и закрепление его следов. Криминалисты в своих исследованиях имеют разные мнения относительно данного института. Например, Б. Т. Безлепкин в своей работе указывает, что в вопросе о неотложных следственных действиях речь идет вовсе не об условиях, а о важнейшей проблеме соотношения дознания и предварительного следствия.

Для наглядности происходящих в этой ситуации процессов рассмотрим основные схемы взаимоотношений органа дознания и предварительного следствия в раскрытии и расследовании преступлений, так как именно эти процессы привели первоначально к зарождению, а потом и выходу из криминалистики теперь уже самостоятельной науки — теории оперативно-розыскной деятельности. Многолетняя практика противодействия преступности в Российской Федерации доказывает, что достаточно сложно, а зачастую и совсем невозможно раскрыть преступление исключительно с помощью процессуальных средств. Например, В. Т. Томилин по этому поводу отмечает следующее: «... уголовный процесс без ОРД в большинстве случаев, по серьезным делам, бессилён, а ОРД без выхода через уголовный процесс бесплодна» [2, с. 44].

Первая схема раскрытия и расследования неочевидного преступления условно называется — «от преступления к лицу». По такой схеме обычно раскрываются низкочеловеческие преступления. В данной ситуации следователь возбуждает уголовное дело по факту совершенного преступления, а орган дознания осуществляет его оперативное сопровождение. При этом следователь проводит первоначальные следственные действия, а оперативный сотрудник, преимущественно негласные оперативно-розыскные мероприятия направленные на достижение одной совместной цели — раскрытие преступления. На этом этапе следственные действия направлены на закрепление следов преступления и установление лиц, его совершивших, то есть, по своей сути являются неотложными. В свою очередь применение оперативным сотрудником негласных методов ОРД позволяет ему обнаружить тайные следы преступления, которые затруднительно установить гласными методами следственной деятельности. На данном этапе орган дознания действует самостоятельно, координируя свои действия со следователем. Первоначальный этап заканчивается с появлением в деле подозреваемого лица. С данного момента орган дознания прекращает свою инициативную работу по уголовному делу и может подключаться к нему только для выполнения отдельных письменных поручений следователя. Анализ практики показывает, что раскрытие и расследование преступлений по данной схеме в основном осуществляется заранее сформированной следственно-оперативной группой, в которую кроме следователя входят оперативный сотрудник, специалист и кинолог.

Следующая схема — «от лица к преступлению» позволяет раскрывать и расследовать латентные преступления. К латентным следует отнести такие преступления как, экономические, коррупционные, экологические, в сфере высоких технологий, бытовые насильственные и т. д. В данном случае следователь не может преступить к их расследованию в виду отсутствия повода — заявления о совер-

шенном преступлении, необходимого для возбуждения уголовного дела. Поэтому инициатива в раскрытии данных преступлений, в большинстве случаев, принадлежит оперативному сотруднику органа дознания, который в рамках дела оперативного учета проводит оперативно-розыскные мероприятия, направленные на поиск признаков, подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, а также выявление лиц, участвующих в этих процессах. На этом этапе эти мероприятия носят ярко выраженный разведывательно-поисковый характер. Появление в деле фигуранта причастного к совершению латентного преступления дает ему право приступить к документированию его преступных действий. С этого момента оперативный сотрудник, используя весь комплекс сил, средств и методов ОРД приступает к оперативной разработке данного лица. С появлением в деле проверенных данных указывающих на признаки подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, позволяет ему приступить к их реализации. Согласно ст. 11 ФЗ «Об ОРД» эти данные могут использоваться им как: «повод и основание для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении.» [3].

Передача органом дознания материалов разработки органу предварительного следствия определяется УПК РФ, ФЗ «Об ОРД», «Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд» [4].

При реализации материалов оперативной разработки у органа дознания обычно возникают две оперативно-тактические ситуации. Первая, когда материалы разработки передаются следователю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, либо, когда следователь, по тем или иным причинам не может совершить эти действия, возбудить это дело самому. По первому варианту, взаимосвязь органа дознания и следователя, на этапе возбуждения уголовного дела, обычно реализуется в следующих формах: совместное ознакомление с материалами разработки до возбуждения уголовного дела; совместная разработка плана реализации этих данных; согласование плана реализации с начальником органа дознания и руководителем следственного отдела, совместное проведение тактической (оперативно-тактической) операции.

Прежде чем приступить к рассмотрению второго варианта реализации материалов разработки следует отметить следующее, сотрудники оперативных подразделений согласно УПК РФ обладают статусом должностного лица органа дознания. Этот статус дает им право на одновременное проведение одним и тем же лицом как ОРМ, так и процессуальных действий при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно. Данный порядок разъясняется постановлением Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П в котором, по данному вопросу, указывается следующее: «... При этом органу дознания и действующему от его имени должностному лицу, которое проводило или проводит по уголовному делу ОРМ, не запрещается принимать решение о возбуждении уголовного дела и проводить направленные на первоначальное закрепление следов преступления неотложные следственные действия при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно» [5].

Как показывает практика, именно эта ситуация становится проблемной, когда оперативный сотрудник в ходе осуществления ОРД выявил признаки преступления и стоит перед фактом его пресечения. Обычно это происходит в ходе проведения таких оперативно-розыскных мероприятий, как «проверочная закупка» предметов запрещенных к обороту и «оперативный эксперимент», например, при задержании взяточника. В этой оперативно-тактической ситуации в виду дефицита времени на передачу и ознакомление материалов разработки следователю, оперативный сотрудник, как должностное лицо органа дознания, может самостоятельно возбудить уголовное дело и провести по нему неотложные следственные действия рассмотренные выше. По своей сути основным предназначением этих действий является выявление лица совершившего преступления, а по сути, его раскрытие. Например, И. Ф. Герасимов, одним из первых обратил внимание на то, что раскрытие преступлений как деятельность может охватывать работу оперативных работников, еще до возбуждения уголовного дела. Чтобы понять значимость данного вопроса достаточно обратиться к существующей статистике раскрытия и расследования преступлений. Например, по данным МВД России в 2020 году раскрыто 1032,0 тыс. преступлений, или 52% от всех совершенных. Не раскрытыми остались 963,8 тыс. преступлений, из которых 941,4 тыс. приостановлены в виду неустановления лица, обвиняемого в преступлении [6].

Однако анализ практики применения данной нормы показывает, что орган дознания обычно не реализует свое право указанное в УПК РФ, и не ставит следователя перед фактом возбужденного оперативными сотрудниками уголовного дела и проведенных по нему неотложных действий. Инструктивно правильным считается направлять материалы проверки по подследственности и после возбуждения следователями уголовного дела выполнять их письменные указания по проведению таких ОРМ как «проверочная закупка» или «оперативный эксперимент». Однако представители следственных органов, в свою очередь, отказывают органу дознания в приеме данных материалов, считая, что материалы проверки должны передаваться им после проведения указанных ОРМ и задержания лица с поличным. Данные процессы негативно влияют на конечный результат борьбы с коррупционными преступлениями, так как сложившаяся ситуация быстро меняется и требует незамедлительных действий правоохранительных органов [7, с. 446]. В некоторых регионах сформировалась практика, когда органы дознания после проведения ОРМ, по телефону сообщают информацию о его результатах дежурному сотруднику следственного органа. После чего, данная информация соответствующим образом регистрируется в книге регистрации сообщений о преступлении, и является основанием для выезда следователя на место происшествия.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Марфицин П. Г., Томин В. Т., Зинченко И. А. Уголовный процесс. Проблемные лекции: учебник для магистров / ответственный редактор В. Т. Томин, И. А. Зинченко. Москва: Юрайт, 2015. 799 с. (Авторский учебник). ISBN 978-5-9916-2180-9 // ЭБС Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/383383> (дата обращения: 30.05.2021). Текст: электронный.

3. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.

4. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: Приказ МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/5095071820/42/535/398/68 // Российская газета. 13 декабря. 2013. № 282.

5. Постановлением Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 УК РФ в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева». СПС Консультант Плюс (дата обращения: 30.05.21).

6. Министерство внутренних дел. URL: <https://мвд.рф/folder/101762>. (дата обращения: 30.05.2021). Текст: электронный.

7. Потапов С. А. Особенности возбуждения уголовных дел коррупционной направленности по материалам оперативно-розыскной деятельности. Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития: материалы VIII международной научно-практической конференции (Душанбе, 30 октября 2020 г.). Душанбе: РТСУ, 2020. С. 442–446.

THE FORENSIC SIGNIFICANCE OF URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES

Sergey A. Potapov

Cand. Jur. Sciences, Associate Professor
of the Criminal Law and Process Department,
Derzhavin Tambov State University
Russia, Tambov
potapov.1995@yandex.ru

The relevance of the article is due to a comprehensive study of the forensic significance of urgent investigative actions in the detection and investigation of crimes. The purpose of the article is to analyze the criminalistic significance of urgent investigative actions, through the relationship between the body of inquiry and the preliminary investigation, arising in the detection and investigation of crimes. The implementation of this goal is achieved by using the laws of dialectics, formal logic and the use of general scientific and private scientific research methods. The article examines the main schemes of disclosure and investigation, respectively, of non-obvious and latent crimes, "from crime to person" and "from person to crime", in which the relationship between the body of inquiry and the preliminary investigation takes place. Urgent investigative actions carried out by the body of inquiry in criminal cases, for which the preliminary investigation is mandatory, are considered through the "from person to crime". Their purpose in the detection and investigation of crimes is determined — the detection and fixation of traces of the crime, as well as evidence that requires immediate consolidation, seizure and research. The problems in their relationship are identified.

Keywords: urgent investigative actions, the body of inquiry, preliminary investigation, the relationship between the body of inquiry and the preliminary investigation, the disclosure and investigation of crimes. the criminalistic significance of urgent investigative actions in the detection and investigation of crimes

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ ОХРАНЯЕМОЙ ЗАКОНОМ ИНФОРМАЦИИ

© Репецкая Анна Леонидовна

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Восточно-Сибирский институт МВД РФ
Россия, г. Иркутск
repetsk@mail.ru

© Родивилин Иван Петрович

старший оперуполномоченный по особо важным делам отдела «К»,
ГУ МВД России по Иркутской области
Россия, г. Иркутск
377a@bk.ru

Предметом работы являются нормы уголовного закона, а также иных законов Российской Федерации, регламентирующие ответственность, возникающую при неправомерном доступе к охраняемой законом информации, нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи информации и информационно-телекоммуникационных сетей; состояние и структура преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации, факторы их детерминирующие, личность преступника, совершающего названные преступления, а также существующая система противодействия указанным преступлениям.

Цель работы состоит в выявлении особенностей и определении тенденций преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации, основных факторов, влияющих на выявляемые тренды и выработке новых научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовного законодательства, а также иных мер противодействия рассматриваемым преступлениям в сфере обращения охраняемой законом информации.

Методологическую основу работы составляют общенаучные и частнонаучные методы познания — метод системного анализа, сравнительно-правовой, формально-логический, логико-юридический и другие методы, широко используемые в юридической науке.

Результаты работы. Сформулировано определение понятия «преступление в сфере обращения охраняемой законом информации» в соответствии с действующим законодательством, проанализированы факторы, детерминирующие совершение преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации; исследовано состояние, структура и динамика совершения преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации

Область применения результатов. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для развития государственной политики противодействия киберпреступности, а также практического применения предложенных рекомендаций в правоприменительной деятельности по обеспечению информационной безопасности.

Вывод. Детерминанты преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации имеют многофакторный характер, к ним относятся: факторы правового характера, технические, социально-экономические, организационные, виктимологические. На основе проведенных авторами исследований выявлено, что в потерпевшие сами создают условия для совершения преступлений в сфере обращения охраняемой зако-

ном информации и их можно было бы не допустить при должной осмотрительности со стороны потерпевших. Также делается вывод о том, что основное внимание в предупреждении преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации должно уделяться виктимологической профилактике, заключающейся в обеспечении надежной защиты информации.

Ключевые слова: преступления в сфере компьютерной информации, факторы преступности, ddos-атака, кибератака, информационная безопасность.

Процесс оборота информации в Российской Федерации регулируется Федеральным законом Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7] (далее — ФЗ № 149-ФЗ), в котором закрепляются основные понятия: информация, электронный документ и др. Вместе с тем, отсутствие четкого понятийного аппарата, имеющего отношение к охраняемой законом информации и совершение в отношении нее преступлений, дает возможность манипулировать понятиями, вводить в заблуждение следствие и суд, тем самым уходить от уголовной ответственности.

В ст. 2 ФЗ № 149-ФЗ закреплено понятие информации — это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления, а в примечании 1 к ст. 272 УК РФ дается понятие именно компьютерной информации — сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Слово компьютер упоминается еще в 1897 году в Оксфордском словаре английского языка [4]. Российское законодательство не содержит легальной дефиниции данного понятия. Подобного рода пробел усложняет толкование и использование правоприменителем понятия «компьютерная информация». Термин «компьютерная информация» в современном научном словоупотреблении весьма многозначен и уже не относится к одному понятию компьютер, а распространяется на многие другие современные электронные устройства. Стоит обратить внимание на то, что компьютерная информация может находиться не только в компьютере, но и в периферийных устройствах (принтеры, сканеры и т. д.), телефонных аппаратах, планшетах, а также в киберпространстве (на сервере хостинг-провайдера или социальной сети).

Законодатели называют информацию и компьютерной, и цифровой, и электронной, и электронно-цифровой, как пример, отражение в федеральных законах понятия электронно-цифровой подписи или электронный документ.

Ряд ученых [2, 3] подвергают определению компьютерной информации, данное в Уголовном кодексе Российской Федерации критике, обосновывая это тем, что для передачи электронной информации могут быть использованы не только электрические сигналы, но и световые сигналы или электромагнитное излучение, имея ввиду оптоволоконный кабель, с помощью которого возможна передача данных. Однако, у определения «компьютерная информация», данного в Уголовном Кодексе Российской Федерации есть другие недостатки, подробно описанные в работах российских ученых [6, 8], исправить которые можно, если заменить указанную дефиницию на «цифровую информацию», изучение которой наблюдается в последние годы в работах некоторых ученых [1, 5].

Термин «электронная информация» расширяет количество устройств, в которых может находиться информация. Таким образом, аналоговый телевизор, микроволновую печь и т.п. тоже можно отнести к устройствам, в которых может обрабатываться электронная информация. Однако совершить неправомерный доступ к

ним невозможно, а также там, как правило, отсутствует охраняемая законом информация, к которой ограничили доступ.

Разделять информация на цифровую и аналоговую тоже не совсем верно в рамках юридических наук, так как это опять вызывает зависимость определения информации от устройства, в котором она находится.

На наш взгляд, необходимо отказаться от определения охраняемой законом информации через место ее нахождения, зависимость от какого-либо технического устройства, способ обработки. Охраняемая законом информация ограниченного доступа как предмет преступного посягательства — это сведения, на которые распространяется режим ограниченного доступа, установленный Конституцией РФ и Федеральными законами и ограниченными владельцем информации от неправомерного доступа. Собственно говоря, можно выделить два главных свойства охраняемой законом информации:

1. Владелец информации предпринял действия по ее защите, например, установил пароль.

2. Информация подпадает под сведения ограниченного доступа, режим оборота которых регулируется федеральным законом.

Совершение преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации, направленных на получение информации, находящейся в мобильных устройствах, связано с увеличением в России количества мобильных телефонов и другой носимой электроники. Пользователи фотографируют бумажные документы, экран рабочего монитора, отправляют фотографии и файлы с помощью мессенджеров и облачных сервисов.

Неправомерный доступ к охраняемой законом информации зачастую имеет схожий предмет преступного посягательства — охраняемую законом информацию и становится способом совершения иных преступлений, таких как нарушение тайны переписки, личной или семейной тайны, сбор информации, составляющей банковскую или коммерческую тайну. Указанные преступления имеют другой основной непосредственный объект, а в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК РФ отсутствует указание на такой способ совершения преступления. Однако практика показывает, что неправомерный доступ к информации зачастую рассматривается как способ совершения иного преступления и не выделяет реальную совокупность преступления, что, по нашему мнению, влечет недооценку общественной опасности содеянного.

В частности, в чем заключается и в чем выражается неправомерность доступа к охраняемой законом информации? Доступ к информации можно разделить на 2 группы:

- 1) доступ с использованием методов обхода средств защиты информации;
- 2) доступ в систему, хотя и правомерный, но осуществляемый неправомерно.

Исходя из изложенного, предлагаем под неправомерным доступом к охраняемой законом информации понимать возможность воздействия на информацию лицом, не имеющим легального права на ознакомление с ней, а также лицом, хотя и имеющим право на правомерный доступ к информации, но использующим это право в нарушение правил доступа к информации.

Количество регистрируемых преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации с каждым годом увеличивается. 25% всех зарегистрированных преступлений совершаются либо с незаконным использованием охраняемой законом информации, либо она сама становится предметом преступления. Однако наблюдается снижение преступлений в сфере компьютерной информа-

ции, что обусловлено, с одной стороны, появлением новых схем противоправных деяний, с другой, изменением отношения пользователей к своей информации ограниченного доступа.

Существование преступности в сфере оборота охраняемой законом информации определяются несколькими специфическими факторами, которые не совпадают с факторами, порождающими преступность в целом. К таким факторам можно отнести:

1) факторы правового характера (отсутствие единого понятийного аппарата, регламентирующего преступление в сфере обращения охраняемой законом информации, отсутствие уголовной ответственности за ограничение доступа к охраняемой законом информации);

2) технические факторы (рост числа компьютерной техники, увеличение объемов информации, недостаточность защиты самих технических средств защиты компьютерной техники);

3) организационные факторы (усиление цифрового неравенства в России, под которым понимается, с одной стороны, различие в уровнях развития информационных технологий между различными странами и регионами, внутри страны, возрастными и социальными группами, различными государственными учреждениями, между институтами гражданского общества, с другой — как разрыв в возможностях доступа к информации между богатыми и бедными).

Методы противодействия преступлениям должны соответствовать современным реалиям. Преступления в сфере обращения охраняемой законом информации постоянно пополняются новыми способами совершения преступлений, новой техникой, устройствами. На данном этапе необходимо поменять подход к профилактике и борьбе с преступлениями в данной сфере

Формулируя выводы, следует отметить, что применение иных специальных мер противодействия преступлениям в сфере обращения охраняемой законом информации, должны основываться на положении о проведении преобразований в обществе, нацеленных на повышение компьютерной и сетевой грамотности, сокращения цифрового неравенства.

Литература

1. Бегишев И. Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации: дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2017. 204 с.

2. Богданова Т. Н. К вопросу об определении понятия «Преступления в сфере компьютерной информации» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 37 (291). С. 64–67.

3. Жиделев В. Г. Некоторые аспекты квалификации преступлений в сфере компьютерной информации в российском и зарубежном законодательстве // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2. С. 3–25.

4. Оксфордский словарь английского языка (Oxford English Dictionary) // oed.com. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/37975>.

5. Рудых А. А. Информационно-технологическое обеспечение криминалистической деятельности по расследованию преступлений в сфере информационных технологий: дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2020. 239 с.

6. Смагин П. Г. О понятии «компьютерной информации» и особенностях ее использования при расследовании преступлений в ОВД // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 1. С. 80–81.

7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защиты информации»: в ред. Федерального закона от 3 апреля 2020 г. № 105-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.

8. Чупрова А.Ю. Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологий // Уголовное право. 2015. № 5. С. 131–134.

COUNTERING CRIMES IN THE SPHERE OF INFORMATION PROTECTED BY LAW

Anna L. Repetskaya

Doctor. Jur. Sciences, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russia, Irkutsk
repetsk@mail.ru

Ivan P. Rodivilin

Senior operative for the internal affairs department of the “K” department
Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk Region
Russia, Irkutsk
377a@bk.ru

The subject of the work is the norms of the criminal law, as well as other laws of the Russian Federation, regulating liability arising from improper access to information protected by law, violation of the rules for the operation of means of storing, processing or transmitting information and information and telecommunication networks; the state and structure of crimes in the field of circulation of information protected by law, their determinant factors, the personality of the offender who commits these crimes, as well as the existing system of counteraction to these crimes.

The purpose of the work is to identify the features and determine the trends of crimes in the field of circulation of information protected by law, the main factors affecting the identified trends and the development of new scientifically substantiated proposals for improving the criminal legislation, as well as other measures to counteract the considered crimes in the field of circulation of information protected by law.

The methodological basis of the work is formed by general scientific and specific scientific methods of cognition — the method of system analysis, comparative legal, formal logical, logical legal and other methods widely used in legal science.

Results of work. The definition of the concept "crime in the sphere of circulation of information protected by law" has been formulated in accordance with the current legislation, the factors that determine the commission of crimes in the field of circulation of information protected by law have been analyzed; investigated the state, structure and dynamics of the commission of crimes in the field of circulation of information protected by law.

Scope of the results. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results for the development of state policy on countering cybercrime, as well as the practical application of the proposed recommendations in law enforcement activities to ensure information security.

Output. The determinants of crimes in the sphere of circulation of information protected by law are multifactorial in nature, they include: factors of a legal nature, technical, socio-economic, organizational, victimological. On the basis of the research conducted by the authors, it was revealed that victims themselves create conditions for committing crimes in the field of circulation of information protected by law, and they could have been prevented with due diligence on the part of the victims. It is also concluded that the main attention in the prevention of crimes in the sphere of circulation of information protected by law should be paid to victimological prevention, which consists in ensuring reliable protection of information.

Keywords: crimes in the field of computer information, crime factors, ddos-attack, cyberattack, information security.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

© **Серебренникова Анна Валерьевна**

доктор юридических наук, профессор кафедры
Уголовного права и криминологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Россия, г. Москва
serebranna@hotmail.com

Организованную преступность не удалось ликвидировать ни в одном государстве, ни в одной социально-экономической системе ни одному политическому режиму, поэтому сегодня стоит задача её предельно возможной минимизации, устранения влияния на общество и политику. Организованная преступность имеет группу системных признаков: строго и единственно корыстную ориентацию, высокий уровень структурно-функциональной организации, иерархичность и системность управления, преемственность, использование насилия, угроз и коррупционных связей. Основным признаком является профессиональный подход к совершению преступлений, которые становятся основным источником дохода.

Противодействие организованной преступности предполагает как меры общей профилактики, направленные на выявление и устранение её причин и условий, так и специальных мер к преступникам. Меры превенции должны быть специфичны, комплексны и многоуровневые, включая меры государственной экономической и социальной политики, развития правового сознания. Отсутствие комплексного подхода остается основной проблемой в противодействии оргпреступности.

Ключевые слова: организованная преступность, криминология, рэкет, мафия, превенция преступности, преступное сообщество, преступная организация.

Организованную преступность принято относить к наиболее общественно опасным проявлениям, как в силу непосредственной угрозы, создаваемой национальной безопасности [3, с.125], так и в силу негативного мультипликационного эффекта, оказываемого не только на состояние законности и правопорядка, но также и на экономику, политику, социальную сферу. Организованная преступность стимулирует коррупцию, применение насилия, утверждает нормы противоправного поведения.

Несмотря на то, что 1990-е годы, казалось бы, остались далеко позади, российские эксперты в основном критически подходят к оценке состояния противодействия и превенции организованной преступности, констатируя обострение соответствующих проблем [6, с.36]. В то же время, российская криминология отошла от позиции объяснения живучести организованной преступности лишь причинами слабого противодействия, т.е. неудовлетворительной работой правоохранительных органов. Причины существенно глубже. Это многолетнее кризисное развитие российской экономики и общества, низкий уровень правосознания, с элементами правового нигилизма, несовершенство системы превенции и профилактики противоправного поведения.

Исторический опыт борьбы с разными формами организованной преступности во всех государствах, при разных социально-экономических системах и политических режимах однозначно показал невозможность её полного искорене-

ния. В. А. Бондаренков и В. К. Зникин указывают на то, что даже самые интенсивные меры уголовно-правового противодействия не будут достаточны для качественного результата, т.е. элиминации оргпреступности [2, с.17]. Р.Р. Исмагилова и О.Р. Уторов признавая недостаточность «принимаемых мер», ссылаются на «высочайшую степень жизнеспособности» организованной преступности. Поэтому, как полагают авторы, невозможно её полностью искоренить, «какие бы серьезные и эффективные меры для этого не предпринимались». Выход видится в том, чтобы её «ограничить, ставя под контроль страны» [6, с. 37]. А. В. Майоров полагает, что в борьбе с преступностью приоритет должен быть отдан «жесткому уголовно-правовому контролю», при «разумной уголовной политике» [10, с. 87]

Приведенные подходы представляются по меньшей мере прямолинейным и ограниченным, а в последней части и не выдерживающим критики. Указывая на меры, авторы явно имеют ввиду, исключительно «прямое» уголовно-правовое противодействие, которым оргпреступность можно несколько сдержать, но не искоренить, так как это не затронет её корни, социально-экономические факторы её порождающие. Также неудачным представляется предложение поставить преступность «под контроль страны». Государство борется с преступностью, искореняет её, а не контролирует, иначе оно неизбежно входит в соучастие.

Все эти вопросы, относительно новые для России, глубоко разработаны за рубежом, особенно в США, имеющих обширный опыт противодействия организованной преступности. Этот опыт может и должен использоваться для её предельной минимизации. Прежде всего, это касается разработки и применения закона RICO (Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act) 1970 года, на что уже обращали внимание российские авторы [5, с. 398].

Принимая во внимание, что возможности оргпреступности любом государстве, в том числе и в России, ограничены социально-экономическими, политическими и иными факторами, разработчики RICO пошли по пути поиска юридических подходов к системному подрыву базовой ценности оргпреступности — её системной сплоченности и круговой поруки. Применение RICO сделало возможным подорвать это «единство рядов». Ужесточение наказаний и система сделок со следствием (судебных соглашений), позволили осуждать виновных за менее тяжкие преступления в обмен на активное сотрудничество в виде разоблачений криминальных лидеров. RICO принес впечатляющие результаты, была пресечена деятельность нескольких крупных старых «семей» [17, с. 26], что существенно ослабило организованную преступность.

Американский законодатель в данном случае учел свои ошибки, выразившиеся в длительном поиске другого пути «борьбы» с организованной преступностью, отрицания её существования. Этот ошибочный путь непризнания, в своё время дорого стоил силам правопорядка США [15]. В СССР наличие организованной преступности официально отрицалось, что, однако не означало, что её не было в действительности [7, с. 26]. Такое отрицание крайне негативно сказалось на состоянии криминологии, которая долгие годы не изучала это явление и, соответственно, не могла разрабатывать методы противодействия.

Наличие оргпреступности в современной России никто не отрицает, однако её определение остается дискуссионным. В зарубежной и российской криминологии сложились несколько подходов к определению этого понятия. Приоритетным остается выделение сплоченной группы (преступного сообщества, форми-

рования), созданной специально для совершения преступлений. В России с начала 1990-х годов делается акцент на двух базовых моментах: профессиональном подходе к совершению преступлений и коллективном характере явления. Так, А. И. Гуров указывал на то, что организованная преступность представляет собой относительно массовое функционирование устойчивых управляемых сообществ преступников, которые совершают преступления в виде промысла (понятие советского периода, означающее профессиональный подход к делу, бизнесу) и формирующих при содействии коррупционных связей, особую, подчиненную защиты от любого контроля» [4, с. 19].

Э. Ф. Побегайло счел организованную преступность «формой социальной патологии» имея ввиду устойчивое и «тиражное» воспроизводство преступных сообществ (преступных организаций)» [11, с. 112]. Данное определение не противоречит позиции А. И. Гурова, что, как обосновано отметил В. И. Третьяков ведет к идентификации организованной преступности и преступного сообщества (организации), что, безусловно, сужает понимание определяемого понятия, так как оргпреступность, как социальный феномен, неизмеримо сложнее чем просто преступное сообщество [13, с. 210].

Не претендуя на точное определение организованной преступности, выделим её основные системные признаки: исключительно корыстная ориентация, структурно-функциональная организованность, иерархичность и системность управления, преемственность, использование насилия, угроз, обязательно — коррупционных связей, а также профессиональный подход к совершению преступлений, основного источника дохода.

В 1990-е годы исследователи видели причину устойчивости организованной преступности, в том числе и в сращивании криминала и власти. О. В. Крыштановская видела «главную опасность» в том, что российское государство «в лице высших должностных лиц оказалось на содержании олигархов, которые лоббируют нужные им законы... имеют своих людей в правоохранительных органах...» [9]. В современных исследованиях этот акцент отсутствует, а феномен олигархии исследуется, в том числе и применительно к России, в основном в историческом аспекте [12, с. 12]. Общий акцент в выделении причин организованной преступности сместился в сторону признания коррупции одним из её фундаментальных признаков и основ [16, с. 13].

В этих условиях результативное воздействие на это негативное явление возможно при наличии совокупности факторов: релевантности показателей (статистики) преступности), а также представления об объектах воздействия; наличия достаточных и квалифицированных сил и средств, а также научно обоснованной и концептуально выверенной политики противодействия [14, с. 104].

В этом плане к числу проблем противодействия организованной преступности относят отсутствие или слабость научного обеспечения практической работы. При этом вместо аналитики акцент делается на сбор статистики. Которая далее не интерпретируется. Также не налажена «обратная связь» между статистикой, аналитикой и практикой, т.е. собственно правоохранительной деятельностью [6, с. 36].

Как и в целом для превенции преступности противодействие её организованного сегмента должно состоять из мер общей профилактики, направленных на выявление и устранение причин и условий, содействующих криминальной активности, а также специальных мер, принимаемых в отношении преступников.

Очевидно, что организованный характер преступности требует и специфических, столь же организованных мер. В данном случае меры превенции должны быть специфичны, комплексны и многоуровневы. Это, прежде всего, меры государственной экономической и социальной политики, развития правового сознания. В своей совокупности они могут сложить прочный фундамент для специальных криминологических мер превенции перехода преступности в организованную стадию.

В свою очередь, специально-криминологические меры способны устранить криминологические факторы, когда предупреждение будет их основой, а в части случаев — единственным содержанием.

Развивая представления, в основном сложившиеся в 1990 годы [8, 198], сделаем вывод о том, что система превенции организованной преступности включает: адекватную, современную и непротиворечивую законодательную и нормативную базу; объективные, оперативные и релевантные данные о текущем состоянии, перспективах (тенденциях) развития организованной преступности; научно обоснованные и концептуально оформленные представления об основных понятиях, процессах и закономерностях развития организованной преступности, актуальные методы (в том числе и зарубежные) противодействия, наличие специально обученных кадров.

Литература

1. Белоцерковский С. Д. Организованная преступность в системе угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 4. С. 48–51.
2. Бодренков В. А., Зникин В. К. К началу дискуссии о содержании криминальной безопасности общества (государства) и роли ОРД в ее обеспечении // Оперативник (сыщик). 2008. № 2. С. 17–23.
3. Гайков В. Т. Организованная преступность как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Журнал Теп-а Economicus. 2013. Т. 11, № 2. Ч. 3. С. 124–128.
4. Гуров А. И. Организованная преступность — не миф, а реальность. Москва, 1990.
5. Джавадян Ю. Р., Досакаев А. Б. Применение закона «RICO» в борьбе с организованной преступностью США и его возможное использование в законодательстве России // Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148). С. 398–399.
6. Исмагилова Р. Р., Уторов О. Р. Проблемы противодействия организованной преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. №3 (18). С. 33–37.
7. Калпинская О. Е. Эволюция организованной преступности в СССР в послевоенные периоды // История государства и права. 2010. № 5. С. 25–28.
8. Криминология: учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. Москва, 1998. 566 с. С. 268.
9. Крыштановская О. В. Смерть олигархии // Аргументы и факты. 1998. № 46.
10. Майоров А. В. Актуальные проблемы противодействия организованной преступности // Вестник ОГУ 2009. № 3. С. 85–88. С. 86.
11. Побегайло Э. Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с ней. Москва, 1990. 47 с.
12. Сергеев С. А. Олигархия: происхождение и эволюция понятия // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13. № 1. С. 5–14.
13. Третьяков В. И. О понятии организованной преступности в современной криминологической науке // Вестник СПб университета МВД России. 2005 № 4 (28). С. 205–213.
14. Фабрика Т. А. Меры противодействия организованной преступности // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 27 (318). Право. Вып. № 38. С. 102–105.

15. Чечетин А. Е., Буряков Е. В. Опыт борьбы с организованной преступностью в США. Омск, 1998.

16. Шегабудинов Р. Ш. Организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией: состояние, тенденции и меры борьбы с ней: монография. Москва, 2010. Сер. Научные издания для юристов. С. 12–13.

17. Gordon M. Ideas Shoot Bullets: How the RICO Act Became a Potent Weapon in the War Against Organized Crime// Concept (Villanova University). Vol. 26. 2003.

ORGANIZED CRIME: COUNTERACTION PROBLEMS

Anna V. Serebrennikova

Doctor. Jur. Sciences, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology

Lomonosov Moscow State University

Russia, Moscow

serebranna@hotmail.com

Organized crime could not be eliminated in any state, in any socio-economic system, or in any political regime, so today the task is to minimize it as much as possible, to eliminate its influence on society and politics. Organized crime has a group of systemic features: strictly and solely selfish orientation, a high level of structural and functional organization, hierarchy and systematic management, continuity, use of violence, threats and corruption ties. The main feature is a professional approach to the commission of crimes, which become the main source of income.

Combating organized crime involves both general prevention measures aimed at identifying and eliminating its causes and conditions, and special measures against criminals. Preventive measures should be specific, comprehensive and multi-level, including measures of state economic and social policy, development of legal consciousness. The lack of an integrated approach remains the main problem in combating organized crime.

Keywords: organized crime, criminology, racketeering, mafia, crime prevention, criminal community, criminal organization.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРУГРОЗАМ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ СИНГАПУРА

© Содномова Эржена Дмитриевна
магистрант юридического факультета
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Россия, г. Улан-Удэ
esodnomova@yandex.ru

Данная статья посвящена способам противодействия и предупреждения кибер-угроз в сфере банковских услуг Сингапура. Актуальность статьи состоит в том, что в современном мире особую важность приобретают меры, принимаемые регуляторами в борьбе с информационными преступлениями и способах надежной защиты от мошеннических действий в интернет-пространстве. Важность данного вопроса подтверждается возросшим процентом преступлений, совершенных в области информационных технологий банковского сектора. Целью работы является установление методов, принимаемых денежно-кредитным управлением Сингапура в целях защиты банковского сектора от противоправных действий. Предмет исследования составляют основные нормативно-правовые акты в сфере обеспечения кибербезопасности Сингапура. В работе применяются формально-юридический, сравнительно-правовой методы. Методологическую основу статьи составляет совокупность методов научного познания, таких как анализ и синтез, обобщение. Высказывается предположение об использовании в отечественной практике идей криминализации и пресечения мошенничества в киберпространстве, хищения персональных данных и их неправомерного использования.

Ключевые слова: Сингапур, киберпреступления, информационные технологии, кибербезопасность, обнаружение, предупреждение

В современном динамично развивающемся мире область банковской деятельности, как и все прочие сферы жизнедеятельности человека, тесно взаимосвязана с информационными технологиями, и стремительно меняется под воздействием виртуальной реальности. Сегодня банковская сфера не может существовать в отрыве от цифровых технологий, и как следствие, подвергается постоянным угрозам в цифровой реальности. Так, при современном состоянии развитости информационных технологий и распространенности коммуникационных сетей, все большее количество преступлений совершается в виртуальном пространстве. Банки несут значительные риски и могут оказаться жертвой мошеннических действий как в отношении каждого из клиентов, так и банка в целом.

Сингапур — современное государство, вступившее в век цифровых технологий и активно применяющее их в повседневной жизни. Банковский сектор Сингапура, вследствие этого, не застрахован от неправомерных действий киберпреступников.

Национальный правовой механизм кибербезопасности Сингапура имеет длительную историю становления. Это обусловлено темпами социально-экономического развития государства, его фактическим статусом регионального и международного торгово-экономического центра [1, 110].

Банковская сфера масштабно использует оборудование и технологии, что условно обеспечивает высокую технологичность, при этом повышая риск возможных кибернетических атак и хищения данных.

Переходя к законодательству Сингапура, в области киберпреступлений можем выделить следующие уголовные или административные правонарушения:

- взлом (несанкционированный доступ),
- отказ в обслуживании («DoS-атака»),
- заражение ИТ-систем вредоносным ПО (в том числе с выкупом ПО),
- распространение оборудования, используемого для совершения киберпреступлений,
- владение или использование оборудования, используемого для совершения киберпреступлений,
- мошенничество с использованием личных данных,
- электронная кража,
- незапрашиваемое тестирование на проникновение (использование ИТ-системы без разрешения ее владельца для определения уязвимости и слабых мест),
- любая другая деятельность, которая отрицательно влияет или угрожает безопасности, конфиденциальности, целостности или доступности любых ИТ систем, инфраструктуры, сетей связи, устройств или данных.

Мерой наказания по указанным правонарушениям обычно являются штраф в долларах США или лишение свободы, в некоторых случаях оба вида наказания. Указанные правонарушения классифицируются Законом о ненадлежащем использовании компьютеров («Computer Misuse Act») и Уголовным кодексом («Penal Code») [3, 6].

В Сингапуре также действует ряд нормативных правовых актов, касающихся кибербезопасности. Перейдем к рассмотрению основных из них. Закон о кибербезопасности 2018 г. («Cybersecurity Act») устанавливает рамки для мониторинга критически важных информационных инфраструктур («КИИ»), в том числе налагает на владельцев КИИ обязательства сообщать об инцидентах в области кибербезопасности и предусматривает назначение уполномоченного лица по кибербезопасности, среди прочего, для надзора и обеспечения кибербезопасности компьютеров и компьютерных систем в Сингапуре [5].

Кроме того, уполномоченное лицо по кибербезопасности также наделено властью издавать или утверждать кодексы стандартов эффективности для регулирования владельцев КИИ в отношении мер, которые должны быть приняты ими для обеспечения кибербезопасности КИИ. Однако эти своды правил предназначены для ознакомления и не имеют законодательной силы.

Закон о защите личных данных 2012 г. («PDPA») налагает на организации ряд обязательств по защите персональных данных. Важно отметить, что раздел 24 данного закона требует, чтобы организации защищали личные данные, находящиеся в их владении или под их контролем, путем принятия разумных мер безопасности для предотвращения несанкционированного доступа, сбора, использования, раскрытия, копирования, изменения, удаления или аналогичных рисков [7].

Закон о неправомерном использовании компьютеров («Computer Misuse Act») охватывает ряд киберпреступлений, включая, помимо прочего, такие преступле-

ния, как использование компьютерных уязвимостей для получения несанкционированного доступа к компьютерной системе [3].

Закон об авторском праве («Copyright Act») криминализирует нарушение авторских прав. В частности, правонарушением является то, что при наличии авторского права лицо использует его для продажи или найма; продает или сдает в аренду, или, посредством обмена, предлагает или выставляет на продажу или в аренду; или посредством торговли, выставляет на всеобщее обозрение любой предмет, который является копией произведения, нарушающий авторские права [4].

В законе о стратегических товарах (контроле) («Strategic Goods (Control) Act») излагаются положения, касающиеся передачи стратегических товаров и технологий, связанных со стратегическими товарами, и посредничества в их реализации. Список предметов, которые были определены министром в качестве стратегических товаров и технологий стратегических товаров [8].

Организации обязаны в соответствии с действующим законодательством Сингапура принимать меры по мониторингу, обнаружению, предотвращению или смягчению инцидентов. В соответствии с разделом 14(2) Закона о кибербезопасности владелец КИИ обязан создать механизмы и процессы с целью обнаружения угроз в отношении КИИ. В то же время PDPA налагает обязательства по защите: организации должны вводить разумные меры безопасности для защиты личных данных, находящихся в их владении и/или под их контролем. Однако в PDPA не указываются конкретные меры, которые следует предпринять организациям.

В руководстве по управлению утечками данных 2.0 («Managing and notifying data breaches») комиссия по защите персональных данных («PDPC») устанавливает действия организаций по предотвращению утечки данных [9].

В нем говорится, что организации должны применять меры и инструменты мониторинга для раннего обнаружения и предупреждения организаций.

Например:

- мониторинг входящего и исходящего трафика для веб-сайтов и баз данных на предмет аномальной сетевой активности;
- использование программного обеспечения для обнаружения вторжений в реальном времени, предназначенного для обнаружения несанкционированных действий пользователей, атак и компрометации сети;
- использование камер видеонаблюдения для наблюдения за внутренними и внешними периметрами защищенных зон, таких как центры обработки данных и серверные комнаты.

Руководство по утечке данных также призывает организации разрабатывать план управления утечками данных, который будет включать следующую информацию:

- конкретное и четкое понятие компрометации данных (и предполагаемое, и подтвержденное);
- порядок подачи сообщения о компрометации данных внутри организации;
- порядок действий при компрометации данных;
- обязанности группы работы с компрометированными данными.

Возможными мерами, принимаемыми для защиты ИТ-систем выступают:

Биконы (маячки) — незаметно и удаленно размещенные передатчики, вставленные в контент для установления контакта с удаленным сервером и выявления IP-адрес компьютера, просматривающего данный контент.

Предположительно, что данные, собранные такими маячками в целях защиты, не будут попадать под действие PDPA как личные данные. Согласно обязательству о согласии PDPA, организации требуется согласие (или предполагаемое согласие) от физического лица перед сбором, использованием и разглашением личных данных. Таким образом, маячки не будут разрешены, если они будут собирать личные данные без согласия (или предполагаемого согласия) лиц, о которых идет речь, за исключением исключений из согласия. Обязательство применяется в соответствии с PDPA.

Honeypots — цифровые ловушки, предназначенные для обмана злоумышленников, заманивающие их в синтетическую сеть, тем самым позволяя организации обнаружить и принять меры по противодействию на атаки своей сети, не нанося никакого ущерба реальной сети или данным организации. Ограничений на использование *honeypots* в целях защиты ИТ-систем, скорее всего, не будет. Ни закон о кибербезопасности, ни PDPA не ограничивают использование *honeypots*, как метода защиты ИТ-систем. В статье, опубликованной Агентством по киберзащите Сингапура (Cyber Security Agency of Singapore) в 2019 году, приводится понятие *honeypots* и их роль в киберзащите. Кроме того, руководство PDPC по защите личных данных в электронном носителе поощряет использование «средств защиты, которые могут использоваться для повышения безопасности сетей».

Воронки — меры по перенаправлению вредоносного трафика в даль от собственных IP-адресов и серверов организации, обычно используется для предотвращения «DoS-атак». Ограничений на использование воронок с целью защиты ИТ-систем, скорее всего, не будет. Как и в случае с *honeypots*, ни закон о кибербезопасности, ни PDPA не ограничивают использование воронок для защиты ИТ-систем.

Так же организациям разрешено отслеживать или перехватывать электронные коммуникации в их сетях (например, электронная почта и использование Интернета сотрудниками), чтобы предотвратить или смягчить последствия кибератак. Нет закона, запрещающего организации осуществлять мониторинг, прослушивание или перехват электронных сообщений в собственной сети. Однако, если такие данные подпадают под определение личных данных, то возможно организации потребуется согласие соответствующих лиц. В соответствии с обязательством по защите PDPA, организации должны принимать разумные меры безопасности для защиты личных данных, находящихся в их распоряжении. В зависимости от ряда факторов мониторинг или перехват электронных сообщений во внутренней сети организации могут считаться одними из таких разумных мер.

Особенности регулирования информационной безопасности в банковском секторе изложены в опубликованном денежно-кредитным управлением Сингапура, исполняющим функцию Центрального банка, руководстве по управлению технологическими рисками («MAS TRM Guidelines»). В указанном руководстве установлены принципы управления рисками и практические стандарты для руководства финансовыми учреждениями, заключающиеся в:

- созданию надежной системы управления технологическими рисками,

– укреплении системной безопасности, надежности, отказоустойчивости и восстановлении,

– разворачивании процессов строгой аутентификации для защиты данных клиентов, транзакций и системы в целом [11].

Так, каждая финансовая организация обязана с 18 января 2021 года оценивать своих поставщиков в области информационных технологий [11].

Указанный акт включает перечень требований к финансовым учреждениям по созданию системы управления технологическими рисками под надзором Совета директоров и высшего руководства для выявления, оценки, мониторинга и обработки технологических рисков.

Кроме того, денежно-кредитное управление Сингапура также выпустило уведомление о кибернетической безопасности («Notice on Cyber Hygiene»), которая требует от банков, среди прочего, обеспечения безопасных патчей, применяемых для устранения уязвимостей в их компьютерных системах [10].

Подводя итоги исследования правовых норм Сингапура в кибербезопасности, можно заключить, что в современном правовом поле Сингапура регулирующие органы постоянно актуализуют нормы в соответствии с меняющейся обстановкой, подстраиваясь под сложившуюся ситуацию и действуя в защиту гражданских прав и свобод и одновременном соблюдении публичных интересов. Преступления, совершаемые в виртуальном пространстве, не ограничиваются государственными границами и как следствие, на взгляд автора, не решаемы регуляторами одного конкретного взятого государства. Вместе с тем, лидирующая позиция Сингапура, обеспеченная запуском ряда успешных проектов в кибербезопасности и успешно-проводимой внутренней политике, позволит в будущем разработать государству универсальный международно-правовой механизм обеспечения кибербезопасности.

Проведенное исследование выявляет методы, принимаемые регулируемыми органами для защиты ИТ-систем и позволяет спрогнозировать некоторые перспективные направления развития системы отечественных правовых норм и способам противодействия и предупреждения кибер-угроз в сфере банковских услуг. Так, представляется весьма вероятным прогрессирующее использование в отечественной нормотворческой и правоприменительной практике идей криминализации и пресечения мошенничеств в киберпространстве, хищения персональных данных и их неправомерного использования.

Литература

1. Горян Э. В. Ведущая роль Сингапура в обеспечении кибербезопасности в АСЕАН: промежуточные результаты и перспективы дальнейшего расширения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 3. С. 103–117.

2. Денисова А.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере финансовых рынков по законодательству Сингапура // Lex russica. 2021. Т. 74, № 1. С. 148–156. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.170.1.148-156.

3. Computer misuse act // URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CMA1993> (дата обращения: 15.09.2021)

4. Copyright act // URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CA1987> (дата обращения: 15.09.2021)

5. Cybersecurity Act 2018 // URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CA2018> (дата обращения: 15.09.2021)

6. Penal code // URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PC1871> (дата обращения: 15.09.2021)

7. Personal data protection act 2012 // URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PDPA2012> (дата обращения: 15.09.2021)

8. Strategic goods (control) act // URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/SGCA2002> (дата обращения: 15.09.2021)

9. Managing and notifying data breaches // URL: <https://www.pdpc.gov.sg/-/media/Files/PDPC/PDF-Files/Other-Guides/Guide-on-Managing-and-Notifying-Data-Breaches-under-the-PDPA-15-Mar-2021.pdf?la=en> (дата обращения: 15.09.2021)

10. Notice on Cyber Hygiene // URL: <https://www.mas.gov.sg/regulation/notices/notice-655> (дата обращения: 15.09.2021)

11. Technology Risk Management Guidelines // URL: <https://www.mas.gov.sg/-/media/MAS/Regulations-and-Financial-Stability/Regulatory-and-Supervisory-Framework/Risk-Management/TRM-Guidelines-18-January-2021.pdf> (дата обращения: 15.09.2021)

CYBER ATTACK'S CONTRADICTION IN SINGAPORE BANKING SYSTEM

Erzhena D. Sodnomova

Master student of the Law Faculty

Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

esodnomova@yandex.ru

This article is devoted to contradiction methods and prevention of cyber threats in the banking sector of Singapore. The relevance of the article lies in the fact that in the modern world, measures taken by regulators in order to deal with cybercrimes and options for reliable protection against fraud in the Internet are of particular importance. Increased percentage of crimes committed in the field of information technology in the banking field confirms the importance of this issue. The aim of the paper is to establish the methods adopted by the Monetary Authority of Singapore in order to protect the banking sector from illegal actions. The subject of the research is the main regulatory legal acts in the field of cybersecurity in Singapore. The work uses formal legal, comparative legal methods. The methodological basis of the article is a set of methods of scientific knowledge, such as analysis and synthesis, generalization. In the paper, there is an assumption about the use in domestic practice ideas of criminalization and suppression of fraud in cyberspace, theft of personal data and their misuse.

Keywords: Singapore, cybercrimes, cybersecurity, information technology, detection, crime prevention, banking system

ПРОГРАММА
VIII Международной научно-практической конференции
«Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона:
проблемы государственно-правового сотрудничества
в условиях кризиса международного права»
(г. Улан-Удэ, 24 июня 2021 г.)

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
(10:00-13:00 ч. по местному времени, 05:00-8:00 ч. по московскому времени
начало подключения 09:45 ч. по местному времени, 04:45
по московскому времени)

Ссылка на подключение к пленарному заседанию конференции на платформе Zoom: <https://us02web.zoom.us/j/83969454394?pwd=ZzdNZjMwY3pGOGdTOGIUS1VWV0RyZz09>

Идентификатор конференции: 839 6945 4394

Код доступа: 12345

Место проведения: ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», Юридический факультет, Российско-монгольский юридический центр, ул. Сухэ-Батора, 6, 2-й этаж, ауд. 7207.

Ведущий пленарного заседания: **Раднаева Эльвира Львовна**, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Приветственное слово:

Мошкин Николай Ильич, доктор технических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

Хаинов Вячеслав Викторович, доктор химических наук, доцент, проректор по научно-исследовательской работе ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

Ван Чжи Хуа, доктор юридических наук, профессор Политико-юридического университета Китайской Народной Республики, Генеральный секретарь ассоциации сравнительного правоведения Китая (Китай, г. Пекин)

Б. Онмунх, Президент Ассоциации юристов Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

Кириллова Альбина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, Председатель Верховного Суда Республики Бурятия, Заслуженный юрист Республики Бурятия (Россия, г. Улан-Удэ)

Доклады пленарного заседания:

1. **Скуратов Юрий Ильич**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (Россия, г. Москва)

«Евразийские основы международно-правовой политики Российской Федерации»

2. **Бабурин Сергей Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук (Россия, г. Москва)

«Азиатско-европейский дух государства Российского: динамика ценностей конституционализма в условиях паралича международного права»

3. **Лопашенко Наталья Александровна**, доктор юридических наук, профессор, профессор Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист РФ, Лауреат Национальной премии по литературе в области права (Россия, г. Саратов)

«Новые реальности (цифровизация, искусственный интеллект, клонирование) и их влияние на преступность и уголовно-правовые реакции»

4. **Гун Нань**, доктор юридических наук, доцент юридического института Хэйлуунцзянского университета, заместитель начальника Центра по изучению российского права Хэйлуунцзянского университета (Китай, г. Харбин)

«Новые тенденции и особенности развития системы гражданского процессуального права КНР»

5. **Идер Батчулуун**, старший инспектор УСБ Главного управления полиции Монголии, полковник полиции, магистр юриспруденции (Монголия, г. Улан-Батор)

«Современные тенденции преступности несовершеннолетних в Монголии»

6. **Трощинский Павел Владимирович**, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской Академии Наук (ИДВ РАН) (Россия, г. Москва)

«Конституционное развитие нового Китая: история и современность (к 100-летию КПК)»

7. **Гармаев Юрий Петрович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Антикоррупционный комплаенс в России и других странах БРИКС: перспективы развития концепции»

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ
(14:00–17:00 ч. по местному времени,
09:00–12:00 ч. по московскому времени)

СЕКЦИЯ 1. Исторический опыт и традиции государства и права народов Евразии

Ссылка на подключение к конференции на платформе Zoom:
<https://us02web.zoom.us/j/84030638419?pwd=ckZZRG1HeWhJc21Lc2FLK2ZLZTVpUT09>

Идентификатор конференции: 840 3063 8419
Код доступа: 12345

Председатель: **Дугарова Сержена Жигмытовна**, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Секретарь: **Бальжиев Борис Александрович**, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

1. **Батсухийн Баярсайхан**, доктор юридических наук, профессор юридического института Монгольского государственного университета (Монголия, г. Улан-Батор)

«Проблемы исследования первоисточников по истории монгольского права»

2. **Баяр Будрагчаа**, адвокат, управляющий партнер адвокатская фирма «ИЭлСи адвокаты» (Монголия, г. Улан-Батор)

«История монгольского права»

3. **Абытов Байболот Капарович**, доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕ, профессор, проректор по науке и международным связям Ошского государственного юридического университета (Кыргызская Республика, г. Ош)

«Периоды древней государственности кыргызов»

4. **Токторов Алтынбек Эгембердиевич**, кандидат юридических наук, и.о. доцента кафедры «Частного права» Кыргызско-Узбекского университета; **Токторова Айдай Эгембердиевна**, кандидат юридических наук, эксперт отдела обработки и выпуска нормативных правовых актов Жогорку Кенеш (парламента) Кыргызской Республики (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

«Особенности понятий «правосубъектность» и «субъекты права»

5. **Степанов Михаил Михайлович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Россия, г. Москва)

«Защита прав личности в уголовном процессе России через призму отечественного исторического опыта»

6. **Аракелян Артём Артурович**, преподаватель кафедры физиологии и безопасности жизнедеятельности человека Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; **Марон Милена Михайловна**, студентка переводческого факультета Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; **Фоменков Артём Александрович**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, зарубежного регионоведения и журналистики, старший научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; **Шарова Юлия Владимировна**, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Нижний Новгород)

«Не совсем «Terraincognita»: об отечественном опыте изучения Гонконга»;

7. **Пахомова Елизавета Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-правовых наук Волжского госу-

дарственного университета водного транспорта; **Рзаев Эльман Эльманович**, аспирант кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления — филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; **Тюкалова Александра Олеговна**, студент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Россия, г. Нижний Новгород)

«Русская вера» в Китае: опыт изучения истории и современности православия в Поднебесной»

8. **Дугарова Сержена Жигмытовна**, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Кочевые цивилизации Евразии»

9. **Тумурова Анна Тимофеевна**, доктор юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Антрополого-правовой анализ брачно-семейных норм сартулов Монголии и Бурятии»

10. **Бороноев Павел Георгиевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Трансграничный регион: особенности проявления социальных девиаций»

11. **Илтакова Наталья Владимировна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»; **Копалкина Евгения Геннадьевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета (Россия, г. Улан-Удэ, г. Иркутск)

«Регулирование брачно-семейных отношений у коренных народов Сахалина в кон. XIX — нач. XX в. в трудах Л.Я. Штернберга»

12. **Цыбикова Марина Дамбаевна**, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Право частной собственности на землю в зарубежном праве»

13. **Амагыров Андрей Валерьевич**, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Создание условий в воспитательной среде вуза как фактор формирования ключевых профессиональных компетенций юриста»

14. **Бальжиев Борис Александрович**, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Сравнительно-правовой анализ системы высшего юридического образования в странах БРИКС»

15. **Дугарова Евгения Жэмбеена**, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Телесные наказания как вид наказания в уголовном праве средневековой Монголии»

16. **Бадмацыренова Елизавета Леонидовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Правовое регулирование религиозной деятельности в Интернете: сравнительно-правовые аспекты»

СЕКЦИЯ 2. Международное право и конституционно-правовые институты: глобальное измерение и локальные вариации

Ссылка на подключение к конференции на платформе Zoom:

<https://us02web.zoom.us/j/84030638419?pwd=ckZZRG1HeWhJc2lLc2FLK2ZlZTVpUT09>

Идентификатор конференции: 840 3063 8419

Код доступа: 12345

Председатель: **Хамнуев Юлий Григорьевич**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Сопредседатель: **Хышиктуев Олег Валентинович**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Секретарь: **Дагангаров Сергей Владимирович**, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

1. **Чжан Юепин**, докторант, преподаватель юридического факультета Хэйлунцзянского университета (Китай, г. Харбин)

«Разграничение законодательных полномочий в Китае: теория и практика»

2. **Хунан Жаргалсайхан**, Председатель Национальной комиссии по правам человека Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

«К проблеме соблюдения прав человека в Монголии и России»

3. **Запольский Сергей Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Россия, г. Москва)

«Правовая организация осуществления исполнительной власти в свете поправки к Конституции РФ 2020г.»

4. **Сыченко Елена Вячеславовна**, кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

«Рекомендации международных органов о государственной политике в период пандемии»

5. **Аникеев Юлия Борисовна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Уральского государственного юридического университета; **Новоселова Наталья Валерьевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Уральского государственного юридического университета (Россия, г. Екатеринбург)

«Ограничения по признаку пола в законодательстве о военной службе: необходимость или дискриминация?»

6. **Зайкова Светлана Николаевна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (Россия, г. Саратов)

«Административно-правовые институты обеспечения транспортной безопасности в государствах евразийского экономического союза»

7. **Зелепукин Роман Валерьевич**, кандидат юридических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (Россия, г. Тамбов)

«Проблемы реализации конституционно-правовой ответственности»

8. **Клочкова Наталия Валерьевна**, кандидат педагогических наук, преподаватель Нижегородского государственного колледжа; **Сорокин Кирилл Александрович**, студент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Россия, г. Нижний Новгород)

«Сближение Российской Федерации и Китайской Республики в начале 1990-х годов: к вопросу о причинах»

9. **Хобраков Дмитрий Цыбикович**, заместитель прокурора Республики Бурятия, старший советник юстиции (Россия, г. Улан-Удэ)

«Формы публично-властного контроля за законностью муниципальных нормативных правовых актов в Российской Федерации»

10. **Хамнуев Юлий Григорьевич**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Конституционные акты государственно-территориальных образований в некоторых странах АТР»

11. **Будаев Капитон Аюрзанаевич**, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Бурятия (Россия, г. Улан-Удэ)

«О необходимости совершенствования механизма государственной власти в Монголии»

12. **Хышиктуев Олег Валентинович**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Правовые основы «Экономического пояса шелкового пути»

13. **Семенов Баир Станиславович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Международное право как основа справедливого миропорядка и национальные правовые системы в эпоху турбулентности»

14. **Очирова Виктория Мункоевна**, доктор политических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», ведущий научный сотрудник Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (Россия, г. Улан-Удэ)

«Российская Федерация в условиях кризиса международного права и международных отношений»

15. **Алексеева Елена Сергеевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Налогообложение малых предприятий в КНР»

16. **Акчурин Александр Ростамович**, кандидат юридических наук, доцент, Председатель Избирательной комиссии Республики Бурятия, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Избирательные системы России и Монголии: сравнительный обзор»

17. **Акчурина Анна Владимировна**, кандидат юридических наук, заместитель председателя Государственно-правового комитета Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Особенности конституционно-правовой ответственности органов публичной власти России и Китая»

18. **Мадаев Евгений Олегович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Доктрина как политико-правовой документ в Китае и России»

19. **Колмаков Станислав Юрьевич**, кандидат юридических наук, заместитель директора Института частного права, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва)

«Сравнительный анализ организации и проведения публичных мероприятий в странах АТР»

20. **Дагангаров Сергей Владимирович**, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Система «сдержек и противовесов» в Монголии и России: сравнительный анализ»

21. **Хакимова Жанна Александровна**, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«К вопросу об ограничении конституционных прав и свобод в условиях пандемии в странах АТР: сравнительный анализ»

22. **Тышкенова Айгуль Григорьевна**, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Сравнительное исследование правового статуса государственного служащего в Российской Федерации и Монголии».

23. **Васюткин Николай Ефремович**, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», член Ассоциации политических юристов России (Россия, г. Улан-Удэ)

«Демократизация законотворческой деятельности в отдельных странах Азиатско-Тихоокеанского региона»

24. **Нефедьева Евгения Александровна**, аспирант кафедры конституционного, административного и муниципального права ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Институт особого мнения судьбы в международном правосудии»

25. **Содномова Эржена Дмитриевна**, юрист ООО «Регион Эстейт» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Противодействие киберугрозам в банковском секторе Сингапура»

26. **Дамдинова Эржэна Буянтуевна**, магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Мягкое право Китая»

СЕКЦИЯ 3. Частноправовые институты в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: общее и особенное

Ссылка на подключение к конференции на платформе Zoom:
<https://us02web.zoom.us/j/84030638419?pwd=ckZZRG1HeWhJc21Lc2FLK2ZLZTVpUT09>

Идентификатор конференции: 840 3063 8419

Код доступа: 12345

Председатель: **Доржиева Светлана Владимировна**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Секретарь: **Батоболотова Екатерина Борисовна**, ассистент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

1. **Гадинбуугийн Наранбаатар**, кандидат юридических наук, доцент, директор департамента послевузовского образования Международного университета Их Засаг (Монголия, г. Улан-Батор)
«Соблюдение норм международного права при адвокатской защите и оказании юридической помощи»
2. **Ямашева Екатерина Валерьевна**, научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Россия, г. Москва)
«Мировая юстиция в странах АТР»
3. **Цагарати Евгения Ханджериевна**, юрист, индивидуальный предприниматель (Россия, г. Москва)
«Развитие института судебной защиты публичных прав и свобод в Российской Федерации»
4. **Доржиева Светлана Владимировна**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)
«Сравнительно-правовой анализ усыновления в странах Центральной Азии»
5. **Мурзина Елена Александровна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)
«Влияние пандемии на изменение условий трудового договора»
6. **Балдаева Римма Александровна**, кандидат биологических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)
«Сравнительно-правовой анализ изъятия земельных участков для публичных нужд в России и США»
7. **Налетова Марина Михайловна**, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)
«Особенности правового регулирования электронных сделок. Опыт зарубежных стран»
8. **Чмелева Татьяна Анатольевна**, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)
«Специфические способы защиты интересов сторон агентского договора в гражданском праве Японии»
9. **Дабаев Бато Аюрович**, директор ООО Центр защиты бизнеса, аспирант (Россия, г. Москва)
«Тактические особенности допроса третьих лиц в арбитражном судопроизводстве»
10. **Доржиев Гэсэр Баирович**, адвокат Коллегии адвокатов Республики Бурятия (Россия, г. Улан-Удэ)
«Правовое регулирование криптовалют в Индии»

11. **Гнеушева Татьяна Борисовна**, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Тенденции развития института медиации в странах Азиатско-Тихоокеанского региона»

12. **Шалбаева Сэсэгма Бато-Мунхоевна**, преподаватель кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Гражданско-правовая ответственность в области земельных правоотношений по законодательству России и Монголии: сравнительный анализ»

13. **Вологодина Кристина Владимировна**, преподаватель кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«К вопросу о разновидностях договора газоснабжения в действующем законодательстве России и Китая: сравнительно-правовой анализ»

14. **Батоболотова Екатерина Борисовна**, ассистент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Раздел недвижимости супругов при разводе по закону КНР»

СЕКЦИЯ 4. Уголовно-правовые механизмы регулирования общественных отношений в странах Азиатско-Тихоокеанского региона

Ссылка на подключение к конференции на платформе Zoom:

<https://us02web.zoom.us/j/84030638419?pwd=ckZZRG1HeWhJc21Lc2FLK2ZlZTVpUT09>

Идентификатор конференции: 840 3063 8419

Код доступа: 12345

Председатель: **Раднаева Эльвира Львовна**, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Сопредседатель: **Хармаев Юрий Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Секретарь: **Салихов Роман Наилевич**, докторант Центрального южного университета (Китай, г. Чанша)

1. **Цолмонгийн Цэлмэг**, проректор Международного университета Их Засаг (Монголия, г. Улан-Батор)

«Некоторые вопросы сравнительного исследования Уголовных кодексов Монголии и Российской Федерации»

2. **Галын Туяа**, кандидат юридических наук, ассистент, профессор, проректор Международного университета Их Засаг (Монголия, г. Улан-Батор)

«Тенденции международного права в заключении под стражей и мерах пресечения»

3. **Юндэндоржийн Бадамханд**, доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института Международного Улан-Баторского университета (International University of Ulaanbaatar) (Монголия, г. Улан-Батор)

«Проблемы противодействия преступлениям, посягающим на половую свободу и неприкосновенность в Монголии»

4. **Серебренникова Анна Валерьевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва);

«Организованная преступность: проблемы противодействия»

5. **Степанов Олег Анатольевич**, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Россия, г. Москва)

«О противодействии кибертерроризму в современных условиях»

6. **Антонова Елена Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права» (Россия, г. Хабаровск)

«Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления по законодательству Коста-Рики»

7. **Репецкая Анна Леонидовна**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО ВСИ МВД России; **Родивилин Иван Петрович**, старший оперуполномоченный по особо важным делам отдела «К» ГУ МВД России по Иркутской области (Россия, г. Иркутск)

«Противодействие преступлениям в сфере обращения охраняемой законом информации»

8. **Макарова Оксана Валерьевна**, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Россия, г. Москва)

«Реализация международных стандартов отправления правосудия в уголовном судопроизводстве»

9. **Раднаева Эльвира Львовна**, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Противодействие экстремизму и терроризму в Российской Федерации и Китайской народной республике: сравнительно-правовой анализ»

10. **Попова Елена Ильинична**, научный сотрудник Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Упрощенные формы уголовного судопроизводства в России и КНР: сравнительно-правовой аспект»

11. **Батюкова Вера Евгеньевна**, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права РАН (Россия, г. Москва)

«Киберпреступления в современном мире»

12. **Михина Елена Геннадьевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (Россия, г. Тамбов)

«Применение упрощенных форм судопроизводства в уголовном процессе стран евроазиатского экономического союза. Сравнительный анализ и перспективы развития»

13. **Потапов Сергей Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (Россия, г. Тамбов)

«Криминалистическое значение неотложных следственных действий в раскрытии и расследовании преступлений»

14. **Хармаев Юрий Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Сравнительная характеристика состояния преступности несовершеннолетних в России и Монголии»

15. **Пастушенко Артем Александрович**, аспирант юридического факультета ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права» (Россия, г. Хабаровск)

«Уголовно-правовая охрана бюджетных средств, предназначенных для решения задач в условиях чрезвычайных обстоятельств (на примере отдельных стран Азиатско-Тихоокеанского региона)»

16. **Гулина Елена Витальевна**, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Особенности выявления и расследования коррупционных преступлений в сфере высшего образования России и некоторых стран АТР»

17. **Эрхитуева Татьяна Ильинична**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Сравнительный анализ законодательства о мошенничестве России и Монголии»

18. **Латыпова Кристина Сергеевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Сравнение законодательства в странах АТР в области уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения»

19. **Маркова Надежда Сергеевна**, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

«Преступное поведение несовершеннолетних, его показатели в современной России и ряда зарубежных стран»

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
(17:00 ч. по местному времени, 12:00 ч. по московскому времени)

Ссылка на подключение к заключительному пленарному заседанию конференции на платформе Zoom:

<https://us02web.zoom.us/j/81083469131?pwd=L1lWU3RFWEZqcFNWTGI4UGJvNmYzZz09>

Идентификатор конференции: 810 8346 9131

Код доступа: 12345

1. **Раднаева Эльвира Львовна**, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» (Россия, г. Улан-Удэ)

2. **Скуратов Юрий Ильич**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (Россия, г. Москва)

ОРГКОМИТЕТ:

670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 6, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», Центр правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, ауд. 7211.

E-mail: bsu.atr@yandex.ru, bsu.atr@yahoo.com

Ответственный секретарь оргкомитета:

Очирова Виктория Мункоевна, доктор политических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», ведущий научный сотрудник Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, г. Улан-Удэ, ochirova.v@yandex.ru

Технический секретарь оргкомитета:

Гулина Елена Витальевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», научный сотрудник Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, г. Улан-Удэ, gulinaalyona@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ КОНФЕРЕНЦИИ

1. **Абытов Байболот Капарович**, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, проректор по науке и международным связям Ошского государственного юридического университета, Кыргызская Республика, г. Ош, baybolot-1962@rambler.ru

2. **Акчурин Александр Ростамович**, кандидат юридических наук, доцент, Председатель Избирательной комиссии Республики Бурятия, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО "Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова", г. Улан-Удэ, ar_akchurin@mail.ru

3. **Акчурина Анна Владимировна**, кандидат юридических наук, заместитель председателя Государственно-правового комитета Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО "Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова", г. Улан-Удэ, akchurinaav@rambler.ru

4. **Алексеева Елена Сергеевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, Alslena22@yandex.ru

5. **Амагыров Андрей Валерьевич**, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, tengery90@mail.ru

6. **Аникеев Юлиа Борисовна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, avanik@e1.ru

7. **Антонова Елена Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права», г. Хабаровск, antonovy@yandex.ru

8. **Аракелян Артём Артурович**, преподаватель кафедры физиологии и безопасности жизнедеятельности человека Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, г. Нижний Новгород, arakelyan10@bk.ru

9. **Бабурин Сергей Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, 1357343@mail.ru

10. **Бадмацыренова Елизавета Леонидовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, el.leonidovna@mail.ru

11. **Балдаева Римма Александровна**, кандидат биологических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО

"Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова", г. Улан-Удэ, Brimma72@mail.ru

12. **Бальжиев Борис Александрович**, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, boldarev.86@mail.ru

13. **Батоболотова Екатерина Борисовна**, ассистент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, katyagneusheva88@mail.ru

14. **Батсухийн Баярсайхан**, доктор юридических наук, профессор юридического института Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, bayarsaikhan@mongolianlawyer.mn

15. **Батюкова Вера Евгеньевна**, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, г. Москва, batuykova@yandex.ru

16. **Баяр Будрагчаа**, адвокат, управляющий партнер адвокатская фирма «ИЭлСи адвокаты», Республика Монголия, г. Улан-Батор, bayar@elclawoffice.mn

17. **Бороноев Павел Георгиевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, boronoevpg@mail.ru

18. **Будаев Капитон Аюрзанаевич**, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Бурятия, г. Улан-Удэ, kmkaf@yandex.ru

19. **Ван Чжи Хуа**, доктор юридических наук, профессор Политико-юридического университета Китайской Народной Республики, Генеральный секретарь ассоциации сравнительного правоведения Китая, КНР, г. Пекин, imwang333@sina.com

20. **Вологодина Кристина Владимировна**, преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, vologdinakv@mail.ru

21. **Васюткин Николай Ефремович**, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», член Ассоциации политических юристов России, г. Улан-Удэ, nickvas1985@mail.ru

22. **Гадинбуугийн Наранбаатар**, кандидат юридических наук, доцент, директор департамента послевузовского образования Международного университета Их Засаг, Монголия, г. Улан-Батор, info@ikhzasag.edu.mn

23. **Галын Туяа**, кандидат юридических наук, ассистент, профессор, проректор Международного университета Их Засаг, Монголия, г. Улан-Батор

24. **Гармаев Юрий Петрович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, gammaeff1@mail.ru

25. **Гнеушева Татьяна Борисовна**, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, tanuagneusheva88@mail.ru

26. **Гулина Елена Витальевна**, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», научный сотрудник Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, г. Улан-Удэ, gulinaalyona@mail.ru

27. **Гун Нань**, доктор юридических наук, доцент юридического института Хэйлунцзянского университета, заместитель начальника Центра по изучению российского права Хэйлунцзянского университета, г. Харбин, gong525@163.com

28. **Дабаев Бато Аюрович**, директор ООО Центр защиты бизнеса, аспирант, г. Москва, Main.bpcenter@gmail.com

29. **Дагангаров Сергей Владимирович**, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, serdag13@yandex.ru

30. **Дамдинова Эржэна Буянтуевна**, магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, dashitsyrenova.erzhena@yandex.ru

31. **Доржиева Светлана Владимировна**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, dsv_1@mail.ru

32. **Доржиев Гэсэр Баирович**, адвокат Коллегии адвокатов Республики Бурятия, г. Улан-Удэ, 79041105050@ya.ru

33. **Дугарова Сержена Жигмытовна**, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, dugarova_s@mail.ru

34. **Дугарова Евгения Жэмбеена**, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, law.bsu@mail.ru

35. **Зайкова Светлана Николаевна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, snzaikova@rambler.ru

36. **Запольский Сергей Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, г. Москва, zpmoscow@mail.ru

37. **Зелепукин Роман Валерьевич**, кандидат юридических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбов-

ский государственный университет имени Г.Р. Державина», г. Тамбов, lexcomlex@yandex.ru

38. **Идер Батчулуун**, старший инспектор УСБ Главного управления полиции Монголии, полковник полиции, магистр юриспруденции, г. Улан-Батор, i.batchuluun@yahoo.com

39. **Илтакова Наталья Владимировна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, ulynpa@mail.ru

40. **Клочкова Наталия Валерьевна**, кандидат педагогических наук, преподаватель Нижегородского губернского колледжа, г. Нижний Новгород, n-rada@mail.ru

41. **Колмаков Станислав Юрьевич**, кандидат юридических наук, заместитель директора Института частного права, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, SYUKOLMAKOV@msal.ru

42. **Копалкина Евгения Геннадьевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета, г. Иркутск, kopalkina2017@list.ru

43. **Латыпова Кристина Сергеевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, krista.100@mail.ru

44. **Лопашенко Наталья Александровна**, доктор юридических наук, профессор, профессор Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист РФ, Лауреат Национальной премии по литературе в области права, г. Саратов, lopashenko@yandex.ru

45. **Мадаев Евгений Олегович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, madaeo@mail.ru

46. **Макарова Оксана Валерьевна**, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, makov71@mail.ru

47. **Марон Милена Михайловна**, студентка переводческого факультета Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, mileena.m14@icloud.com

48. **Маркова Надежда Сергеевна**, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, mihahanovanadezhda@mail.ru

49. **Михина Елена Геннадьевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, mikhina.elena2017@yandex.ru

50. **Мурзина Елена Александровна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, elena.murzina.57@mail.ru

51. **Налетова Марина Михайловна**, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, marina.naletova.68@mail.ru

52. **Нефедьева Евгения Александровна**, аспирант кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, burfinans@gmail.com

53. **Новоселова Наталья Валерьевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, N.Novoselova@vppmail.ru

54. **Очирова Виктория Мункоевна**, доктор политических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», ведущий научный сотрудник Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, г. Улан-Удэ, ochirova.v@yandex.ru

55. **Пастушенко Артем Александрович**, аспирант юридического факультета ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права», г. Хабаровск, Gotthard89@rambler.ru

56. **Пахомова Елизавета Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-правовых наук Волжского государственного университета водного транспорта, г. Нижний Новгород, pahomova-e@inbox.ru

57. **Попова Елена Ильинична**, научный сотрудник Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, popovaelena03@yandex.ru

58. **Потапов Сергей Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, potapov.1995@yandex.ru

59. **Раднаева Эльвира Львовна**, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, elviraradnaeva@mail.ru

60. **Репецкая Анна Леонидовна**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, г. Иркутск, repetsk@mail.ru

61. **Рзаев Эльман Эльманович**, аспирант кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления — филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Нижний Новгород, elman-rz@yandex.ru

62. **Родивилин Иван Петрович**, старший оперуполномоченный по особо важным делам отдела «К» ГУ МВД России по Иркутской области, г. Иркутск, 377a@bk.ru

63. **Семенов Баир Станиславович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, bairsemenov@mail.ru

64. **Серебренникова Анна Валерьевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, serebranna@hotmail.com

65. **Скуратов Юрий Ильич**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (Россия, г. Москва)

66. **Содномова Эржена Дмитриевна**, юрист ООО «Регион Эстейт», г. Улан-Удэ, esodnomova@yandex.ru

67. **Сорокин Кирилл Александрович**, студент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, kirill.sorokin.014@gmail.com

68. **Степанов Михаил Михайлович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, stepanovtao@mail.ru

69. **Степанов Олег Анатольевич**, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, o_stepanov28@mail.ru

70. **Сыченко Елена Вячеславовна**, кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, e.sychenko@mail.ru

71. **Токторов Алтынбек Эгембердиевич**, кандидат юридических наук, и.о. доцента кафедры «Частного права» Кыргызско-Узбекского университета, Кыргызская Республика, г. Ош

72. **Токторова Айдай Эгембердиевна**, кандидат юридических наук, эксперт отдела обработки и выпуска нормативных правовых актов Жогорку Кенеш (парламента) Кыргызской Республики, Кыргызская Республика, г. Бишкек

73. **Трошинский Павел Владимирович**, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской Академии Наук (ИДВ РАН), г. Москва, troshc@mail.ru

74. **Тумурова Анна Тимофеевна**, доктор юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, annatumurov789@gmail.com

75. **Тышкенова Айгуль Григорьевна**, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, 79021612161@mail.ru

76. **Тюкалова Александра Олеговна**, студент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, tiukalova18@mail.ru

77. **Фоменков Артём Александрович**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, зарубежного регионоведения и журналистики, старший научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, artjom2310@inbox.ru

78. **Хакимова Жанна Александровна**, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, zhanvas@yandex.ru

79. **Хамнуев Юлий Григорьевич**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, hamnuev_yug@mail.ru

80. **Хармаев Юрий Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, kharmaev@mail.ru

81. **Хобраков Дмитрий Цыбикович**, заместитель прокурора Республики Бурятия, старший советник юстиции, г. Улан-Удэ, prokrb@03.mailop.ru

82. **Хунан Жаргалсайхан**, Председатель Национальной комиссии по правам человека Монголии, Монголия, г. Улан-Батор

83. **Хышиктуев Олег Валентинович**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, olegbuyanto@yandex.ru

84. **Цагарати Евгения Ханджериевна**, юрист, индивидуальный предприниматель, г. Москва, evgeniatsagarati@gmail.com

85. **Цолмонгийн Цэлмэг**, проректор Международного университета Их Зацаг, Монголия, г. Улан-Батор, info@ikhzasag.edu.mn

86. **Цыбикова Марина Дамбаевна**, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, zibik@mail.ru

87. **Чмелева Татьяна Анатольевна**, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, tschmelewa@mail.ru

88. **Чжан Юепин**, докторант, преподаватель юридического факультета Хэйлунцзянского университета, КНР, г. Харбин, 13836128691@163.com

89. **Шалбаева Сэсэгма Бато-Мунхоевна**, преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО "Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова", г. Улан-Удэ, sesegshal@yandex.ru

90. **Шарова Юлия Владимировна**, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Нижний Новгород, yu.gulyaeva@niu.ranepa.ru

91. **Эрхитуева Татьяна Ильинична**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, tanja_77@mail.ru

92. **Юндэндоржийн Бадамханд**, доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института Международного Улан-Баторского университета (International University of Ulaanbaatar), Монголия, г. Улан-Батор, badamkhand.yu@ulaanbaatar.edu.mn

93. **Ямашева Екатерина Валерьевна**, научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Crim2@izak.ru

Научное издание

ГОСУДАРСТВО И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ
СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА:
ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Материалы

*VIII Международной научно-практической конференции
(Улан-Удэ, 24 июня 2021 г.)*

THE STATE AND LEGAL SYSTEMS
OF THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION:
PROBLEMS OF STATE AND LEGAL COOPERATION
IN THE CONDITIONS OF CRISIS OF INTERNATIONAL LAW

*VIII International scientific and practical
conference materials
(Ulan-Ude, June 24, 2021)*

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 22.11.2021. Формат 70x108 1/16.
Усл. печ. л. 12,95. Уч.-изд. л. 10,34. Тираж 100. Заказ 151.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а